

А. В. ШАРКОВ
Е. И. ХОРОШЕВИЧ

**СТАВКА
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
РУССКОЙ АРМИЕЙ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОБЫТИЯХ И ЛИЦАХ**

Минск
Издательский дом «Звезда»
2017

УДК 94(47+57)“1914/1918”
ББК 63.3(2)524
Ш26

Рецензенты:

академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Республики Беларусь,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси *А. А. Коваленя*;

профессор кафедры уголовно-исполнительного права
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
доктор исторических наук, профессор *В. А. Ананич*

*В издании использованы фотоснимки
из личных архивов авторов и медиаисточников*

*Выпуск издания осуществлен по заказу и при финансовой поддержке
Постоянного Комитета Союзного государства*

Шарков, А. В.

Ш26

Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны в событиях и лицах / А. В. Шарков, Е. И. Хорошевич. – Минск : Звезда, 2017. – 256 с. : [16] л. ил.

Предлагаемое читателю издание представляет собой первую полную публикацию о Ставке Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны и посвящено 100-летию ее окончания.

В основу книги положены многочисленные документальные и мемуарные источники.

Предназначена для историков, студентов исторических факультетов, широкого круга читателей.

УДК 94(47+57)“1914/1918”
ББК 63.3(2)524

© Шарков А. В., Хорошевич Е. И., 2017
© Оформление. РИУ «Издательский дом
«Звезда», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
--------------------------	---

Глава 1

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ПРИ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ	11
Ставка и ее Штаб	12
Структура и комплектование Русской армии	34
Военные планы Ставки в начальный период войны и их реализация	45
Передислокация Ставки и смещение Верховного главнокомандующего	51
Примечания	62

Глава 2

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ II	65
Верховный главнокомандующий Николай II и его окружение.....	66
Царская семья.....	93
Активизация оппозиции, завершение военной кампании 1916 года и планы на 1917 год	106
Предательство и отречение	111
Примечания	146

Глава 3

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ	151
Революционный хаос и развал армии	152
Верховный главнокомандующий Русской армией Л. Г. Корнилов и принимаемые им меры по спасению армии и государства	171
Противостояние Корнилова и Керенского	180
Арест мятежных офицеров, их побег из-под стражи	188
Примечания	202

Глава 4

СТАВКА РУССКОЙ АРМИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	205
Верховный главнокомандующий Русской армией Н. Н. Духонин	206
Верховный главнокомандующий Русской армией Н. В. Крыленко, захват Ставки революционными войсками	220
Революционная Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией Н. В. Крыленко, убийство Н. Н. Духонина	230
Преобразование старой Ставки и армии, их ликвидация, выход России из войны	236
Примечания	244
Литература	245

Приложение

Высший командный состав сухопутных войск Российской империи в период с августа 1914 г. по март 1917 г.	250
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Сараево, столице Боснии и Герцеговины, 28 июня 1914 г. был убит эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник австро-венгерского престола. Его визит в Боснию, где не угасало возмущение в связи с ее аннексией Австро-Венгрией в 1908 г., пришелся на Видов день, траурный в южнославянской истории: 15 (28) июня 1389 г. в битве на Косовом поле турки нанесли поражение сербским войскам, в результате страна потеряла независимость.

Организация «Млада Босна» («Молодая Босния»), выступавшая за объединение провинции с Сербией, подготовила покушение, расставив семь террористов на пути следования кортежа в городскую ратушу.

Первая попытка не принесла желаемого результата: бомба взорвалась среди охраны. Эрцгерцог не внял совету отменить церемонию. Городской глава от имени жителей города прочел заранее выстраданную речь, в которой выразил исключительную радость по поводу приезда Его Высочества, что в создавшихся условиях звучало откровенно издевательски. По возвращении из ратуши беспечного эрцгерцога подстерегала очередная провокация с фатальным исходом. Гимназист Гаврило Принцип несколькими выстрелами из пистолета насмерть сразил Франца Фердинанда и его супругу, герцогиню Софию Гогенберг.

Террориста Принципа, пытавшегося проглотить ампулу с ядом, полиция скрутила. Он получил 20 лет заслуженной каторги, возвратиться с которой ему было не суждено.

Однако мир замер в гнетущем предчувствии беды и мести западных империй. Воспользуются ли австро-венгерские и германские правящие круги убийством как поводом для развязывания войны?

Воспользовались. По завершении траурных церемоний Австро-Венгрия при поддержке Германии предъявила Сербии довольно-таки провокационный и унижительный по содержанию ультиматум. В нем было требование: прекратить выступления против аннексии Боснии и Герцеговины, закрыть все антиавстрийские организации, удалив из армии офицеров, не угодных австрийскому правительству, и допустить в Сербию австрийских чиновников для расследования убийства эрцгерцога.

Сербия обратилась за советом к России. Поскольку славянский союзник к войне не был готов, то порекомендовал ей согласиться с ультиматумом. Сербия приняла все его пункты, кроме одного – дать разрешение на расследование убийства эрцгерцога и его супруги.

Ответ Австро-Венгрии мир запомнит надолго: 15 (28) июля 1914 года она объявила Сербии войну. Попытки урегулировать конфликт мирным путем потерпели фиаско. Через день в ответ на артиллерийскую бомбардировку Белграда Россия объявила всеобщую мобилизацию. В дневниках «250 дней в царской ставке» российский публицист и дипломат Михаил Лемке вспоминает: «Вчера Австрия начала бомбардировку Белграда... Каждому ясно, что надежды на мирное улаживание уже нет. Сегодня столица манифестирует в честь сербов; петербургские немцы, особенно из привилегированных кругов, чувствуют себя на угольях» [43].

Германия через своего посла в России графа Пурталеса потребовала отменить мобилизацию Русской армии, что было неприемлемо для самолюбия имперских министров, да и самого Николая II. Армия и флот России были приведены в полную боевую готовность, надежды на мирное урегулирование противоречий между коалициями оставались призрачными. В Европе также никто не верил в мирный исход конфликта, да и сама Россия, проявляя принципиальность в политических решениях, скатывалась к черте, за гранью которой было не избежать кровопролитной войны.

Германский посол 19 июля 1914 г. в последний раз приехал к министру иностранных дел России С. Д. Сазонову. Волнение немца было настолько велико, что он сгоряча отдал министру обе дипломатические ноты: в одной было объявление войны, а во второй – предложения Германии по мирному улаживанию конфликта. Овладев собой, граф Пурталес потребовал вернуть второй документ, но в ответ получил отказ русского дипломата, мол, германские предложения по улаживанию конфликта имеют для России историческую ценность, подтверждение, что российские войска не начнут военные действия первыми. По свидетельству Сазонова, покидая его кабинет, граф Пурталес со слезами восклицал: «Кто бы мог предвидеть, что мне придется покидать Петербург при таких обстоятельствах!»

Российский император Николай II, приняв для себя тяжелейшее решение, напротив, испытывал облегчение: «Я почувствовал, что всё кончено навсегда между мной и Вильгельмом, – рассказывал он потом послу Франции в России Морису Палеологу. – Я спал необычайно крепко. Когда проснулся в свой обычный час, я чувствовал себя так, как будто бы камень свалился с моей души. Моя ответственность перед Богом и перед народом была огромной, но я, по крайней мере, знал, что я должен делать».

20 июля 1914 г. Николай II определил позицию России в Манифесте: «Ныне предстоит уже не заступиться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные. С глубокою верою в право-

ту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божие благословение».

После прибытия из Петергофа в столицу император присутствовал на торжественном молебне в Николаевском зале Зимнего дворца, а затем обратился к представителям армии и флота.

Когда текст обращения был зачитан, государь и Александра Федоровна вышли на балкон Зимнего дворца. Собравшаяся на Дворцовой площади многолюдная толпа как один человек безмолвно опустилась на колени.

Некоторое время Берлин тешил себя надеждой, что Россия не отважится на войну, уступит превосходно вооруженной германской армии кайзера Вильгельма. Российская империя отказалась выполнить капитуляционное требование на фоне явной внешней угрозы, высоко оценивая свое моральное и военное превосходство перед противником.

Военные историки отмечали, что русская полевая артиллерия была снабжена прекрасными орудиями, не только не уступавшими образцовым французским и немецким, но и во многих отношениях их превосходившими.

История начала XX века повела отсчет трагических событий, в которых зловещая роль Германии будет проследиваться вплоть до мая 1945 г.

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявляет России войну. 21 июля (3 августа) в нее вступает Франция, на следующий день – Англия. 26 июля (8 августа) было объявлено о состоянии войны между Россией и Австро-Венгрией.

Так начиналась Первая мировая война, в которой скрестили шпаги 38 государств с населением почти 2 млрд человек. Война свела в смертельной схватке монархии и республики, индустриальные гиганты, развитые и прогрессивные в гражданско-правовом отношении общества, и отсталые окраины Европы и Азии, по преимуществу аграрные страны. При этом они продолжали функционировать во многом по средневековым иерархическим и сословным канонам. Война выявила противоречивость европейской цивилизации и таившиеся под фасадом ее общности глубокие противоречия между странами Западной, Центральной, Северной и Южной Европы.

Несомненно, главная причина войны, растянувшейся на 4 года и 4 месяца, – противоречия между крупнейшими странами мира. Не будь убийства эрцгерцога и его супруги, была бы иная провокация с тем же финалом.

Желание всемирного господства – важнейший катализатор и логическое продолжение внешней политики, которую вели крупнейшие страны мира в течение второй половины XIX – начала XX в. В это время были образованы два союза государств: Германия – Италия – Австро-Венгрия (Тройственный союз) и Англия – Франция – Россия (Антанта).

Германия стремилась добиться господства в Европе, для чего следовало разгромить своего главного экономического конкурента – Англию, лишить ее колоний и военно-морского флота; разбить Францию, Бельгию, Голландию и захватить их колонии; ослабить Россию, забрать у нее Польшу, Украину, Прибалтику; закрепиться на Балканах и Ближнем Востоке.

Австро-Венгрия хотела захватить Сербию и Черногорию, российское Закавказье, а Болгария – восточную часть Сербии.

Англия стремилась сохранить свое колониальное влияние, для чего намеревалась разгромить Германию, захватить ее колонии и арабские территории в Турции.

Франция рассчитывала вернуть себе захваченные Германией в 1871 г. провинции Эльзас и Лотарингию и завладеть смежным Саарским угольным бассейном, отстоять свои колонии (прежде всего в Марокко) от притязаний Германии.

Россия также преследовала не бескорыстные цели, рассчитывая в случае победы заполучить Галицию у Австро-Венгрии, завладеть Константинополем (Стамбулом) и черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами.

Свои агрессивные планы имели Япония, Италия и другие государства.

В чем же логика развязывания Первой мировой войны, в которой каждая из враждующих сторон рассчитывала на скорую победу? В основу германского плана легли идеи бывшего начальника Генерального штаба Шлиффена: выраженный наступательный характер и расчет на молниеносную войну (тот же самый блицкриг 1941 г. – *Авт.*).

На всю военную кампанию отводилось не более двух месяцев. Развитая сеть железных дорог и отработанная система мобилизации позволяли германскому командованию через две недели после начала военной операции развернуть свои войска в полной боевой готовности на границах Франции и России. Затем предполагалось наступление, пока противник в замешательстве и еще не мобилизовал свои армии.

Первый удар планировалось обрушить на Францию. Наступление должна была провести мощная группировка, сконцентрированная в северном крыле француско-германского фронта. Более 30 армейских корпусов – около 3/4 всех сил Западного фронта были развернуты на рубеже между Голландией и крепостью Мец через Бельгию с целью захвата французской столицы. Они и выдвинулись в направлении Парижа.

На других участках Западного и Восточного фронтов германское командование планировало активную оборону, допускало даже сдачу некоторых территорий Восточной Пруссии русским войскам. После капитуляции Франции было намерено сконцентрировать высвобожденные войска на Восточном фронте и разгромить Русскую армию. Планы западных союзников России находились в прямой зависимости от действий Германии. Если немецкие войска наносили главный удар по России, франко-англо-бельгийские армии тут же переходили во всеобщее наступление. В случае нанесения основного удара по Франции предполагалась активная оборона с целью изматывания противника с последующим нанесением контрудара и контр наступлением в районе Эльзаса. С ослаблением натиска немецких войск планировалось всеобщее наступление. Основные боевые действия возлагались на французскую армию. Англичанам и бельгийцам отводилась вспомогательная роль. При этом предполагалось, что английский флот нанесет поражение германским военно-морским силам и возьмет Германию в тиски блокады.

Интересы России требовали нанесения главного удара по Австро-Венгрии. Однако согласно франко-русской договоренности, Россия была обязана вести активные наступательные действия в Восточной Пруссии с целью ослабить немецкий натиск на Францию. Это ломало стратегическую концепцию, заставляя расплывать силы (по плану российского командования, через два месяца после объявления войны мобилизованная Русская армия наносила удар по австро-венгерским войскам в Галиции). Одновременно планировалось наступление в Восточной Пруссии. Окончательная цель наступления – капитуляция Австро-Венгрии и разгром восточно-прусской группировки противника.

Известие о войне с Германией и Австро-Венгрией вызвало патриотический подъем в обществе, ознаменовалось волной богослужений по всей стране о даровании победы русскому оружию. Эйфория первых недель войны на время отодвинула в тень главный для российской политической и военной элиты вопрос: готовы ли народные массы выдержать предстоящее военное испытание?

Различные слои гражданского общества России продемонстрировали единство мнений, и не только во время кухонных разговоров. Образ царя как верховного носителя идеи российской государственности еще оставался в глазах миллионов граждан неотъемлемой частью русского патриотизма. К тому же чувство страха и бессилия перед надвигающейся бедой, тревога за судьбу уходящих на фронт солдат и матушки-России соседствовали с сочувствием братьям-сербам и вполне объяснимой ненавистью к германским агрессорам. Она подогревалась среди населения империи тревожными вестями о бесчинствах германцев на территории Бельгии и Франции.

В ходе всеобщей мобилизации возникло добровольческое движение, охватившее часть молодежи, которая имела отсрочку от призыва в действующую армию.

Особыми патриотическими чувствами в начале войны была преисполнена интеллигенция. В ее среде были и те, кто считал преступлением истребление людей на полях войны, однако таких было меньшинство. В первые месяцы войны на фронт ушло около 30 тыс. учителей и большое количество врачей. Надели армейскую форму и известные русские писатели – В. Вересаев и М. Зощенко, поэты Н. Гумилев, А. Блок и др.

В числе добровольцев были также отдельные представители высшего российского общества.

Императрица Александра Федоровна и ее дочери сочли своим долгом в судьбоносное для империи время работать медицинскими сестрами в Царско-сельском госпитале. Их примеру последовали другие великосветские дамы. Развернулась широкая благотворительная кампания по сбору денег на нужды раненых и солдатских семей. Было организовано Общество помощи жертвам войны, Союз Георгиевских кавалеров и другие общественные организации, взявшие на себя заботу о беженцах и военнопленных.

Специфическим было отношение к войне революционной интеллигенции, в среде которой с самого начала войны выявились «оборонцы» и «пораженцы», а также сторонники скорейшего заключения мира без победителей и побежденных.

Оборотная сторона патриотических настроений – антигерманская кампания. Она прокатилась по стране и выразилась в переименовании ряда городов, закрытии немецких газет, магазинов, хозяевами которых были потомственные немцы, подозрительным отношением ко всем, кто носил созвучные с немецкими фамилии, и т. д. К тому же власти почти не препятствовали разгрому толпой германского посольства в Петербурге (следует сказать, что оскорблению в Берлине подвергся и российский посол).

Обстановка на фронте (трагедия в районе Мазурских озер, а затем успехи русских войск в Галиции) способствовала на первых порах непередаваемому приливу патриотических чувств. Армию «жалели», за нее молились, ею восхищались – такие эмоции и переживания вызвала война. Но вскоре стало ясно, что конструктивного взаимодействия монархической власти и общественности в России не получается.

Согласно мобилизационным планам, Русская армия должна была быть готова к активным наступательным действиям к началу августа 1914 г. Однако события развивались слишком стремительно, спутав игрокам военной авантюры все предварительные расчеты. Уже в начале августа немецкие войска ворвались в Бельгию и осадили крепость Льеж (пала 16 августа). В течение двух недель после вторжения Бельгия была оккупирована. К 20 августа немецкие войска вышли на линию Брюссель – Намюр – Диан.

1-я и 2-я французские армии, пытавшиеся вести наступление в Вогезах и Эльзасе, потерпели поражение и в августе отступили к Парижу. Англо-французское командование обратилось к российскому правительству с просьбой ускорить наступление в Восточной Пруссии.

Русские войска не были еще готовы к активным действиям, но решено было откликнуться на просьбу союзников. К этому времени Россия насчитывала 114 пехотных и 40 кавалерийских дивизий общей численностью около 3,5 млн человек. Огневую поддержку обеспечивали 7088 орудий. В этом отношении Россия уступала лишь Германии, которая располагала 8388 орудиями. Но хотя русские пушки по техническим характеристикам превосходили немецкие, они имели недостаточный запас снарядов. Кроме того, Германия превосходила Россию в численности тяжелой артиллерии: 3260 пушкам Германии Россия могла противопоставить лишь 240 тяжелых орудий.

В 1914 г., оценив обстановку, российское военное командование образовало два фронта: Северо-Западный и Юго-Западный. Позднее были развернуты Северный, Кавказский и Румынский фронты. Кроме того, в военных действиях должны были принять участие моряки Балтийского и Черноморского флотов.

Разработка военной стратегии Русской армии была поручена родному дяде Николая II, Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, с именем которого и возглавляемой им Ставкой были связаны все значимые сражения начального периода Первой мировой войны [48; 97, с. 472–476; 96, с. 8–19].

Глава 1

**СТАВКА
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
РУССКОЙ АРМИЕЙ
ПРИ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ**

СТАВКА И ЕЕ ШТАБ

В течение первого года войны небольшой белорусский провинциальный город Барановичи Новогрудского уезда Минской губернии притягивал внимание всех, кто следил за событиями, происходящими на театре военных действий. Здесь с первых дней войны начала свою работу Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией – орган высшего полевого управления и место нахождения главнокомандующего Вооруженными Силами России.

Верховным главнокомандующим в то время являлся великий князь Николай Николаевич Романов, родной дядя Императора и Самодержца Всероссийского Николая II, назначенный на эту должность высочайшим указом от 20 июля 1914 г., в котором говорилось: «Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо всемилостивейшее повелеть нашему генерал-адъютанту великому князю Николаю Николаевичу быть Верховным главнокомандующим» [43, с. 196]. Таким образом, в самом начале Первой мировой войны великий князь Николай Николаевич возглавил все Вооруженные Силы России.

Для размещения Ставки Барановичи с населением в 30 тысяч человек выбрали не случайно, а благодаря наличию развитой транспортной инфраструктуры, поскольку транспортные коммуникации на войне, равно как грамотное планирование и связь, – вещи архиважные. Барановичи, имея 3 железнодорожные станции, 2 вокзала, паровозное депо, являлись одним из крупнейших железнодорожных узлов в русских западных провинциях. Здесь сходились важнейшие железнодорожные магистрали Москва – Брест-Литовск и Вильно – Гродно, а также автодороги. Гене-

рал-квартирмейстер Ставки первого состава Ю. Н. Данилов так характеризовал барановичский железнодорожный узел, близ которого в первый год войны располагалась Ставка Верховного главнокомандующего: «Местом расположения ее было избрано м. Барановичи, где сходились важнейшие железнодорожные линии западно-пограничного пространства; последние соединяли Ставку с фронтом, флангами и тылом» [26, с. 168–169].

Кроме того, в Барановичах имелась местная телефонная сеть, работали 3 кирпичных, маслобойный, колесной мази, 2 лесопильных, чугунолитейный заводы и сухарный завод Виленского интендантства, 3 фабрики мельничных жерновов и 2 мельницы. В городе постоянно квартировали железнодорожная бригада и несколько батальонов пехотного полка.

Из столицы Российской империи на театр военных действий Ставка Верховного главнокомандующего Русской армии проследовала с Царскосельского вокзала на двух поездах в полночь 30 июля с соблюдением строгой тайны. О том, что местом дислокации Ставки будут Барановичи, большинство ее членов узнало лишь после того, как поезда отошли от Петербурга. О месте пребывания Ставки полагалось говорить по секрету, а писать и вовсе запрещалось, оно должно было оставаться неизвестным как для противника, так и для своих. Хотя в дальнейшем, как показала реальность, сохранить втайне от неприятеля местопребывание Ставки, конечно, было невозможно.

По прибытии в Барановичи 2 августа здесь на железнодорожной платформе Полесского вокзала состоялось представление чинов штаба Верховному главнокомандующему и знакомство офицеров Ставки с будущими сослуживцами. С этого представления, можно сказать, в строгой и сосредоточенной атмосфере, и началась повседневная работа Ставки при великом князе Николае Николаевиче. На него и Ставку возлагалась разработка военной стратегии Русской армии в начальный период войны.

Для места расположения Ставки была определена лесная окраина Баранович, район пустовавших казарм железнодорожной бригады, ушедшей на фронт. К этим казармам было проведено от железнодорожной магистрали несколько путей, на которых и были поставлены поезда штаба. На пути, ведущем к отдельно расположенному дому начальника бригады, стал называемый первый поезд – Верховного главнокомандующего. В нем находился сам Главнокомандующий – великий князь Нико-

лай Николаевич, его брат великий князь Петр Николаевич, ближайшая их свита, начальник штаба генерал Н. Н. Янушкевич, генерал-квартирмейстер генерал Ю. Н. Данилов с офицерами оперативного отделения своего управления, протопресвитер военного духовенства Георгий Шавельский и представители союзных армий при Верховном главнокомандующем генералы маркиз де ла Гиш и сэр Хембери Вильямс.

Верховный главнокомандующий, начальник Штаба и генерал-квартирмейстер занимали особые вагоны в поезде. Прочие имели отдельные купе, исключая генералов И. А. Ронжина и П. К. Кондзеровского, которые вдвоем занимали вагон во втором поезде, и полковника Балинского, казначея двора великого князя, с инженером Сардаровым, начальником поезда великого князя, которые также вдвоем жили в отдельном вагоне первого поезда. Канцелярии размещались в железнодорожных домиках, генерал-квартирмейстерское управление – в доме начальника бригады напротив вагона Главнокомандующего. К этому дому были проведены прямые провода связи с фронтом и Петербургом.

Второй поезд стоял на другом пути на небольшом расстоянии от первого, и остальные управления штаба разместились в ближайших казарменных постройках бригады. В этом поезде находилось управление дежурного генерала во главе с генералом Кондзеровским; управление военных сообщений во главе с генералом С. А. Ронжиным; военно-морское управление во главе с контр-адмиралом Д. В. Ненюковым, в составе которого был великий князь Кирилл Владимирович; дипломатическая канцелярия во главе с Н. А. Базили, затем князем Кудашевым; гражданская канцелярия во главе с князем Оболенским и часть управления генерал-квартирмейстера, не поместившаяся в первом поезде.

Эти два поезда, собственно, и составляли Штаб Верховного главнокомандующего. В каждом из них был свой вагон-ресторан, и чинам Штаба был обеспечен максимальный жизненный комфорт и удобства для работы, так как каждый помещался в своем отдельном купе.

В связи с размещением в Барановичах столь важного военного учреждения были предприняты меры повышенной безопасности и охраны в городе и окрестностях. Охранные части оцепили Ставку кольцом своих постов и в район ее расположения никого не пропускали. Согласно плану охраны, город разбили на два района и семь участков с назначением во главе одного района пристава Баранович Бахмача, а другого – помощника пристава Минской городской полиции Едлинского. Во главе участков были назначены полицейские надзиратели: Минской городской

полицей Чехович, Новогрудской – Романовский, Слуцкой – Красовский, чиновник из Новогрудской уездной полиции Бахар и по одному опытному уряднику из полиции Пинского, Слуцкого и Новогрудского уездов. В Барановичи дополнительно было командировано: из Минска – 20 городских, Бобруйска и Пинска – по 5 городских, из Слуцка и Новогрудского уезда – соответственно 10 и 20 стражников. Всего барановичская полиция пополнилась 60 нижними чинами. Общее руководство полицией и заведование политической частью как в Барановичах, так и в прилегающих селениях, а также у станции Полесских и Александровской железных дорог возлагалось на помощника начальника Минского губернского жандармского управления подполковника А. И. Солтана. Охрана территории на протяжении 10 верст вокруг Баранович была возложена на Новогрудского уездного исправника [56].

В Ставке Верховный главнокомандующий Русской армией великий князь Николай Николаевич целиком ушел в войну, отдавая все свое время усиленной работе, живо всем интересуясь и непосредственно руководя боевыми операциями. Им владела одна мысль – победа над неприятелем. Обладая суровым характером, великий князь был требователен и порой даже груб с офицерами, не считался ни с чином, ни со званием. Но каждый понимал, что так должно быть, особенно во время войны, когда слабость Главнокомандующего могла погубить все дело. Прошло три-четыре месяца войны – и Николай Николаевич стал уже просто популярен. В армии о нем заговорили не иначе как с восторгом и благоговением, хотя до войны отношение к Николаю Николаевичу было двойственное. Армия относилась к нему довольно сдержанно, особенно те части, в которые он в свое время приезжал не в духе, прогонял их с матерной бранью с места смотра и прочее. Но ценили его честность и прямоту, знание службы, умение подчиняться долгу, серьезное отношение к своим обязанностям.

«Внимание к работе войск действительно отличало первого Верховного главнокомандующего, – пишет о нем в своих воспоминаниях военный корреспондент Лемке, – я видел сотни телеграмм, в которых великий князь, чаще собственноручно, спешил поблагодарить ту или иную войсковую часть за совершенную работу и всегда с той теплотой и подъемом, которые так действуют на войска. Чаще случалось, что на великого князя действовало первое впечатление, что внимательный анализ, и притом спустя некоторое время, указывал ошибочность его восторженности, но ошибки в этом направлении вполне простительны, как

диктует военная наука, когда имеется в виду плохая организация армии» [43, с. 107].

Великий князь Николай Николаевич родился 6 (18) ноября 1856 г. Окончил курс в Николаевской академии Генерального штаба, после чего зачислен в списки штаба. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за переправу через Дунай и золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» – за штурм Шипкинского перевала. Он командовал последовательно Лейб-гвардии Гусарским Его Величества полком, 2-й бригадой 2-й гвардейской дивизии и 2-й гвардейской кавалерийской дивизией. В 1895 г. Николай Николаевич стал генерал-инспектором кавалерии; в 1901 г. произведен в генералы от кавалерии; в 1905 г. назначен главнокомандующим войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа и председателем Совета государственной обороны¹.

Великий князь Николай Николаевич, как отмечают современники, был храбрым офицером, но не отличался политическим чутьем и организаторскими талантами. В своих суждениях великий князь проявлял определенную, если так можно выразиться, чисто военную прямоту и давал им оценку с этой точки зрения. Он беспредельно любил государя императора, который в бытность наследником состоял его подчиненным в Лейб-гвардии Гусарском полку, подчеркивал свою преданность монарху и являлся ярким выразителем идеи самодержавия. В государственные вопросы, не относящиеся непосредственно к сфере его деятельности, вмешивался редко, и только в случаях, когда такое вмешательство могло, по его мнению, принести пользу государю.

Между тем, по уверению небольшого близкого к нему круга лиц, в психологии Николая Николаевича произошел серьезный перелом после женитьбы на Анастасии Николаевне Черногорской. Этот брак сгладил якобы его характер, сделал его более вдумчивым в роли старшего из всех родственников царя и заставил взяться за изучение русской политической жизни.

Как Верховный главнокомандующий Николай Николаевич наделялся чрезвычайно широкими властными полномочиями. Его распоряжения исполнялись на театре военных действий всеми без исключения правительственными и общественными учреждениями, а равно должностными лицами всех ведомств и всем населением как высочайшие повеления. Ему подчинялись члены императорской фамилии, если они находились в пределах театра военных действий.

Он подчинялся исключительно государю и за свои распоряжения и действия нес ответственность только перед ним. Во всех случаях, когда признавал это полезным или нужным, обращался к государю. Никакие правительственные чиновники и учреждения в империи не имели права давать Верховному главнокомандующему предписаний и не могли требовать от него отчетов, а также напрямую связываться с ним, за исключением министров, главнокомандующих отдельными частями и лиц, непосредственно ему подчиненных.

Руководствуясь предоставленными ему высочайшими указаниями, он наделялся правами распоряжаться военными действиями по своему усмотрению, направлять усилия подчиненных ему сухопутных и морских сил к достижению общей цели всеми способами, какие считал необходимыми.

Он мог собственной властью заключать с неприятелем перемирие, когда военные обстоятельства вынуждают к тому безотлагательно, донося тотчас государю. Если же перемирие не представлялось безотлагательной необходимостью, то предварительно испрашивалось высочайшее соизволение как на перемирие, так и на его условия. Теми же правами он наделялся и в отношении прекращения перемирия. Он не мог вступать в переговоры о мире без особого повеления государя.

При Верховном главнокомандующем состояли: его родной брат великий князь Петр Николаевич и светлейший князь генерал-адъютант Д. Б. Голицын. По воспоминаниям современников, оба – кристально чистые люди: благородные, честные, доброжелательные и добродушные – праведники в миру. Они были близкими и верными друзьями Верховного главнокомандующего, но, к сожалению, как отставшие от военного дела, они не могли быть советниками в военных вопросах. Великий князь Петр Николаевич когда-то занимался военно-инженерным делом, но в последние годы весь свой досуг отдавал живописи и церковному зодчеству: по его проектам построено несколько церквей, в том числе Мукденская. Князь Голицын перед войной заведовал царской охотой.

В качестве генерала для поручений при Главнокомандующем состоял генерал-майор Б. М. Петрово-Соловово, бывший командир Лейб-гвардии Гусарского полка, потом командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, последнее время – предводитель дворянства Рязанской губернии, честный, добрый и прямой, бесконечно преданный великому князю человек. В бытность великого князя коман-

диром Лейб-гвардии Гусарского полка Петрово-Соловово был его полковым адъютантом.

Кроме того, при великом князе состояли: заведующий двором генерал М. Е. Крупенский, ротмистр барон Ф. Ф. Вольф, казначей двора великого князя полковник И. И. Балинский, заведующий поездом инженер путей сообщения Сардаров, доктор Б. З. Малама. Вскоре в свиту великого князя вошел его двоюродный брат принц Петр Александрович Ольденбургский, муж великой княгини Ольги Александровны.

У Верховного главнокомандующего было пять адъютантов: полковники – князь П. Б. Щербатов (лейб-гусар), князь М. М. Кантакузен (кавалергард), А. П. Коцебу (улан Ее Величества), граф Г. Г. Менгден (кавалергард), ротмистр Х. И. Дерфельден (конная гвардия) – и поручик князь В. Э. Голицын (кавалергард).

Обязанности адъютантов сводились к минимуму: каждый дежурил свои очередные сутки, ложась спать и вставая в обычное время, ибо великого князя по ночам никогда не беспокоили. Дежурство состояло в том, что адъютант должен был быть наготове в часы, когда великий князь бодрствовал, чтобы доложить, если кому-либо понадобилось с ним увидеться, или явиться к великому князю по его зову. После завтрака, когда великий князь обязательно отдыхал, мог отдохнуть и дежурный адъютант. Командировки адъютантов были сравнительно редки.

Конечно, свита составляла, так сказать, декоративную часть Ставки Верховного главнокомандующего, и нельзя сказать, что она была малочисленна. «Для войны, для дела, – характеризует ситуацию протопресвитер Русской армии и флота Георгий Шавельский, – вся эта компания, кроме двух-трех адъютантов, доктора и гофмаршала, пожалуй, и не требовалась. ... Между тем, эти, здесь лишние люди, были офицеры. В своих полках они несли бы настоящую службу; тут же они были просто “дачниками”, в безделье проводившими время и, тем не менее, думавшими, что и они воюют, да еще как: окружая самого Верховного!» [95, с. 5, 7].

Основным рабочим органом управления Ставки являлся Штаб Верховного главнокомандования, возглавляемый начальником, являвшимся ближайшим соратником Верховного главнокомандующего по всем вопросам и в полной мере посвященным во все его планы и замыслы.

Первоначально Штаб состоял из пяти управлений: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений, военно-морского и коменданта главной квартиры.

Начальником Штаба Ставки при Верховном главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче был назначен генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич. Вернее сказать, генерал Янушкевич автоматически перешел, согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время», на должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего с должности начальника Главного управления Генерального штаба², которую он занимал перед войной и на которую был назначен военным министром В. А. Сухомлиновым главным образом благодаря покладистости характера.

До войны Янушкевич длительное время служил в канцелярии военного министерства и дослужился до должности помощника начальника канцелярии. Одновременно в течение нескольких лет состоял профессором Академии Генерального штаба по администрации. В 1913 г. был назначен начальником Академии, после генерала Д. Г. Щербачева, начавшего было проводить в Академии реформы, не понравившиеся военному министру.

В мае 1914 г. Янушкевич был назначен на должность начальника Генерального штаба Русской армии. Назначение это вызвало тогда много разговоров, явившись для всех большой неожиданностью, ибо все знали, что генерал Янушкевич по прежней своей службе все время занимался не стратегическими или тактическими вопросами, а хозяйственными и распорядительными. Еще большей неожиданностью, хоть уже совершенно естественной в порядке службы, было назначение его на должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего. Таким образом, Янушкевич занял эту должность без боевого опыта и подготовки.

По мнению современников, генерал Янушкевич был всегда ласковым, крайне приветливым, внимательно выслушивал доклады, быстро давал соответствующие указания и привлекал к себе ясностью ума, светившегося в его мягком взгляде. Отмечалось, что в вопросах гражданских генерал Янушкевич был так же неопытен, как и его августейший Главнокомандующий. На должности начальника Штаба Верховного главнокомандующего он растерялся, но все же имел мужество осознать свою неспособность и уступил руководящую роль в Верховном главном командовании генерал-квартирмейстеру Ю. Н. Данилову.

«Я имею достаточно оснований утверждать, – пишет в своих воспоминаниях протопресвитер Георгий Шавельский, – что Н. Н. Янушкевич, как честный и умный человек, сознавал свое несоответствие посту, на

который его ставили, пытался отказаться от назначения, но по настойчивому требованию свыше принял назначение со страхом и проходил новую службу с трепетом и немалыми страданиями» [95, с. 114].

По должности начальника Штаба генерал Янушкевич обязан был представлять Верховному главнокомандующему соображения о направлении военных действий и о мерах по их обеспечению. В соответствии с указаниями Верховного он разрабатывал и передавал подчиненным войсковым начальникам распоряжения относительно ведения военных операций, также своевременно осведомлял их об обстановке и происходящих в ней изменениях. Он присутствовал при служебных докладах Верховному главнокомандующему всех лиц, непосредственно подчиненных Верховному, высказывая по этим докладам свои соображения и заключения. В ведении его состояли все офицеры, занимающие штатные должности Генерального штаба на театре военных действий. Все распоряжения Верховного, объявляемые начальником Штаба словесно или письменно, подлежали неукоснительному исполнению. Он имел право осматривать все войска, крепости, учреждения и заведения, входящие в состав действующих армий. В случае болезни Верховного начальник Штаба управлял всеми Вооруженными Силами его именем, а в случае смерти Верховного немедленно заступал на его место до назначения государем нового Верховного, несмотря на то, что главнокомандующие армиями фронтов и командующие отдельными армиями были старше его в звании. После общения с министром финансов начальник Штаба определял и объявлял для населения, войск и флота сравнительную ценность русских и иностранных денежных знаков, обращающихся на театре военных действий. Он имел право формировать во время войны части войск, управления, учреждения и заведения, не предусмотренные штатами, утверждать для них временные положения и временные штаты с последующим представлением для утверждения Верховному главнокомандующему.

Ближайшим помощником начальника Штаба по разработке военных операций являлся генерал-квартирмейстер. По общим указаниям начальника Штаба он составлял соображения и расчеты относительно группировки и действий высших войсковых соединений, непосредственно подчиненных Верховному главнокомандующему, и готовил необходимые распоряжения по выполнению военных операций. Сосредоточивая в своем управлении сведения о неприятеле и районах военных действий, получаемые им от соответствующих штабов, принимал меры

к организации их сбора, к общей обработке и своевременному сообщению их полевым управлениям и войскам. По общим указаниям начальника Штаба расходовал ассигнуемые на разведку суммы и наблюдал за ведением отчетности по ним. В случае временного отсутствия, болезни или смерти начальника Штаба вступал во временное исполнение обязанностей по его должности.

В управлении генерал-квартирмейстера сосредотачивалась и обрабатывалась вся информация о неприятеле и о районах военных действий; данные о расположении, действиях и степени обеспеченности высших войсковых соединений, непосредственно подчиненных Верховному; осуществлялась разработка всех оперативных вопросов и распоряжений по выполнению военных операций; организация и руководство службой связи; решались все вопросы по службе офицеров Генерального штаба, состоящих на театре военных действий.

Общие сведения о численности высших войсковых соединений и о степени обеспеченности их главнейшими видами довольствия поступали из сообщений дежурного генерала, а необходимые данные о путях сообщения и устройства тыла – из управления начальника военных сообщений.

Как уже отмечалось, генерал-квартирмейстером первого состава являлся генерал Ю. Н. Данилов, прозванный Черным, за цвет своих волос, в отличие от другого, Рыжего — генерала Н. А. Данилова – начальника тыла. По воспоминаниям сослуживцев, Юрий Никифорович «был, несомненно, одним из самых образованных и знающих свое дело генералов русского Генерального штаба. Строгий, требовательный в службе, он был грозой для подчиненных, но за несколько искусственно созданной им себе мрачной и недоступной наружностью скрывался блестящий – правда, едкий, – но всегда любезный собеседник. Обладая твердостью характера, граничащею с упрямством, он, однако, не отличался особенной широтой взглядов. Во всяком случае, он был во всех отношениях отличным ближайшим сотрудником такого решительного вождя, как великий князь Николай Николаевич, который его ценил и уважал» [8, с. 46].

Генерал от инфантерии Юрий Никифорович Данилов (1866–1937) был из дворян. Окончил Владимирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду. В 1896–1897 гг. командовал ротой в 129-м пехотном Бессарабском полку. В 1898–1903 гг. – помощник делопроизводителя канцелярии Комитета по мобилизации войск. В 1904–1905-м – началь-

ник оперативного отделения Главного штаба. В 1905–1906-м – начальник отделения Главного управления Генерального штаба. В 1906–1908-м – командир 166-го пехотного Ровенского полка в Киеве. В 1908–1909-м – обер-квартирмейстер, в 1909–1914 гг. – генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба³.

Среди офицеров управления генерал-квартирмейстера особенно выделялись своими способностями полковники Щелоков, Скалон, Самойлов и капитан Андерс⁴. Остальные ближайшие сотрудники великого князя также соответствовали своему назначению.

Далее в иерархии Штаба следовало управление дежурного генерала, возглавляемое П. К. Кондзеровским, по отзывам сослуживцев, в высшей степени человеком симпатичным и вдумчивым и на своей должности, безусловно, незаменимым. Петр Константинович Кондзеровский родился 22 июня 1869 г. в Полтавской губернии в дворянской семье. По окончании в 1887 г. 1-го кадетского корпуса поступил в Константиновское военное училище, которое окончил в 1889 г., и был произведен в подпоручики с зачислением по армейской пехоте и прикомандированием к Лейб-гвардии Егерского полка. В 1892 г. поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, по окончании которой был произведен в штабс-капитаны за отличные успехи в науках. Затем служил на различных должностях в войсках. 6 декабря 1904 г. за отличие по службе произведен в полковники с назначением и. д. дежурного генерала Главного штаба. 29 марта 1909 г. был произведен в генерал-майоры и 6 декабря 1910 г. утвержден в должности дежурного генерала Главного штаба. С 18 июля 1914 г. – дежурный генерал при Верховном главнокомандующем⁵.

На управление дежурного генерала возлагались: разработка общих вопросов по укомплектованию Вооруженных Сил и сношения по этим вопросам с главными управлениями военного министерства; сбор и содержание общих сведений о численности Вооруженных Сил, о степени обеспеченности войск главнейшими видами довольствия, а также о санитарном и ветеринарном их состоянии и об общем ходе эвакуации; исчисление необходимых штабу кредитов, заведование ими и отчетность по ним; переписка по всем вопросам, касающимся личного состава, адресуемая Верховному. В ведении управления дежурного генерала были казначейская и журнальная части Штаба.

Дежурный генерал составлял общие соображения по укомплектованию Вооруженных Сил, подчиненных Верховному, личным и конским

составом, наблюдал за содержанием в управлении готовности общих сведений о численности высших войсковых соединений, непосредственно подчиненных Верховному, а также о степени обеспеченности их всеми видами довольствия в соответствии с операциями. Вел учет экстраординарных сумм и наблюдал за ведением по их приходу и расходу установленной отчетности.

В управлении начальника военных сообщений было сосредоточено общее руководство эксплуатацией всех путей сообщения театра военных действий. На него возлагалось распределение между высшими войсковыми соединениями, непосредственно подчиненными Верховному, железных дорог, водных и шоссейных путей, а также подвижного и судового составов; общие распоряжения по усилению пропускной способности железнодорожных линий, по восстановлению испорченных и устройству новых искусственных путей сообщения, по использованию железных дорог и водных путей, захваченных у неприятеля; разработка и передача к исполнению соответствующим начальникам водных сообщений общих оснований для выполнения массовых перевозок, требующих объединенных указаний; общее направление этапной, транспортной и почтово-телеграфно-телефонной службы на театре военных действий, распределение соответствующих средств между высшими войсковыми соединениями, непосредственно подчиненными Верховному главнокомандующему.

Начальником управления военных сообщений являлся генерал С. А. Ронжин, характеризующийся современниками как человек широких взглядов и блестящих способностей, большой знаток своего дела, опытный в управлении военными сообщениями. Сергей Александрович – из дворян, родился 14 августа 1869 г. в Таврической губернии. Окончил в 1886 г. Симбирский кадетский корпус, в 1889 г. – Николаевское инженерное училище и в 1897 г. – Николаевскую военную академию по 1-му разряду. Служил на различных должностях в войсках. С 23 апреля 1911 г. – начальник отделения, с октября 1913 г. – помощник начальника, а с 22 мая 1914 г. – начальник Отдела военных сообщений Главного управления Генштаба и одновременно представитель от Военного министерства в Совете по железнодорожным делам. С началом войны при проведении мобилизации с 19 июля 1914 г. назначен начальником военных сообщений при Верховном главнокомандующем. В ведении Ронжина оказались все перевозки, главным образом по желез-

ным дорогам и водным путям сообщений на театре военных действий⁶. В своей работе он всецело полагался на своих способных и энергичных помощников: полковника Генерального штаба Н. В. Раттелема и инженера путей сообщения Э. П. Шуберского.

Военно-морское управление являлось органом начальника Штаба по разработке и передаче повелений Верховного, касающихся флота. В нем сосредотачивались в обработанном виде сведения об общем ходе морских операций, о положении неприятельских морских сил, о составе и нахождении подчиненных Верховному главнокомандующему действующих флотов и их частей, о степени их снабжения и мерах, принимаемых для обеспечения их боеспособности.

Возглавлял Военно-морское управление адмирал Дмитрий Васильевич Ненюков, уроженец Тамбовской губернии (30.01.1869–3.07.1929). В 1889 г. окончил Морское училище, а в 1908-м – военно-морское отделение Николаевской морской академии. Участвовал в обороне Порт-Артура и в сражении на Желтом море 10 августа 1904 г. в должности старшего артиллерийского офицера эскадренного броненосца «Цесаревич». В 1906–1907 гг. – командир транспорта «Рига», а в 1911–1912-м – командир линейного корабля «Пантелеймон». В 1912–1913 гг. прикомандирован для занятий к Морскому генеральному штабу. С ноября 1913 г. – помощник начальника Морского генерального штаба, фактически руководил Штабом в период длительной болезни вице-адмирала А. А. Ливена в 1913–1914 гг.⁷

В состав Военно-морского управления также входили: великий князь Кирилл Владимирович, назначенный впоследствии начальником морских батальонов на фронте; капитан 2-го ранга А. В. Немитц, назначенный впоследствии командиром эскадренного миноносца в Черном море; флаг-капитан, позднее адмирал и начальник военно-морского управления А. Д. Бубнов, пробывший в Ставке до ее занятия большевиками; и старший лейтенант В. В. Яковлев, назначенный впоследствии морским агентом в Румынию, откуда он своими разведывательными сведениями о Турции и Болгарии весьма содействовал операциям Черноморского флота.

Управление коменданта Главной квартиры заведовало всеми военнослужащими, находящимися в районе Ставки Верховного главнокомандующего, а также связью. Комендантом являлся генерал-майор С. П. Саханский. Военный администратор Сергей Петрович Саханский окончил Полоцкую военную гимназию в 1884 г., а в 1886-м – Елисавет-

градское кавалерийское юнкерское училище. Службу начал с сентября 1886 г. корнетом в 18-м драгунском Клястицком полку. Затем перешел на службу в Отдельный корпус жандармов. С ноября 1905 г. – командир гвардейского полевого жандармского эскадрона. С созданием Главной квартиры Верховного главнокомандующего 24 июля 1917 г. назначен ее комендантом⁸.

Начальники отдельных управлений Штаба поддерживали между собой самые тесные отношения и выражали безграничную преданность своему Главнокомандующему.

По своему положению к остальным членам Штаба Ставки особо стоял протопресвитер военного духовенства Георгий Шавельский. Характеризуя его, адмирал А. Д. Бубнов⁹ в своих воспоминаниях пишет: «Редко когда можно было встретить среди иерархов церкви столь пронизательного, мудрого и обаятельного, по своим высоким качествам, человека. Прекрасно осведомленный о состоянии чувств и настроений народа благодаря обширной сети священников армии, куда вливались люди всех классов общества, он внимательно следил за развитием общественных настроений, отдавал себе ясный отчет в крупных недостатках верховного управления государством, глубоко скорбел об этом душой и с тревогой взирал на будущее. Решительный противник Распутина и его приспешников, он мужественно предупреждал Государя об опасностях, грозивших России в связи с разлагающим влиянием на правительство “темных сил”. Как вследствие своих высоких умственных и душевных качеств, так и вследствие возвышенного патриотизма о. Георгий имел большое влияние на великого князя, которому он был чрезвычайно предан, видя в нем спасителя России. Влияние это усугублялось тем, что великий князь был глубоко верующим и видел в отце Георгии выдающегося духовного пастыря» [8, с. 47].

Следует отметить, что Штаб Верховного главнокомандующего при великом князе был весьма немногочисленный. Так, в управлении генерал-квартирмейстера было около 8 офицеров Генерального штаба, а в каждом из остальных военных управлений, т. е. в управлениях дежурного генерала, военных сообщений и военно-морском было от 4 до 6 офицеров, так что в непосредственной работе по Верховному управлению Вооруженными Силами России участвовало всего около 25 офицеров. Во всем же Штабе, включая чинов дипломатической и гражданской канцелярии, офицеров для шифрования, адъютантов, офицеров на втөростепенных или специальных должностях было всего около 60-ти

человек, не считая офицеров частей, охраняющих и обслуживающих Ставку.

План формирования Штаба разрабатывался Главным управлением Генерального штаба еще в мирное время по непосредственным указаниям начальника Генерального штаба. Начальник Штаба назначался государем. Генерал-квартирмейстер, дежурный генерал и начальник военных сообщений избирались в мирное время с доклада государю военным министром по представлению начальника Генерального штаба. Прочие чины из лиц военного ведомства избирались начальником Генерального штаба. Избрание начальника и чинов военно-морского управления исходило от морского министра. Чины гражданского ведомства избирались соответствующими министрами по соглашению с военным министром.

С объявлением мобилизации начальник Штаба, генерал-квартирмейстер, дежурный генерал, начальник военных сообщений и начальник военно-морского управления назначались на должности высочайшим приказом и указом Сенату, о назначении на должности всех прочих чинов Штаба объявлялось по общим правилам в высочайших приказах и в приказах лиц, властью которых назначение сделано.

В начале войны в Ставке насчитывалось всего 9 генералов, 36 офицеров, 12 военных чиновников и 125 солдат [98, с. 421–422].

Повседневная работа Штаба проходила в строгой и сосредоточенной атмосфере по установленному распорядку. Ежедневно рано утром великий князь из своего вагона направлялся в сопровождении начальника Штаба в управление генерал-квартирмейстера, где, ознакомившись с донесениями, поступившими за ночь с фронтов, принимал совместно с генерал-квартирмейстером оперативные решения. Все же донесения, поступающие в течение дня, великому князю осуществлялись в его вагоне, куда являлись к нему в любое время для доклада начальника управлений Штаба. Личное общение между управлениями штаба ограничивалось кратким изложением дела или получением справки. В управление генерал-квартирмейстера чины Штаба, не принимавшие непосредственного участия в оперативной работе, не допускались. Таким образом, великий князь получал сведения во всех подробностях о ходе военных действий и фактически ими руководил. Иногда великий князь со своим поездом покидал на короткий срок Ставку и отправлялся на совещания к главнокомандующим фронтами, но за время своего пребывания на посту Верховного главнокомандующего великий князь в Петербург или куда-нибудь в тыл не ездил.

Работа в Штабе продолжалась до позднего вечера с небольшими перерывами на обед, а зачастую не прекращалась и ночью.

Во время завтрака и обеда, когда в вагон-ресторан сходились офицеры Штаба, не допускались служебные разговоры, и беседа велась на отвлеченные темы, не касающиеся ведения войны. Еда была простая, и к столу подавалось только легкое белое или красное вино.

Каждый день известное число чинов Штаба приглашалось к столу великого князя в его поезд. Вагон-ресторан этого поезда, как и все вагоны-рестораны, был разделен переборкой с дверью на два неравные отделения. В меньшем отделении за столиком в углу сидел великий князь с начальником Штаба и протопресвитером Георгием Шавельским. За столиком рядом с ними занимали место представители союзных армий, а за остальными двумя столиками сидели генерал-квартирмейстер и приглашенные гости. В большом отделении сидели остальные чины первого поезда.

Великий князь входил в вагон-ресторан в точно назначенный час, пожимал руки сначала всем гостям, а затем переходил во второе отделение, чтобы поздороваться с теми чинами первого поезда, которых он в этот день еще не видел. Ввиду его высокого роста на верхней перекладине дверной рамы в переборке был прикреплен лист белой бумаги, чтобы обратить его внимание на необходимость наклонить голову.

Завтрак продолжался недолго, каких-нибудь полчаса с небольшим. Беседа за столом обычно носила не натянутый, но сдержанный характер. Когда дела на фронте шли благоприятно, великий князь принимал в ней живое участие и остроумно шутил, но когда положение на фронте оставляло желать лучшего, великий князь хмурился, и завтрак проходил быстро и в молчании.

В тяжелые же периоды Самсоновской катастрофы и отступления из Галиции приглашения к столу великого князя прекратились.

Короткие перерывы в работе после завтрака и обеда офицеры Ставки использовали для прогулок пешком или верхом по живописным окрестностям, что и было их единственным развлечением. Во время этих перерывов генерал-квартирмейстер Данилов обычно гулял по дорожке сада вдоль домика, где было его управление, и, покуривая сигару, обдумывал ведение операций. Великий князь, когда не гулял вместе с ним, строго наблюдал за тем, чтобы никто не нарушал размышлений Данилова во время этих прогулок.

Хотя великий князь весьма отрицательно смотрел на посещение родными и женами членов Штаба, всё же изредка жены некоторых из них приезжали на краткие свидания со своими мужьями и, тщательно скрываясь, жили в плохонькой барановичской гостинице. Однако все время Ставка жила своей обособленной, строгой жизнью, работая в напряженном ритме.

В первый год войны резиденция Главковерха в Барановичах выглядела более чем скромно. Не слишком усердствовали по части комфорта и показухи даже во время приезда государя. А он, по свидетельствам современников, навещался в Ставку раз десять, то есть почти ежемесячно, проведя там более двух месяцев.

Поезд, в котором передвигался император, был невелик. Он состоял из центрального вагона Его Величества, где находились спальня и кабинет государя. Рядом с этим вагоном были с одной стороны – вагон для свиты, состоящий из восьми отделений, а с другой – вагон-столовая с отделением салона для приемов. Далее шли кухня с буфетом, вагон, где помещалась Военно-походная канцелярия, и последний, служебный вагон, где помещались железнодорожные инженеры и начальник той дороги, по которой следовал поезд.

Время в путешествиях, если не было смотров и приемов, распределялось обычно, как и дома, следующим образом: завтрак в час дня, обед в восемь часов, дневной чай в пять часов, вечерний – около одиннадцати. Государь вставал рано, но выходил в столовую не раньше девяти или десяти с половиною часов. Лица свиты к утреннему завтраку появлялись в разное время. Некоторые пили кофе у себя в купе, но все неизменно собирались вместе к обеду, завтраку и дневному чаю. К Высочайшему обеду, кроме лиц свиты приглашались всегда начальник императорского поезда и начальник дороги.

Обед бывал всегда очень скромный, непродолжительный и состоял из трех блюд. Иногда государь за обедом выпивал лишь одну небольшую рюмку портвейна, довольствуясь большею частью превосходным сухарным квасом.

Встав из-за стола, государь немедленно удалялся в свой вагон, где продолжал заниматься делами. Иногда, на какой-нибудь продолжительной остановке, государь выходил с противоположной стороны от платформы для небольшой прогулки. Его всегда сопровождали дежурный флигель-адъютант, ординарец-урядник конвоя и кто-нибудь из лиц свиты, вышедших также подышать свежим воздухом. Иногда вечером, когда

не было очередного фельдъегеря с бумагами, перед вечерним чаем, Его Величество, закончив текущие дела, предлагал сыграть две-три партии в домино. Обычными партнерами государя при этом бывали адмирал К. Д. Нилов, граф А. Н. Граббе и А. А. Мордвинов.

Во время движения в поезде поступали на имя Его Величества агентские телеграммы, и государь обыкновенно просматривал их за утренним, дневным и вечерним чаем, передавая их затем для прочтения присутствующим. Тут завязывались всегда очень оживленные беседы на известия со всего мира, в которых войне всегда было отведено главное место. Вопросов о внутренней политике и «злобах дня» государь, видимо, избегал касаться. Чувствовалось, что это было отнюдь не из-за недоверия к присутствующим, а лишь нежелание Его Величества касаться в редкие минуты отдыха того, о чем ему и без того часами и днями приходилось мучительно думать одному и говорить с многочисленными правительственными лицами во время докладов и приемов.

В поездках государя, как правило, сопровождали: министр двора граф Фредерикс, флаг-капитан Его Величества адмирал К. Д. Нилов, дворцовый комендант В. Н. Воейков, гофмаршал князь В. А. Долгорукий, командир конвоя граф А. Н. Граббе, лейб-хирург профессор С. П. Федоров, начальник Военно-походной канцелярии К. А. Нарышкин и дежурные флигель-адъютанты герцог Н. Н. Лейхтербергский и А. А. Мордвинов. Комендантом императорского поезда был начальник дворцовой полиции полковник Б. А. Герарди, помещавшийся в служебном вагоне вместе с начальником императорских поездов инженером М. С. Ежовым.

В другом служебном, так называемым «свитском», поезде, следовавшем обыкновенно в часовом расстоянии от императорского, находились генерал С. А. Цабель; командир железнодорожного полка барон К. К. Штакельберг; чиновник канцелярии Министерства Двора генерал Д. Н. Дубенский, описывавший в периодически издаваемых книжках пребывание государя в действующей армии; чиновник гофмаршальской части А. В. Суслов и находившиеся в наряде офицеры собственного полка Его Величества, его конвоя и железнодорожного батальона [59, с. 80–82].

По прибытию в Ставку царский поезд ставили на запасной путь недалеко от великокняжеского, и Николай II вместе со свитой и охраной пребывали в Барановичах в столь же спартанской обстановке, что и остальные. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в дневниках

Его Величеством в то время. Например: «11 июня. Четверг. В 4.45 приехал в Барановичи. Доехал до Ставки в 5.30. Здесь для поезда устроен навес. В роще напротив поставлена палатка – столовая, где мы и обедали; рядом кухня в деревянном бараке. После обеда был короткий общий доклад». Или: «20 июня. Суббота. После доклада пошел посмотреть уральскую баню. В 2.25 поехал к Скобелевскому лагерю, к железнодорожной станции и по песчаной дороге вернулся на Брестское шоссе, оттуда назад через Великие Луки. После чая пошел проводить конно-пулеметную команду Лейб-гвардии Казачьего полка, уходящего вперед к своей бригаде. Занимался до обеда...» [9, с. 30].

Естественно, пребывание государя вносило новый распорядок в жизнь Ставки. Ежедневные доклады государю о действиях на фронте. Ежедневные высочайшие завтраки и обеды, к которым приглашались чины Штаба, одни по очереди, другие постоянно. К последним кроме великих князей принадлежали начальник Штаба, генерал-квартирмейстер, генерал князь Д. Б. Голицын и протопресвитер Георгий Шавельский. Обедали в 7.30 вечера, завтракали в 12.30 дня.

Совместные трапезы с императором напоминали семейную обстановку, пишет в своих воспоминаниях протопресвитер Георгий Шавельский: «Государь был ко всем нам ближе, как и мы были ближе к нему; и свойственные ему простота и доступность были как-то виднее и ощутительнее для нас. Благодаря этому, после двух-трех приглашений каждый из нас чувствовал себя в царской столовой как у себя дома».

В частности, о первом обеде офицеров Ставки с императором Шавельский пишет: «Когда все приглашенные собрались к назначенному времени, Верховный был приглашен в соседний с вагоном-столовой вагон, где помещался Государь. Через несколько минут он вернулся в столовую, взволнованный, со слезами на глазах; на шее у него висел орден Св. Георгия 3 ст. Он прямо подошел к начальнику Штаба со словами: “Идите к Государю, – он вас зовет”. Все бросились поздравлять великого князя. Я расслышал его слова: “Это награда не мне, а армии”. Скоро затем вернулся начальник Штаба с Георгием на груди (4 ст.). На его глазах блестели слезы. Когда к нему подошел генерал Данилов, Янушкевич в ответ на поздравление ответил: “Это вами, а не мной заслужено”. Генерал Данилов от обиды готов был заплакать. Обижаться долго генералу Данилову, однако, не пришлось, так как в тот же или на следующий день, – этого хорошо не помню, – и ему Государь повесил орден Георгия

4 ст. Думаю, что, получив Георгия, генерал Янушкевич просил великого князя этим же почетным знаком наградить и генерала Данилова.

После начальника Штаба я был приглашен к Государю. Государь встретил меня словами:

– Ездили уже на фронт?

– Несколько раз, – ответил я.

– Великий князь докладывал мне о вашей чрезвычайно плодотворной работе для армии. Благодарю вас. Примите от меня вот это... тут орден Владимира 2 ст., – сказал Государь, протягивая мне коробку с орденом.

– Ваше Величество! Для меня дорого ваше внимание, ваше ласковое слово, а от этого освободите меня. Мне не нужны ленты, – ответил я.

– Верю, что для вас, как и для меня, не нужны награды. Но дело не в ленте. Возьмите, чтобы другие знали и видели, что я вас ценю, – закончил Государь.

Как редко кто, он умел быть добрым, ласковым и приветливым.

Почти следом за мной вышел Государь; начался обед».

Награждение генералов Янушкевича и Данилова высокими боевыми наградами в Ставке было принято холодно, а на фронте почти враждебно. В военных кругах определенно считали, что как и первые победы обязаны отнюдь не талантам генералов Ставки, так и поражения в полной мере не относились на их счет. На Северо-Западном фронте в то время уже шел большой ропот против Ставки, якобы не принявшей должных мер для предупреждения первой военной катастрофы, а на Юго-Западном фронте знали, что их Галицийская победа обязана местным стратегическим силам. Поэтому престиж этих новых Георгиевских кавалеров, еще не нюхавших пороху, ни в Ставке, ни на фронте не поднялся после того, как на их груди заблестели возложенные царскою рукою Георгиевские кресты.

Совсем иное дело была награда великого князя Николая Николаевича. Как теперь, так и после, когда на фронте начинали обвинять Ставку, великого князя всегда исключали из числа обвиняемых и во всем винили его помощников. В глазах и Ставки, и фронта великий князь оставался рыцарем без страха и упрека. Ввиду этого награда великого князя была везде принята с радостью. В Ставке же она явилась сугубо радостной, ибо сразу рассеяла сомнения и опасения, будто государь против великого князя.

Посещая Ставку, император периодически заслушивал доклады военного руководства, на которое во всем полагался. Один из таких эпизодов пребывания царя в барановичской Ставке отражен в издании «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Ноябрь–декабрь 1914 г.», вышедшем в Петербурге в 1915 г. В частности, в нем говорится: «На следующий день, в воскресенье, 14 декабря, Государь около 10 часов утра один пришел в штаб Верховного главнокомандующего. Великий князь, генералы Янушкевич и Данилов подробно доложили Его Величеству все обстоятельства последних событий войны.

...После доклада, около 11 часов дня, Государь пешком прошел от штаба к себе в вагон и через несколько минут вышел оттуда, и в автомобиле вместе с Бенкедорфом, генералом Воейковым и особами Свиты направились в местную военную церковь для обедни. В храме Государь был встречен великим князем Николаем Николаевичем и чинами штаба. Верховный главнокомандующий был в кожаной защитной куртке. Его Величество в этот день был в форме лейб-гвардии Казаческого Его Величества полка. К обедне собралась вся Ставка. В церковь прибыли: великий князь Петр Николаевич, принц Петр Александрович Ольденбургский, председатель Совета Министров Горемыкин, который находился в это время в Ставке, и многие другие» [32, с. 173].

Николаю II было тогда 47 лет. По натуре он был человеком скромным, крайне деликатным, простым в общении с людьми. Очень любил жену и детей, был безупречным семьянином. Чурался помпезности, лести, роскоши, почти не употреблял спиртного. Его выделяла глубокая вера. Окружающие нередко не понимали поступков царя, но лишь из-за того, что сами растеряли искренность и чистоту веры. Государь сумел сохранить ее. Он прямо и непосредственно воспринимал свое призвание помазанника Божия и руководствовался этим – так, как он понимал.

Наведывался государь и к находящимся на излечении в лазарете раненым офицерам и нижним чинам. В Барановичах, недалеко от железнодорожного вокзала «Полесский», до сих пор сохранилось несколько барраков, которые использовались для нужд армии, в первую очередь в качестве лазарета для раненых солдат и офицеров. На одной из архивных фотографий, хранящихся в местном краеведческом музее, запечатлен исторический момент – посещение российским императором лазарета.

Николай II с сопровождающими его лицами много путешествовал по окрестностям, восторгаясь красотами здешней природы и озером

Свитязь. Вот одна из его записей в дневнике: «Сел в мотор и со всеми лицами свиты отправился через Полонку, Слоним, Пружаны в Беловежскую пушу... Видели там большое стадо зубров и оленей» [82].

Разнообразие в жизнь Ставки вносили беспрерывно прибывавшие и убывавшие люди с фронта и из тыла. Сюда приезжали главнокомандующие и командующие армиями, командиры корпусов, дивизий, полков, министры, генерал-губернаторы и губернаторы, архиереи и протоиереи, представители разных общественных организаций, земств и городов, корреспонденты. Каждый день – новые лица. Одни являлись с победными лаврами – этим был открыт беспрепятственный доступ и к великому князю, и к его столу; другие спешили сюда как к последней инстанции, которая может вернуть утраченную на поле брани репутацию. Эти порой безнадежно долго топтались у дверей, не смея переступить строго охранявшийся жандармом порог Ставки, но не теряя надежды на аудиенцию и благосклонность Верховного главнокомандующего.

СТРУКТУРА И КОМПЛЕКТОВАНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

В своей деятельности по управлению Вооруженными Силами России Ставка руководствовалась «Положением о полевом управлении войск в военное время» от 16 июля 1914 г., вступившим в действие с момента объявления мобилизации. «Положение...» предписывало: с объявлением мобилизации сухопутные вооруженные силы, предназначенные для военных действий, образуют высшие войсковые соединения – армии, в составе двух и более корпусов каждая. Армиям присваиваются номера или названия. Несколько армий, предназначенных для достижения одной стратегической цели и действующих на определенном фронте, могут быть объединены в еще более высокое войсковое соединение, образуя армии данного фронта. Армия, не входящая в состав армий фронта, получает название отдельной армии. Начальствование над каждой армией вверяется командующему армией, начальствование над армиями данного фронта вверяется главнокомандующему армиями этого фронта.

Высшее начальствование над всеми сухопутными и морскими силами, предназначенными для военных действий, вверяется Верховному главнокомандующему, если государь не изволит предводительствовать войсками лично. При Верховном главнокомандующем для управления всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, предназначенными для военных действий, формируется Штаб Верховного главнокомандующего.

При главнокомандующем армиями фронта и при командующем отдельной армией для управления армиями этого фронта и отдельной армией формируются полевое управление главнокомандующего армиями фронта и полевое управление отдельной армии. При командующем

армией, входящей в состав фронта, формируется штаб армии. При командире корпуса и дивизии существующие в мирное время штабы корпусов и дивизий переформируются в соответствующие управления одновременно с объявлением мобилизации.

Занятые области противника или присоединяются к ближайшим военным округам, или же по мере надобности из этих областей образуются самостоятельные генерал-губернаторства. Для управления в гражданском отношении занятыми по праву войны областями неприятеля формируются особые учреждения. Все местности и все гражданское управление театра военных действий с объявлением мобилизации подчиняются главным начальникам соответствующих военных округов или военным генерал-губернаторам. При этом в местностях, объявленных на военном положении, взаимоотношения гражданских и военных властей определяются «Правилами о местностях, объявляемых состоящими на военном положении».

В местностях же, не объявленных на военном положении, гражданское управление подчинялись главным начальникам военных округов на правах генерал-губернаторов. В тех военных округах, в коих в мирное время должность командующего войсками округа соединена со званием генерал-губернатора, права и обязанности, сопряженные с этим последним званием, при мобилизации переходили к главному начальнику военного округа. В тех же округах, где должность генерал-губернатора в мирное время была занята особым лицом, последнее с объявлением мобилизации, оставаясь в должности, подчинялось главному начальнику соответствующего военного округа, сохраняя присвоенные ему права по отношению к подчиненным ему органам управления.

Следующим за Ставкой Верховного главнокомандующего управленческим звеном в структуре управления Вооруженными Силами России шло командование фронта, естественно, со своим главнокомандующим и штабом. Фронт – это оперативно-стратегическое объединение вооруженных сил, созданное с началом войны для решения оперативно-стратегических задач на континентальном театре военных действий. Их было пять. Как правило, эти объединения вооруженных сил выполняли задачи во взаимодействии с другими фронтами, объединениями, соединениями разных видов вооруженных сил, участвующих в стратегической операции (операции группы фронтов), а в некоторых случаях и самостоятельно. Боевой состав фронта определялся в зависимости от поставленных задач, важности и оперативной емкости направлений, на

которых он действовал, и других условий. В него входили по несколько армий, соединений, частей различных родов войск, а также соединения, части и учреждения тыла.

Главкомандующий фронтом являлся начальником армий, крепостей и флота, предназначенных для совместных действий с армиями данного фронта. Его распоряжения были обязательными к исполнению в пределах подчиненных ему районов всеми правительственными и общественными учреждениями, должностными лицами всех ведомств и всем населением. Он подчинялся непосредственно Верховному главнокомандующему. Никакие правительственные чиновники, учреждения и лица в империи не имели права давать ему предписаний или требовать от него отчетов.

Сверх прав, предоставленных командующему армией, он имел право: изменять состав подчиненных ему армий и флота, образовывать новые армии, не нарушая при этом существующей организации, а также расформировывать армии, немедленно представляя об этом Верховному с изложением причин, вызвавших эти меры; отстранять от должностей всех должностных лиц всех ведомств, состоящих в подчиненных ему армиях и флоте, а также на государственной, земской или городской службе в подчиненном ему районе, без различия их чина и звания; устанавливать в занятых неприятельских областях подати и налоги, а равно налагать контрибуции и подвергать имущество жителей конфискации. Он имел право непосредственно общаться с министром.

Далее в управленческой иерархии Вооруженных Сил следовал командующий армией, являвшийся начальником всех войск, крепостей, управлений, учреждений, заведений и чинов, входящих в состав армии, не исключая и находящихся в ней членов императорской фамилии. Избирался и назначался по непосредственному избранию государя с объявлением мобилизации высочайшим приказом и указом Сенату. Непосредственно и во всех отношениях подчинялся главнокомандующему армиями фронта. Никакой правительственный чиновник, учреждение или должностное лицо в империи не могли давать ему предписаний или требовать от него отчета. В направлении военных действий руководствовался указаниями главнокомандующего армиями фронта, избирая по собственному усмотрению способы достижения поставленной ему цели.

Сверх прав, предоставленных командиру корпуса, командующий армией имел право: назначать во время войны к временному исполне-

нию должностей командиров корпусов, начальников дивизий и лиц, пользующихся одинаковыми с ними правами; награждать собственной властью за военные подвиги и другие отличия: а) орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием согласно со статутом и не иначе как по утверждению Думы, учреждаемой соответственно из наличия кавалеров сего ордена или лиц, имеющих Георгиевское оружие; б) медалями и другими наградами, для сего установленными, – милиционеров и лиц, оказавших заслуги армии; устранять от должностей лиц всех ведомств, состоящих в армии, без различия чина и звания; высылать из района армии всех лиц, присутствие которых будет им признано нежелательным; воспрещать в районе армии удаляться из места жительства таким лицам, коих по знанию ими ремесел или занятию предполагается привлечь к работам для достижения целей войны; воспрещать в районе армии вывоз необходимых для работ орудий и материалов, а также продовольственных и перевозочных средств, фуража, дров и т. п. предметов, могущих потребоваться для войск; издавать в пределах района армии обязательные постановления, относящиеся: а) к предупреждению нарушений общественного порядка и государственной безопасности; б) к почтовым, телеграфным и телефонным сношениям; в) ко всяким вообще торговым и промышленным заведениям; г) к типографиям и прочим заведениям тиснения; д) всем произведениям печати и тиснения; устанавливать за нарушение изданных обязательных постановлений взыскания, не превышающие заключение в тюрьме или крепости на три месяца или денежного штрафа до трех тысяч рублей в один раз; подвергать взысканиям собственной властью виновных в нарушении обязательных постановлений; назначать в районе армии общие и частные реквизиции; подвергать в районе армий имущество жителей секвестру; уполномочивать подчиненных ему военных начальников на принятие вышеобозначенных мер.

О лицах, отстраненных от должностей или высланных, штаб армии доносит штабу армий фронта, причем о лицах, высланных во внутренние области империи, сообщает и Министерству внутренних дел.

В случае несогласия командующего армией с указаниями, исходящими от главного начальника снабжения армий фронта и управлений, ему подчиненных, командующий армией в части, касающейся войск, управлений, учреждений и заведений, ему подчиненных, приостанавливает выполнение таковых указаний, донося о принятом решении и причинах, его вызвавших, главнокомандующему армиями фронта

и сообщая о том же главному начальнику снабжения армий фронта. В обстоятельствах чрезвычайных, когда в районе действий армии будет необходимым для охраны государственного порядка или успеха ведения войны, принимает меры собственной властью, немедленно донося о том главнокомандующему армиями фронта.

Рабочим органом управления армией являлся штаб, состоявший из отделов: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и этапно-хозяйственного. Он формировался, согласно мобилизационному плану, из состава штаба и военно-окружных управлений того военного округа, в котором формировалась данная армия. С объявлением мобилизации начальник штаба армии назначался на должность высочайшим приказом и указом Сенату. О назначении на должности всех прочих чинов штаба объявлялось по общим правилам в высочайших приказах или приказах лиц, властью которых было сделано назначение.

Права и обязанности начальника штаба и генерал-квартирмейстера армии в основном аналогичны вышеуказанным для Штаба Верховного главнокомандующего, причем начальники штабов общаются преимущественно с начальниками штабов высших инстанций, а генерал-квартирмейстеры – с генерал-квартирмейстерами.

Все распоряжения командующего армией, объявляемые начальником штаба словесно или письменно, исполнялись как приказания командующего армией. В случае болезни последнего начальник штаба управлял армией его именем, а в случае смерти – немедленно обязан был заступить на место впредь до назначения нового командующего армией, хотя командиры корпусов были старше его в чине.

Следует отметить, что русская полевая армия была мощным для того времени объединением. К началу Первой мировой войны она, как правило, состояла из 4–5 армейских корпусов, 3–4 отдельных пехотных дивизий (в армии могло быть 11–13 пехотных дивизий) и 4–5 кавалерийских дивизий. Численность армии достигала 220–250 тысяч человек [75, с. 107].

За армейской администрацией в управленческой иерархии следовали командующие корпусов, дивизий и иных воинских частей и подразделений со своими штабами, реализующие командно-начальствующие и исполнительно-распорядительные функции в пределах своих полномочий.

Основной боевой единицей Русской армии являлся полк. Он был как одна большая семья. Русские пехотные и кавалерийские полки кро-

ме номеров имели названия по городам. Название указывало на место рождения полка или было символическим. Города «шефствовали» над «своими» полками, поддерживали связи, присылали подарки. Казачьи полки назывались по месту формирования, а номер означал очередность призыва.

В полках были очень сильны боевые традиции. Из 350 полков русской пехоты, участвовавших в Первой мировой войне, 140 существовали от 60 до 230 лет, то есть были кадровыми, из них 16 гвардейских полков. Любой офицер и солдат знал историю своей части так детально, будто речь шла о собственных предках. Очень престижными были коллективные отличия, заслуженные полками за подвиги прошлых войн. Это могли быть наградные знамена, добавка к названию, серебряные трубы, особые значки или отклонения от формы одежды. Скажем, Апшеронскому полку полагались красные отвороты на сапогах в память о том, что при битве при Кунерсдорфе полк выстоял «по колено в крови».

Очень высоко ставилось понятие офицерской чести. Но и понятию солдатской чести придавалось огромное значение. Устав гласил: «Солдат есть имя общее, знаменитое, имя солдат носит всякий военный служащий от генерала до последнего рядового». Важнейшую роль играли унтер-офицеры. Это были профессионалы высочайшего уровня, костяк любого полка, «отцы родные» солдат – их непосредственные учителя и наставники. Армия воспитывалась в строгой духовности, священник в полку был далеко не последним лицом. При этом допускалась широкая веротерпимость – к мусульманам, католикам, лютеранам. Даже язычникам из народов Поволжья и Сибири разрешалось отправлять свои обряды, присягу каждый принимал по обычаям своей веры.

В подготовке пехоты большое значение все еще имел штыковой бой, учили ему основательно, существовало настоящее искусство фехтования на штыках. А конницу, соответственно, учили мастерски владеть шашками. С началом войны каждому пехотному и кавалерийскому полку придавалась пулеметная команда в составе 80 человек с 8-ю пулеметами.

Несколько слов следует сказать и об офицерском корпусе Русской армии, в состав которого в 1914 г. влилось 2400 человек из числа юнкеров и пажей. На выпуске юнкеров в Царском Селе государь император Николай II сказал: «Помните еще, что я вам скажу. Я нисколько не сомневаюсь в вашей доблести и храбрости, но мне еще нужна ваша жизнь, так как напрасная убыль офицерского состава может привести к тяже-

лым последствиям. Я уверен, что, когда нужно, каждый из вас пожертвует своей жизнью. Но решайтесь на это в крайней необходимости. Иначе, прошу вас – беречь себя». Но как было уберечь себя русским офицерам, когда в Уставе Русской армии было написано, что офицер своим примером должен увлечь солдат в атаку. В уставах других армий целесообразности давали предпочтение перед офицерской доблестью. Может быть, поэтому за первые два года войны из 46-тысячного офицерского корпуса среди офицеров младшего звена мало кто остался в строю. Уже в 1916 г. офицерский корпус состоял на 90 % из офицеров запаса или получивших офицерский чин на фронте и подготовленных на скорую руку в юнкерских училищах. В октябре 1917 г. офицерский корпус составлял 250 тысяч человек [14, с. 18–19, 20].

С созданием Ставки военный министр, на то время генерал-адъютант В. А. Сухомлинов, и все его министерство как аккумулирующая канцелярия не оставляли своей работы во время войны. Основные направления их деятельности, с одной стороны – укомплектование и снабжение армии, с другой – прохождение службы личного состава. Разумеется, во всем этом до некоторой степени участвовала и армия.

Военный министр России Владимир Александрович Сухомлинов, генерал от кавалерии, родился 16 августа 1848 г. Он окончил Николаевское кавалерийское училище в 1867 г. и Академию Генерального штаба в 1874-м. Участник Русско-турецкой войны 1877–1879 гг., командовал кавалерийским полком и дивизией, был начальником Офицерской кавалерийской школы в 1886–1897 гг. Написал ряд статей и брошюр под псевдонимами Шпора и О. Бондаренко по учебным, административным и бытовым вопросам армии. С 1899 г. служил в Киевском военном округе начальником штаба, помощником командующего (с 1902) и командующим войсками (с 1904), одновременно с 1906 г. являлся Киевским, Волынским и Подольским генерал-губернатором. В 1906 г. Сухомлинов получил чин генерала кавалерии. В декабре 1908 г. был назначен начальником Генерального штаба, в марте 1909 г. – военным министром России. Провел ряд военных реформ, поднявших боеспособность армии. После военных неудач 1915 г. под влиянием масонских интриг в июне был снят с должности, а в марте 1916 г. – арестован¹⁰.

В своей книге «Гибель Императорской России» генерал П. Г. Курлов пишет: «Военный министр генерал-адъютант Сухомлинов передавал мне о сделанном ему Государем Императором предложении занять пост (имеется в виду Верховного главнокомандующего. – *Авт.*) и о сво-

ем отказе. Генерал-адъютант Сухомлинов высказал, что считает наиболее справедливым, а главное, необходимым для дела исполнение столь важной государственной задачи возложить на великого князя, так как ему, в качестве военного министра, предстоит и без того огромная работа по содействию снабжения действующей армии. Командование им действующей армией вызовет, кроме того, неизбежные и опасные трения ввиду неприязненного к нему отношения великого князя, между тем как последний любит и хорошо знает военное дело и положит все силы, чтобы довести войну до победного конца» [41, с. 174].

Решение о мобилизации было принято императором по представлению военного министра после некоторых колебаний. Николай II, желая локализовать конфликт, попытался ограничить мобилизацию рамками лишь четырех военных округов – Киевского, Одесского, Московского, Казанского, т. е. направить ее только против Австро-Венгрии, объявившей войну Сербии.

Но в ответ на военные приготовления Германии 31 июля царь объявил полную мобилизацию. Это было вызвано тем, что России для мобилизации требовалось на 10–20 дней больше, чем ее предстоящему противнику. Эти обстоятельства были взяты в расчет кайзером, объявившим войну России 1 августа 1914 г.

Армия Германии к тому времени не только лучше всех была подготовлена к войне, но и по техническому оснащению являлась лучшей в Европе. Солдат у немцев два года служил на действительной службе и четыре с половиной года числился в резерве, потом переходил в ландвер. Германия могла сразу поставить под ружье 2,5 млн человек. Немецкая пехота сводилась в 123 дивизии. Немецкая пехотная дивизия на 27 % уступала русской пехотной дивизии по численности, потому что русский полк имел четыре батальона, а немецкий – три батальона, но зато на 50 % превосходила русскую дивизию по огневой мощи, в немецкой дивизии имелось 24 пулемета и 72 орудия, из них 12 тяжелых.

Население России к началу Первой мировой войны составляло 165 млн человек. Она имела самый большой людской ресурс, хотя армия комплектовалась только из православного населения. Солдат служил три года на действительной службе, семь лет числился в запасе I разряда и восемь лет – II разряда. Армия мирного времени достигала 1 млн 423 тыс. человек. С объявлением войны она вырастала до 3 млн 268 тыс., что составляло 114 пехотных дивизий (21 тысяча в дивизии). По уровню подготовки Русская армия значительно превосходила дру-

гие державы, однако по техническому оснащению уступала германской и австрийской [14, с. 203].

С объявлением мобилизации в августе 1914 г. были призваны нижние чины запаса в возрасте до 39 лет, а за ними последовал призыв запасных от 39 до 43 лет (всего 2 291 800 человек) и ратников ополчения 1-го разряда (21–24 лет) – 242 000 человек. Кроме того, для формирования ополченческих частей были призваны 707 700 человек ратников, а также более 400 000 казаков, проходивших службу по особому положению. По окончании мобилизации численность армии была доведена до 5 065 000 человек.

Основными особенностями призывной системы в Российской империи накануне Первой мировой войны были следующие: разделение полномочий между Министерством внутренних дел и Военным министерством, наличие военно-окружной системы, национально-политические установки.

К 1914 г. структура учреждений Министерства внутренних дел, обеспечивающая ход призывов населения и поставок от населения лошадей и автомобилей, выглядела следующим образом: Управление воинской повинности – губернские, городские по воинской повинности присутствия – уездные, окружные по воинской повинности присутствия.

Структура военного ведомства, обеспечивающая ход призыва населения и поставок лошадей и автомобилей, имела следующий вид: Мобилизационный отдел Главного управления Генштаба – штабы военных округов – начальники местных бригад – уездные воинские начальники.

Завершающим звеном для обеих этих вертикалей были призывные и военно-конские участки, сборные и сдаточные пункты.

В соответствии с национально-политическими установками в Варшавском округе доля поляков в войсках, дислоцированных на его территории, не должна была превышать 25–30 %. В Прибалтийских губерниях доля местных допускалась не более 1/3. Наличие евреев в войсках ограничивалось 6 %, в крайнем случае – 10 %, а к службе на флоте евреи вовсе не допускались.

Комплектование армии производилось на основе всеобщей воинской повинности, введенной еще в январе 1874 г. и заменившей собой рекрутскую систему, существовавшую со времен Петра I. По действовавшему с 1874 г. принципу все уезды Европейской России делились на три группы участков комплектования: великоросскую с преобладанием

русского населения (75 %); малоросскую с преобладанием украинцев и белорусов; инородческую – все остальные.

Каждый пехотный полк и артиллерийская бригада имели свои уезды комплектования. Гвардия, кавалерия и инженерные войска комплектовались со всей территории.

Действующая армия пополнялась за счет новобранцев, ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов, а также переосвидетельствованных белобилетников.

Новобранцем в дореволюционной России считалось лицо призывного возраста, зачисленное на действительную военную службу уездным, городским или окружным военным присутствием. После призыва новобранцы направлялись в воинские части в составе особых маршевых команд или этапным порядком в собственной одежде с выдачей на путь следования кормовых денег. С момента прибытия в часть они становились солдатами (матросами). Призывной возраст новобранцев во время войны снизился с 21 года до 19 лет.

Ратник – солдат государственного ополчения России, существовавшего до октября 1917 г. В ополчение входили: военнообязанные (от 20 до 43 лет), которые в мирное время были освобождены от призыва в армию из-за негодности к военной службе, но считались годными к ней в военное время, а также лица, ранее проходившие военную службу и числившиеся в запасе (до 43 лет). Государственное ополчение делилось на ратников 1-го разряда, годных к строевой службе и предназначенных для пополнения действующей армии, и ратников 2-го разряда, годных к нестроевой службе. В связи с тем, что к середине 1915 г. почти весь контингент ратников ополчения 1-го разряда был исчерпан, остро встал вопрос о пополнении действующей армии ратниками 2-го разряда.

Белобилетник – лицо, освобожденное от призыва в армию в связи с негодностью к военной службе по состоянию здоровья.

В соответствии с законами Российской империи на военную службу не призывались жители отдаленных мест, как-то: Камчатка, Сахалин, Якутия, Енисейская, Томская и Тобольская губернии, – и коренные жители Финляндии (Финляндия вносила денежный налог в размере около 12 млн марок ежегодно), инородцы Сибири, Астраханской и Архангельской губерний, Закаспийской области, Туркестана, Кавказа и Ставропольской губернии (при этом курды, абхазы, калмыки, ногайцы и некоторые другие вносили денежный налог).

Накануне Первой мировой войны численность русской армии достигала 1 360 000 человек, обученный резерв составлял 5 650 000. В ее составе были 74 пехотные и 24 кавалерийские дивизии, 17 стрелковых и 8 кавалерийских бригад. Увеличение численности армии накануне войны было достигнуто путем продления срока службы весной 1914 г. на шесть месяцев и увеличения контингента новобранцев с 450 000 до 580 000 человек [45, с. 104–107]. В итоге мобилизации на западном театре создавались семь армий с различными сроками готовности. Следует отметить, что численность действующей армии в ходе военных действий непрерывно менялась в зависимости от понесенных потерь и их восполнения.

К началу боевых действий на восточном театре войны Германией и Австро-Венгрией было сосредоточено более 1 млн германских и австрийских солдат при 2700 орудиях. Русских было тоже свыше 1 млн человек при 3200 орудиях. Русские армии были распределены по двум фронтам: Северо-Западный под командованием генерала Я. Г. Жилинского и Юго-Западный под командованием генерала Н. И. Иванова. Северо-Западный фронт состоял из 1-й и 2-й армий (17,5 пехотных и восемь с половиной кавалерийских дивизий). Юго-Западный фронт имел четыре армии (34,5 пехотных и 12,5 кавалерийских дивизий). Помимо фронтовых армий были созданы еще две: 6-я армия, которая охраняла побережье Балтийского моря и прикрывала Петроград, и 7-я, прикрывавшая побережье Черного моря и границу с Румынией.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ СТАВКИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Военные планы Ставки предусматривали не одну, а сразу две наступательные операции – против Австро-Венгрии и Германии. Это было самое оптимальное решение. Если направить все силы против австрийцев, немцы бы без помех разгромили Францию, а потом перебросились бы на восток. А если бы все русские армии были брошены на Германию, они получили бы мощный удар во фланг и тыл со стороны Австро-Венгрии. К тому же этот вариант обрекал на гибель Сербию.

Почти через три недели после начала мобилизации, а точнее, 17 августа 1914 г., Россия начала наступление в Восточной Пруссии, что ознаменовало собой открытие Восточного фронта. С 8-й немецкой армией, прикрывавшей Восточную Пруссию, первоначально в бой вступила 1-я русская армия генерала П. К. Ренненкампа. 17 августа произошло сражение под г. Сталлупёненом между 3-м корпусом 1-й русской армии и 1-м корпусом 8-й немецкой армии. Поспешность русского наступления объяснялась настойчивыми просьбами Франции, терпящей сильный натиск от германцев. До этого дня военные действия ограничивались стычками между русской и германской кавалерией и минированием кораблями Балтийского флота узкой полосы Финского залива.

Всю вторую половину августа 1914 г. Россия вела бои в Восточной Пруссии. Здесь Северо-Западному фронту, состоящему из 1-й и 2-й армии (17,5 пехотных и 8,5 кавалерийских дивизий), противостояла 8-я немецкая армия (14,5 пехотных и 1 кавалерийская дивизии). По плану русского командования предполагалось наступлением 1-й армии под командованием генерала П. К. Ренненкампа северней Мазурских остро-

вов и 2-й армии под командованием генерала А. В. Самсонова южнее Мазурских островов окружить и уничтожить 8-ю немецкую армию.

Первой начала наступление 1-я русская армия. После ряда фронтальных сражений решающая битва между русскими и немецкими войсками произошла 20 августа около г. Гумбиннена. Немцы атаковали пять русских дивизий силами двух корпусов, но, потеряв в этом бою 10 тыс. человек, вынуждены были отойти. Это была первая победа Русской армии в Великой мировой войне.

Однако вскоре за этой победой последовало и первое поражение. Вновь назначенный главнокомандующий 8-й немецкой армией генерал Гинденбург, получив подкрепление, спланировал разбить русские армии Северо-Западного фронта поодиночке. Вначале он решил расправиться с менее сильной 2-й армией генерала Самсонова. Оставив небольшой заслон против 1-й армии генерала Ренненкампа, Гинденбург 6 августа (8 сентября) 1914 г. силами 15 свежих дивизий против 9-ти дивизий армии Самсонова начал наступление. Под ударами превосходящих сил противника русские вынуждены были отступить. Два армейских корпуса и часть третьего корпуса оказались в окружении в районе г. Алленштайн и Сольдау. Фронтное командование и 1-я армия Ренненкампа не оказали 2-й армии никакой поддержки. В результате четырехдневных боев русская армия потерпела поражение. На поле боя полегло 6000 русских воинов, 9 генералов и 50 тыс. солдат оказались в плену, из них 20 тыс. попали в плен ранеными. Генерал Самсонов, будучи раненым, во избежание плена застрелился.

Расправившись с армией Самсонова, немцы весь удар направили на 1-ю армию. Однако разгромить ее не удалось. Благодаря стойкому прикрытию ее отхода 2-м армейским корпусом к 15 сентября она благополучно переправилась за Неман.

В этих боях немцы праздновали победу, им удалось разгромить 5 русских дивизий, но и победа обошлась недешево, за нее противник заплатил 15-тысячными потерями: убитыми и ранеными. Всего в Восточно-Прусской операции Германия потеряла 60 тыс. человек.

Русские же потери в Восточной Пруссии составили 78 тыс. человек. Вина за неудачи в Восточной Пруссии была возложена прежде всего на командующего Северо-Западным фронтом генерала Я. Г. Жилинского, которого вскоре заменил на этом посту генерал Н. В. Рузский.

Что же касается 2-й русской армии, то она была восстановлена, поскольку значительная часть ее сил сохранилась. Новым главнокоманду-

ющим армией был назначен генерал С. М. Шейдеман, сумевший в кратчайшие сроки привести армию в порядок и приступить к активным боевым действиям.

Кампания 1914 г. не принесла решающих результатов российской армии, за исключением крушения планов противника. В ходе активных боевых действий 1914 г. на полях Польши, Галиции и Восточной Пруссии погибла русская кадровая армия. Только в гвардейских полках было 70 % нижних чинов и 27 % офицерского состава. Общая же убыль людей составила около 700 тыс. убитыми, ранеными и плененными (без учета потерь Кавказского фронта). «Если бы не было жертв со стороны России в 1914 году, – заявил спустя четверть века (в 1939 г.) английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж, – то немецкие войска не только захватил бы Париж, но и их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции».

Уже к концу 1914 г. всем участникам войны стало ясно, что война пойдет на истощение сил. Победит тот, у кого лучше организовано военное производство и большие резервы.

На 1915 г. Ставка, возглавляемая великим князем Николаем Николаевичем, вынашивала планы продолжения наступательных операций на флангах, что подразумевало занятие Восточной Пруссии и вторжение на Венгерскую равнину через Карпаты. Однако для одновременного наступления русские не располагали достаточными силами и средствами. Всего на Восточном фронте Россия сосредоточила 103 дивизии, из них 52 находились на Северо-Западном фронте, 46 – в составе Юго-Западного фронта и пять дивизий – в резерве. В частях была большая нехватка офицерского и унтер-офицерского состава.

Другой серьезной проблемой стал кризис вооружений, так или иначе характерный для всех воюющих стран, и в особенности для России с ее недостаточно развитой промышленностью. Оказалось, что расход боеприпасов в десятки раз превышал расчетные. Отечественные заводы лишь на 15–30 % удовлетворяли потребности армии. Со всей очевидностью встала задача срочной перестройки всей промышленности на военный лад, которая для России реально могла осуществиться не ранее, чем к концу лета 1915 г. Недосток вооружений усугублялся плохим снабжением. В результате в новый военный год российские Вооруженные Силы вступали с нехваткой оружия и кадровых военных, что не могло не отразиться негативно на ходе кампании 1915 г.

На начало 1915 г. дислокация русских армий была следующей: 6-я прикрывала Петроград и Балтийское побережье, 10-я и 12-я – Восточную Пруссию. В Польше, по рекам Нарев, Бзура, Равка и Нида с севера на юг стояли 1-я, 2-я, 5-я, 4-я, 9-я армии, по реке Дунаец – 3-я. В Галиции вдоль Карпатского хребта занимала позиции 8-я, а 11-я осаждала Перемышль. На Румынской границе и Черноморском побережье расположилась 7-я, а в Закавказье – Кавказская армия.

Первой боевой операцией из спланированных Ставкой на восточном театре военных действий, стала Карпатская битва, начавшаяся 7 января 1915 г. Войска Юго-Западного фронта (3-я, 9-я и 8-я армии) пытались пробиться через карпатские перевалы на Венгерскую равнину и разгромить Австро-Венгрию. В свою очередь, австро-венгерское командование также имело в Карпатах наступательные планы. Оно ставило задачу прорваться отсюда к Перемышлю и выбить русских из Галиции. В стратегическом плане прорыв австро-венгерских войск в Карпатах совместно с натиском немцев из Восточной Пруссии имел целью окружение русских войск в Польше.

Битва в Карпатах началась почти одновременно с наступлением 2-й, 3-й и 4-й австро-венгерских армий и 8-й русской армии под командованием генерала А. А. Брусилова. Произошло встречное сражение. Обеим наступающим сторонам приходилось с упорными боями то углубляться в заснеженные Карпаты, то отходить назад. Австро-венгерским войскам удалось потеснить левый фланг 8-й армии, но прорваться к Перемышлю они так и не смогли. Получив подкрепление, Брусилов отразил их наступление. В этой битве особенно отличились 48-я дивизия Л. Г. Корнилова и кавалерийские корпуса А. М. Каледина и Ф. А. Келлера. Частичных успехов все же смогла добиться 7-я австрийская армия под командованием генерала Пфланцер-Балтина, взявшая Черновцы.

В начале марта Юго-Западный фронт перешел в общее наступление в условиях весенней распутицы. Взбираясь на карпатские кручи и преодолевая ожесточенное сопротивление противника, русские войска продвинулись вперед на 20–25 км и овладели частью перевалов. 22 марта после шестимесячной блокады сдалась австрийская крепость Перемышль. Освободившаяся 11-я армия усилила группировку русских войск в Карпатах. Для отражения их натиска германское командование перебросило на данный участок новые силы. Российская же Ставка из-за тяжелых сражений на восточнопрусском направлении не могла обеспечить Юго-Западный фронт необходимыми резервами. Кровопролитные

фронтальные бои в Карпатах продолжались до 20 апреля. Они стоили огромных жертв, но не принесли решительного успеха ни одной из сторон. Всего же за весь период карпатских боев с ноября 1914 по апрель 1915 г. русские войска потеряли, в том числе больными и обмороженными, около 1 млн человек, а австрийцы и немцы – 800 тысяч.

Не сумев потеснить русские войска у границ Восточной Пруссии и в Карпатах, германское командование решило осуществить прорыв русских войск на рубеже между Вислой и Карпатами, в районе Горлицы. Здесь на 35-километровом участке прорыва была создана 357-тысячная ударная группа под командованием генерала Макензена, которая 2 мая 1915 г. перешла в наступление. Подавляющее превосходство в тяжелой артиллерии стало одной из основных причин этого наиболее крупного успеха германцев на Восточном фронте. «Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с их защитниками, – вспоминал участник тех событий генерал А. И. Деникин. – Мы почти не отвечали – нечем. Полки, истощенные до последней степени, отбивали одну атаку за другой – штыками или стрельбой в упор, лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены одним огнем».

Поддерживая прорыв, перешли в наступление и другие австро-венгерские армии, усиленные немецкими корпусами.

Российская Ставка, зная о наращивании сил на Горлицком участке, не обеспечила своевременный контрудар. Крупные подкрепления были посланы сюда с опозданием, вводились в бой по частям и быстро гибли в боях с превосходящими силами противника. К тому же неблагоприятным образом сказалась нехватка боеприпасов, особенно артиллерийских снарядов.

Угроза окружения русских войск в Карпатах вынудила войска Юго-Западного фронта начать повсеместный отход, оставляя города Перемышль, Львов и другие, ранее завоеванные большой кровью русских солдат. К 22 июня 1915 г., потеряв 500 тысяч человек, русские войска, оказывая сопротивление противнику, оставили всю Галицию. При этом в тяжелое положение попала 48-я дивизия Л. Г. Корнилова, которая с боями вышла из окружения, но сам Корнилов со штабом попали в плен, откуда вскоре сбежал. Следует отметить, что в плен в период Первой мировой войны попало около 70 русских генералов, а вот совершил побег из плена только один из них – Корнилов, и то с третьей попытки [14, с. 12, 16, 19, 118, 215–216, 219, 239, 332].

В целом мужественное сопротивление российских солдат и офицеров не позволило группе Маккензена стремительно выйти на оперативный простор и развить стратегический успех. Русский фронт хотя и был значительно отодвинут на восток, но не разгромлен.

Военные неудачи стали главной темой сессии Думы открывшейся 19 июля 1915 г. Думцы мешали с грязью командующего Западным фронтом генерала Алексеева, Ставку. Популярного Николая Николаевича не задевали, но объявили полными бездарностями его помощников Янушкевича и Данилова, хотя как раз летом, спасая армию, они проявили себя с самой лучшей стороны.

Отечественные либералы в разгар отступления Русской армии пришли к выводу, что теперь настал момент перехватить власть. Им вторила и русская буржуазия, требуя предоставления ей более широких прав в государственном аппарате. 15 августа по инициативе кадетов был создан так называемый Прогрессивный блок, который стал политической организацией буржуазных деятелей, начиная от Государственной Думы и Государственного Совета, до земств и союза городов. В свою программу они включили требования обновления всей администрации, освобождения политзаключенных и ссыльных, разрешения нелегальных партий, решения «польского», «еврейского», «финского», «украинского» вопросов, а главное – создать «правительство общего доверия», подотчетного только Думе. 26 августа газета финансовых и промышленных магнатов «Утро России» даже опубликовала список желательного правительства во главе со Львовым.

Однако Николай II отклонил отставку министров, претензии прогрессистов отверг, поставил на место обнаглевшую буржуазию и 15 сентября подписал указ о роспуске сессии Думы, пригрозив вообще разогнать ее. Ему не нужны были реформы в разгар войны. Первая атака на власть не имела успеха¹¹.

ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ СТАВКИ И СМЕЩЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

С приближением фронта к Барановичам встал вопрос о переносе Ставки. Комендант генерал-майор Саханский предложил для размещения штаба Верховного главнокомандующего четыре города: Оршу, Борисов, Быхов и Могилев. Предпочтение отдали провинциальному Могилеву как наиболее удобному железнодорожному пункту сообщения на карте империи¹².

До войны Могилев ничем не был замечателен и ничем не выделялся из ряда многочисленных губернских городов Российской империи. Он уютно и живописно располагался на высоком правом берегу Днепра, широко раскинув по левому низкому луговому берегу свои предместья, где проживало население, занимающееся в большинстве своем кожевенным промыслом.

Ни фабрик, ни заводов, ни крупной торговли в Могилеве не было, он имел значение исключительно как административный центр. Две главные улицы, параллельными линиями пересекавшие город, упирались в небольшую площадь, на которой находились двухэтажный губернаторский дом, окружной суд и другие присутственные места.

На площади располагалась старинная круглая ратуша, над которой возвышалась башня, молчаливая свидетельница долгих и упорных споров между Россией и Польшей, дававшая приют на своем фронте то польскому бело-красному штандарту, то русскому триколору с золотым двуглавым орлом.

За площадью располагался городской сад, называвшийся Валом, с широкими тенистыми аллеями и красивым видом на Днепр. В саду по

праздникам устраивались развлекательные мероприятия, играл военный оркестр, прогуливались горожане и гости города.

В прошлом Могилев неоднократно посещали царственные особы. Во время Северной войны в 1706 г. здесь побывал Петр I. В 1708 г. был здесь со своей армией и Карл XII, земляные валы говорят о былых боях. Город и окрестности подверглись опустошению. Шведское войско расположилось на правом берегу Днепра между городом и разграбленным Буйничским монастырем. Это место потом долгое время местные жители называли Карловой долиной.

В 1780 г. в Могилеве произошло свидание Екатерины II с австрийским императором Иосифом I, в память чего они заложили церковь святого Иосифа, впоследствии получившую статус кафедрального собора. В 1832 г. город проездом посетил император Николай I. В 1839 г. здесь провел несколько недель наследник, будущий император Александр II. Заболев, он не мог продолжать своего путешествия, пока не поправился [1; 50].

И этот тихий маленький, ничем не примечательный белорусский провинциальный город в одночасье становится центром войны, где должны были решаться важнейшие вопросы, от которых зависела жизнь миллионов людей на фронте и существование нации.

Могилевские улицы заполнились автомобилями Ставки, тротуары – офицерами штабов и военных канцелярий. Гостиницы и частные квартиры были заняты для иностранных представителей союзных держав и высших представителей военного мира. Город стал вооруженным лагерем. И каждый обыватель с трепетом смотрел на окна бывшего губернаторского дома, где расположился Верховный главнокомандующий со своей ближайшей свитой. Никто не запрещал обывателю ходить мимо этого дома и около окон Главнокомандующего, но все старались там не появляться. Входили же в Ставку только лица, имеющие к ней отношение. Управление генерал-квартирмейстера разместилось в находящемся в непосредственной близости от губернаторского дома помещении губернского правления. Невдалеке, через площадь с садом, помещались управления дежурного генерала, начальника военных сообщений, морское управление и квартира директора дипломатической канцелярии.

Для охраны Ставки Верховного главнокомандующего в Могилев прибыло около полутора тысяч солдат и офицеров, было создано несколько рубежей обороны: в городе и в 20-ти верстах от него. Общее ежедневное количество людей по всем линиям охранения Могилева со-

ставляло 1600 человек. Имелась и противовоздушная защита. Как известно, под Минском базировались самые грозные боевые машины того времени – отряд русских самолетов «Илья Муромец». На отдельных площадках около губернаторского дома были также размещены пулеметы для защиты от немецких цеппелинов. Следует сказать, что зенитных батарей для обстрела воздушного флота в Русской армии в то время еще не было, за исключением лишь батареи Терновского, стоящей в Минске и способной стрелять по аэропланам под углом не выше 65 градусов [43, с. 291].

Внутреннюю охрану Ставки нес полевой гвардейский жандармский эскадрон, который был впоследствии усилен «георгиевским» батальоном, сформированным из солдат, награжденных Георгиевскими крестами. После вступления в должность Верховного главнокомандующего Государя Императора к охране Ставки присоединился конвой Его Величества.

Однако Николай Николаевич недолго пробыл в Могилеве. На фронте дела шли все хуже и хуже, и хотя вера, что все изменится к лучшему, никого не покидала, все же он был смещен. Главнокомандование 5 сентября 1915 г. взял в свои руки сам Николай II. Увольнение великого князя от должности Верховного главнокомандующего произошло совершенно для него неожиданно. Хотя, с другой стороны, при первом разговоре его в начале августа 1915 г. с прибывшим в Ставку военным министром А. А. Поливановым¹³ о смене Янушкевича он предполагал о возможной замене и его самого. Но тогда он все еще думал, что царь ограничится только Янушкевичем. Однако спустя несколько дней Николай Николаевич понял, что царь лично вступит в верховное командование, но предполагал, что оно будет только внешним и до известной степени фикцией, что вызывалось, как он видел, соображениями чисто политическими и желанием царя быть в момент наибольших военных неудач ближе к армии. Он полагал, что останется при царе фактическим главнокомандующим, и очень обрадовался назначению Алексева как своего непосредственного сослуживца.

16 августа 1915 г. в 10 часов 38 минут великий князь получил телеграмму от Николая II, в которой говорилось: «До моего приезда прошу тебя распоряжаться всеми вопросами по-прежнему. Перерыва в этом не должно быть. Желаю, чтобы генерал Эверт вступил немедленно в командование Западным фронтом, а генерал Алексеев отбыл в Могилев

для занятия должности начальника штаба. Назначением генерала Янушкевича... на Кавказ согласен. Николай» [61, с. 158–159].

Алексеев прибыл в Ставку 19 августа вечером, тоже будучи уверенным, что фактически ему придется работать под непосредственным руководством великого князя Николая Николаевича, и находил такую возможность полезной для дела. Но все сложилось иначе.

Царь приехал в Ставку 21 августа и свой разговор с великим князем на этот раз начал с вопроса:

– А когда же ты уезжаешь?

Николай Николаевич изменился в лице и, поняв все сразу же, ответил:

– Когда прикажете, хоть завтра.

– Нет завтра не надо, поезжай позже.

– Слушаюсь. А быть завтра при докладе?

– Да, завтра будь.

На следующий день, 22 августа, и 23 числа царь уже не звал его на доклад. За эти дни и Николай Николаевич, и, главным образом, Алексеев усердно отговаривали государя от принятия на себя верховного главнокомандования, но их доводы не повлияли на принятое решение.

Николая II пытались отговорить многие, в том числе и правительство, но государь настоял на своем. Все современники отмечали его колоссальную выдержку и самообладание, а Николай Александрович объяснял: «Если вы видите, что я спокоен, это потому, что у меня твердая и решительная вера в то, что судьба России, моя судьба и судьба моей семьи в воле Божьей, которая дала мне эту власть. Что бы ни случилось, я вверяюсь воле Его, сознавая, что не могу думать ни о чем другом, кроме как о служении стране, которую Он вверил мне» [14, с. 232].

То, что монарх становится Верховным главнокомандующим, было обычным во многих государствах. Но это всегда делалось в предвкушении победных лавров. Николай II же взял на себя командование армией в самый тяжелый период войны, проявив тем самым тесные узы единения со своим народом и Русской армией.

Царь издал приказ по армии о «взятии на себя» обязанностей Верховного главнокомандующего. В частности, в императорском приказе от 23 августа 1915 г. по этому поводу говорится: «...Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на театре военных действий, с твердой уверенностью

в нашей победе. Будем выполнять свой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли русской» [61, с. 161–162].

Из всех соображений и побуждений, заставивших государя принять должность Верховного, официально выдвигалось и подчеркивалось одно: поднять дух армии.

Нельзя сказать, что отношение высшего командного состава и офицерства Русской армии к Ставке летом 1915 г. было определенно однозначным. Ставку обвиняли во многом, ее считали виновницей многих неудач и несчастий. Но эти обвинения падали, главным образом, на генералов Янушкевича и Данилова, не затрагивая великого князя. Престиж последнего и после всех несчастий на фронте оставался непререкаемым. Его военный талант по-прежнему не отвергался и сам он в глазах офицерства оставался поборником правды, стражем народных интересов, мужественным борцом против всяких неблагоприятных влияний, хищений и злоупотреблений.

Если для офицерства Николай II был волею Божией Императором, то великий князь Николай Николаевич был волею Божией Главнокомандующим. После объявления войны его имя было у всех на устах, его имя везде произносили с уважением, почти с благоговением, часто с сожалением и состраданием, что все его усилия и таланты парализуются бездарностью его ближайших помощников, бездействием тыла, неподготовленностью к войне и разными неурядицами в области государственного управления.

По высказываниям офицерства, смена великого князя с должности Верховного главнокомандующего, которому верила и которого любила армия, не могла бы приветствоваться даже и в том случае, если бы на его место заступил испытанный и зарекомендовавший себя в военных делах военачальник. Государь же в военном деле представлял, по меньшей мере, неизвестную величину, военные дарования и знания которого ни в чем и нигде не проявлялись, и общий духовный уклад его менее всего подходил для Верховного главнокомандующего.

Все понимали, что государь и после принятия на себя звания Верховного останется тем, кем он и был доселе, – Верховным вождем армии, но не Верховным главнокомандующим, священным образом, но не мозгом и стратегом армии. А в таком случае ясно было, что место Верховного после увольнения великого князя Николая Николаевича останется пустым, и занимать его будут начальники Штаба и разные ответственные и неответственные советники государя. Армия, таким об-

разом, теряла любимого старого Верховного главнокомандующего, не приобретая нового.

Помимо этого, многие лучшие и наиболее серьезные начальники в армии по чисто государственным соображениям не приветствовали решения государя, считая, что теперь в случае новых неудач на фронте нападки и обвинения будут падать на самого государя. В чем усматривали возможные роковые последствия как для него, так и для государства, что в скором будущем и произошло.

Конечно, были и такие «патриоты», которые, надрываясь, кричали, что решение государя является актом величайшей мудрости. Но их голоса не производили впечатления. Таковы были мнения и настроения офицерства Русской армии.

26 августа великий князь Николай Николаевич, назначенный командующим Кавказским фронтом, вместе с Янушкевичем покинул Могилев.

Накануне отъезда великий князь попрощался со Штабом. «В зале окружного суда, – пишет в своих воспоминаниях протопресвитер Георгий Шавельский, – собрались все чины Штаба. Явился великий князь, как всегда, стройный, величественный. Замерло всё. Кратко, но ярко поблагодарив всех за серьезную, трогавшую его работу, он так закончил свою речь:

– Я уверен, что теперь вы еще самоотверженнее будете служить, ибо теперь вы будете иметь счастье служить в Ставке, во главе которой сам Государь. Помните это!

И тут сказался “верноподданный из верноподданных”. Слезы показались на его глазах. Многие плакали. Один упал в обморок. Великий князь поклонился и ушел.

На вокзале к отъезду великого князя собрался весь Штаб. Приехал в походной форме великий князь и начал обходить всех, сердечно прощаясь с каждым. Потом приехал Государь. Он вошел в вагон великого князя. Пробыв там несколько минут, он вышел и остановился у самого вагона. Вслед за Государем вышел и великий князь. Раздался свисток. Стоя на площадке своего вагона, против Государя, великий князь выпрямился и взял под козырек. Государь и все присутствующие ответили ему. Поезд уже был далеко, но всё еще виднелась, как бы изваянная, величественная фигура великого князя, бывшего Верховного. Он еще продолжал отдавать честь своему Государю.

Уехал Государь. Стали разъезжаться и все мы. День был сумрачный. А у нас на душе было совсем мрачно. Точно оторвалось от сердца что-то родное, дорогое. Что ждет нас впереди, никто этого не знал, но все об этом думали. Какая-то разбитость, подавленность, почти безнадежность чувствовались в этот день в Ставке. Как будто похоронили кого-то, незаменимо дорогого, как будто потеряли последнюю опору при надвигающейся беде» [95, с. 316–317].

В войсках смену Верховного главнокомандующего восприняли спокойно. Солдаты и офицеры и без того считали царя своим высшим начальником. А офицеры понимали, что при государе важную роль будет играть начальник Штаба, горячо обсуждали, кто займет эту должность. Когда узнали, что генерал Алексеев, это всех обрадовало.

Начальник Штаба Верховного генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев родился 3 ноября 1857 г. в семье бывшего солдата сверхсрочной службы, кантониста, выслужившегося в фельдфебели, а потом и в офицеры, участника Севастопольской обороны майора Василия Алексеевича Алексеева (умер после 1896). Окончил Тверскую классическую гимназию. В 1873 г. поступил вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк. В 1876 г. окончил Московское пехотное юнкерское училище и выпущен был портупей-юнкером (подпрапорщик) в 64-й пехотный Казанский полк. 1 декабря 1876 г. произведен в первый офицерский чин – прапорщика.

Вскоре молодой офицер получил боевое крещение, пройдя в рядах своего полка весь тяжелый поход Турецкой кампании. Девять лет он нес службу субалтерн-офицера, а в 1885 г. стал ротным командиром. Тогда тридцатилетний штабс-капитан решил готовиться в Николаевскую академию Генерального штаба, в которую и поступил в конце 1887 г.

Служа 11 лет в строю пехотного армейского полка, Алексеев считался отличным офицером, товарищи знали его как человека большой энергии, выдающейся трудоспособности и твердости воли в преследовании поставленных – тогда, конечно, небольших – военных задач.

За долгую службу обыкновенного строевого офицера Алексеев хорошо изучил русского солдата, сознательно и глубоко воспринял своей чуткой и простой душой богатство его духовных качеств, отлично узнал и русского офицера, убедившись на деле в его потенциальной силе. На самом себе и около себя Алексеев испытал и увидел недочеты военной организации, отражающиеся на спине солдата и на шее офицера иначе, чем это кажется в штабных кабинетах. Таким образом, перед профессо-

рами академии Алексеев предстал во всеоружии опыта и знания, которых так недостает громадному проценту молодежи, поступающей в академию сразу по истечении обязательного трехлетнего строевого стажа.

Окончив курс академии по первому разряду в 1890 г., Алексеев пошел уже по обычной дороге офицеров Генерального штаба, но вскоре же стал занимать положения, уготованные судьбой далеко не для всех из них. С 1898 г. экстраординарный, с 1901-го – ординарный, с 1904 г. – заслуженный профессор кафедры истории русского военного искусства Николаевской военной академии.

В Русско-японскую войну Алексеев показал свои способности, будучи генерал-квартирмейстером Маньчжурской армии, а окончательно убедил в них в 1912 г., при «военной игре» (условный противник – Австрия) с командующими пограничных военных округов и их начальниками штабов. Его решение поставленной тогда задачи показало, насколько он выше других, и тогда же было решено, что на случай войны с Австрией Алексеев будет начальником штаба фронта армий, направленных против нее. Он деятельно стал готовиться к этой роли.

Таким образом, назначение в июле 1914 г. не застало его врасплох – за эти годы им все было изучено, все подготовлено. Жена его, Анна Николаевна, помогла ему собрать вещи обихода, а диспозиции, директивы, документы и карты неожиданно для нее оказались приготовленными и уложенными в нескольких чемоданах, скрыто стоящих в кабинетах. Алексеев ехал из Смоленска, где командовал 13-м армейским корпусом, через три часа после получения телеграммы о своем назначении.

Как командир корпуса, по воспоминаниям современников, Алексеев вел себя по сравнению с другими военачальниками несколько необычно. Например, за два года командования он ни разу не пропустил мимо себя войск церемониальным маршем, боясь, что на подготовку этой театральной стороны дела будет отрываться время боевого обучения. Приезжая в полки, Алексеев никогда не прерывал идущих занятий и смотрел за тем, что делается по имеющемуся в полку расписанию занятий.

Среди знавших его людей, понимавших, что собой представляет малоизвестный тогда широкому обществу Алексеев, на него не раз указывали как на кандидата на высокие военные назначения. Однако все складывалось не так просто. Например, когда генерал Жилинский был назначен командующим войсками Варшавского военного округа, освободив пост начальника Генерального штаба, редактор «Русской

старинны» генерал Воронов поехал к Сухомлинову, военному министру, сказал ему:

«– В настоящее время освобожден пост начальника Генерального штаба, и все знающие русское военное дело люди просят, чтобы был назначен генерал Алексеев, который вполне этого достоин и имеет на то все права.

На это был получен следующий ответ:

– Генерал Алексеев не может быть назначен!

– Почему?

– Он не знает языков. Ну как же он поедет во Францию на маневры и как он один будет разговаривать с начальником французского Генерального штаба?

На эти слова Воронов возразил: “Никак не полагал, что назначение начальника Генерального штаба зависит от языка”. Слова его были прерваны Сухомлиновым, резко заявившим: “Вопрос решенный, и назначение генерала Алексеева не состоится”. Был назначен Янушкевич...» [68].

15 марта 1915 г. Алексеев был назначен главнокомандующим Северо-Западным фронтом. Как главнокомандующий, он часами изучал карту театра военных действий и получаемые телеграммы. Затем садился к письменному столу и, уже не глядя на карту, ни в телеграммы, писал директиву на нескольких листах, точно обозначая место каждого корпуса и дивизии, все пункты и т. п.

Однако 18 августа фронт был разделен на Северный, который отдали Рузскому, и Западный – доставшийся Алексееву. Но уже 20 августа 1915 г. Алексеев, сдав командование фронтом Эверту, отбыл в Штаб Ставки Верховного главнокомандующего Русской армии.

Как видится, Алексеев обязан своим положением исключительно самому себе. В этом человеке среднего роста заключалась какая-то гигантская рабочая сила. Многие годы, неведомый широким кругам обществу, Алексеев работал над вопросами стратегии и приобрел в этой области высокую компетентность. Его выделили из остальных и явили России в новой роли специальные военные способности, упорный труд и безмерное желание служить Отечеству.

А тем временем события на Восточном фронте развивались следующим образом. Еще будучи в должности командующего Северо-Западным фронтом, генерал Алексеев планировал в августе 1915 г. нанести из района Ковно (ныне Каунас) фланговый контрудар по наступавшим

германским армиям. Но немцы упредили этот маневр и в начале августа сами атаковали ковенские позиции силами 10-й германской армии под командованием генерала фон Эйхгорна. После нескольких дней штурма комендант Ковно Григорьев проявил малодушие и 17 августа сдал крепость противнику¹⁴. Падение Ковно ухудшило для русских стратегическую ситуацию в Литве и привело к отводу правого крыла войск Северо-Западного фронта за Нижний Неман.

Овладев Ковно, немцы пытались окружить 10-ю русскую армию под командованием генерала Радкевича. Но в упорных встречных августовских боях у Вильно германское наступление было остановлено. Тогда немцы сосредоточили мощную группировку в районе Свенцяна, что севернее Вильно, и 11 сентября нанесли мощный удар на Молодечно, пытаясь с севера выйти в тыл 10-й армии и захватить Минск. Из-за угрозы окружения русским пришлось оставить Вильно. 13 сентября германская кавалерия подошла к озерам Нарочь и Свирь. Отсюда 1-я и 4-я кавалерийские дивизии устремились на Сморгонь и 15 сентября атаковали город. Оказавшиеся там русские маршевые роты восемь часов держали оборону. Понеся потери и израсходовав патроны, они отошли на Крево, навстречу подходящим войскам 10-й русской армии. Однако развить успех немцам не удалось. Путь им преградила вовремя подошедшая 2-я армия под командованием генерала Смирнова, остановившая немецкое наступление решительными атаками германских войск у Молодечно. 24 сентября совместными усилиями 10-го сибирского корпуса 10-й армии и лейб-гвардейского корпуса русскими был опрокинут враг и у Сморгони¹⁵. Потерпев поражение, немцы вынуждены были отступить обратно к Свенцянам. К началу октября Свенцянский прорыв был ликвидирован, и фронт на данном участке стабилизировался, чему в должной мере способствовали контрудары русских войск у Луцка и у Риги, заставившие противника перебросить войска с главного наступательного направления. Истощив наступательные силы, немцы перешли на востоке к позиционной обороне.

Вилениским сражением закончилось великое отступление русской армии. Фронт стабилизировался на линии Рига – Барановичи – Тернополь. Здесь были созданы три фронта: Северный, Западный и Юго-Западный. Отсюда русские не отступали вплоть до падения монархии [14, с. 259–260].

Чем дальше затягивалась война, тем все грознее вырисовывался факт неподготовленности к войне Русской армии, окупаемый теперь сот-

нями тысяч невинных жертв. Армия испытывала страшный недостаток и в вооружении, и в снарядах. Первыми вопросами, которыми встречали на фронте каждого прибывавшего из Ставки, были: как обстоит дело со снарядами и оружием? Прислали ли союзники? Устраивают ли у нас новые для выделки снарядов заводы? Недостатка в обещаниях, которыми и Петербург, и Ставка утешали фронт, не было. Уверяли, что из Англии и Франции идут огромные транспорты с боевыми материалами, говорили, что в России организуется целая сеть военных и частных заводов, которые скоро засыпят армию всем необходимым для боя. Все это утешало воинов, окрыляло их надеждой, подымало их дух, но... проходили месяцы, а Русская армия, как и раньше, безоружною и беспомощною стояла перед вооруженным с ног до головы, бесконечно превосходившим ее по обилию боевых и материально-технических средств врагом.

Осенью 1915 г. на русском фронте наступило затишье, военная кампания этого года заканчивалась. Австро-германское командование не добилось цели, поставленной в начале кампании: Русская армия не была разгромлена, и Россия не была выведена из войны. Более того, теперь русский фронт отвлекал гораздо больше сил, чем в 1914 г. В сентябре против России действовало 116 пехотных и 24 кавалерийские дивизии, тогда как против Франции и Англии – 90 дивизий.

На исходе года Русская армия провела еще частные операции на Юго-Западном фронте в районе г. Чарторыйска и реки Стрыпе. Здесь особо отличилась 4-я дивизия, которой командовал А. И. Деникин. Однако эти батальи не внесли существенных изменений на восточном театре военных действий. В итоге 1915 г. принес России тяжелые поражения и утраты: русские войска вынуждены были оставить Галицию, Польшу, Литву, запад Белоруссии и юг Латвии. Велики были и людские потери армии: с начала войны они составили 321 600 убитыми и 1548 тысяч пленными и без вести пропавшими [75, с. 164–165]. К тому же над Российской империей замаячила еще одна беда: кризис общественного настроения. После того как угас патриотический порыв первых месяцев войны, в стране на фоне отступления и понесенных жертв начало проявляться среди народа и, в первую очередь, интеллигенции уныние, нетерпение и недовольство властью, чем непременно воспользовалась оппозиция.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Великий князь Николай Николаевич рассматривался оппозиционными кругами как претендент на престол в случае низложения императора Николая II, вел с ними тайные переговоры, но в конечном итоге не решился возглавить переворот. В феврале 1917 г. изменил присяге и поддержал заговор с целью свержения Николая II, направив ему телеграмму с «коленопреклоненной мольбой» отречься от престола в пользу цесаревича и великого князя Александра Николаевича. Перед отречением Николай II вновь назначил Николая Николаевича Верховным главнокомандующим. Но он поспешил отречься от монархии и стал единственным из членов императорского дома, кто не просто заявил о своей лояльности Временному правительству, но и принес присягу «новому строю». При большевиках эмигрировал за границу. Жил в Италии, затем на юге Франции. Скончался в 1929 г.

2. Главное управление Генерального штаба было образовано в 1905 г. Ведало разработкой общих вопросов обороны государства. С 1913 г. состояло из отделов: генерал-квартирмейстера с Крепостной комиссией при нем, по устройству и службе войск, мобилизационного, военных сообщений, военно-топографического.

3. В 1915 г., после перевода великого князя Николая Николаевича на должность наместника Кавказа, вынужден был покинуть свою должность в Ставке. В 1915–1916 гг. – командир 25-го армейского корпуса. В 1916–1917-м – исполняющий должность начальника штаба Северного фронта. Присутствовал при отречении от престола императора Николая II. В 1918-м служил в РККА, возглавлял группу военных экспертов при советской делегации на переговорах с центральными державами в Брест-Литовске. Эмигрировал. Биограф великого князя Николая Николаевича.

4. Щелоков во время Гражданской войны был у большевиков начальником штаба Буденного и много содействовал успехам его конницы. Скалон, командированный от Штаба Верховного главнокомандующего в состав делегации для ведения мирных переговоров в Брест-Литовск, не вынес позора Брест-Ли-

товского мира, застрелился. Самойлов отличился во главе своего полка. Андерс во время Второй мировой войны командовал польским добровольческим корпусом в составе союзных войск на итальянском фронте.

5. П. К. Кондзеровский оставался в должности дежурного генерала при Верховном главнокомандующем вплоть до Февральской революции. 21.05.1918 уволен со службы с правом на ходатайство о назначении пенсии. В 1918 г. с семьей уехал в Финляндию. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении. В 1920 г. уехал в Париж. В начале 1925 г. назначен начальником канцелярии великого князя Николая Николаевича. Умер 16.08.1929 в Париже, погребен на кладбище Батиньоль.

6. С. А. Ронжин в годы Гражданской войны участвовал в Белом движении. Эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Являлся членом Общества офицеров Генерального штаба. Умер 1 июня 1929 г. в Сербии.

7. Д. В. Ненюков в декабре 1916 г. был произведен в вице-адмиралы. С апреля 1917 г. – командующий Дунайской транспортной флотилией. С октября 1917 г. – начальник речных сил на Дунае. В период Гражданской войны участвовал в Белом движении. В 1919–1920 гг. – командующий Черноморским флотом. Эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Умер 3.07.1929 в Земуне (пригород Белграда).

8. С. П. Саханский занимал свой пост при великом князе Николае Николаевиче, императоре Николае II, М. В. Алексееве и только при А. А. Брусилове 1.06.1917 был отправлен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа.

9. Бубнов Александр Дмитриевич – российский контр-адмирал, родился 18.05.1883 в Варшаве. В 1903 г. окончил Морской кадетский корпус, в 1913-м Николаевскую военную академию. В 1904–1905 гг. участвовал в Русско-японской войне. В 1914–1915 гг. – штаб-офицер, а в 1915–1916 гг. – флаг-капитан Морского штаба Верховного главнокомандующего. Курировал Черноморский театр военных действий. 10.08.1917 произведен в контр-адмиралы. В октябре–ноябре 1917 г. – начальник Военно-морского управления при Верховном главнокомандующем. В период Гражданской войны (1918–1922) служил в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. В 1920 г. эмигрировал во Францию, затем – в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Участвовал в создании военно-морского училища и Высшей морской школы в Дубровнике, где преподавал до оккупации Югославии немцами в 1941 г. После Второй мировой войны преподавал русский язык в гимназии. Автор воспоминаний «В царской ставке» и других работ. Скончался в г. Кранье (Югославия) 2 февраля 1963 г.

10. Сухомлинова ложно обвиняли в злоупотреблениях и измене в связи с осуждением за шпионаж некоторых лиц из его окружения. После шестимесячного заключения он был переведен под домашний арест, но после Февральской революции снова арестован 1 марта 1917 г. На суде в августе–сентябре 1917 г. обвинения в измене и злоупотреблениях не подтвердились, но Сухом-

линов был признан виновным в «недостаточной подготовке армии к войне» и приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением. При советской власти 1 мая 1918 г. как достигший 70 лет был освобожден по амнистии и эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию, где и умер в 1926 г. Будучи в эмиграции, оставил после себя «Воспоминания» (Берлин, 1924).

11. В это же время за границей социал-демократы во главе с Лениным (первая международная конференция социалистов-интернационалистов в Циммервальде) на немецкие деньги, полученные через двойного агента Парвуса, объединялись, чтобы провести свою атаку на власть. В Париже газеты Троцкого и Мартова открыто призывали к поражению России в войне и к перерастанию войны империалистической в войну гражданскую.

12. Для всех непосвященных, т. е. петербургского обывателя, местом Ставки назывался Смоленск, хотя она там никогда и не была. Могилевская ставка работала в судьбоносные для воюющей империи дни – с 8 августа 1915 по 26 февраля 1918 г. Затем она перебазировалась в Орел, но пробыла там всего лишь 5 дней.

13. Поливанов Алексей Андреевич, из семьи потомственных дворян. Родился 4.03.1855. После окончания Петербургской гимназии в 1871 г. обучался в Николаевском инженерном училище, из которого в 1874 г. выпущен подпоручиком во 2-й саперный батальон. В составе Лейб-гвардии Гренадерского полка участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878). В 1880 г. окончил Николаевскую инженерную академию и занимал должность полкового адъютанта, затем командира роты Лейб-гвардии Гренадерского полка. В 1888 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду и стал подполковником, в 1890-м – полковником. Служил на разных должностях в армии. В 1906 г. произведен в генерал-лейтенанты, в 1912 г. – в генералы от инфантерии. 23.09.1915 назначен на должность военного министра и председателя Особого совещания по обороне государства. Освобожден от должности военного министра 28.03.1916. После Октябрьской революции в 1920 г. поступил на службу в РККА, являлся членом Особого совещания при главнокомандующем армией. Являлся членом советской делегации, направленной в Ригу для ведения мирных переговоров с Польшей. 25.09.1920 умер в Риге от тифа. Похоронен в Петрограде.

14. Впоследствии Григорьев за сдачу крепости был приговорен к 15 годам лишения свободы.

15. В дальнейшем немецкое наступление, остановленное под Сморгонью, сдерживалось 810 дней, вплоть до Брест-Литовского мира. На этом участке фронта немецкие войска ходили в атаки, использовали тяжелую артиллерию, применяли отравляющие газы, но ничто не смогло сломить стойкость защитников Сморгони. В ответ на применение в 1916 г. немцами газов под Сморгонью в сентябре русское командование впервые применило на фронте газы. Успех этой газовой атаки был очевиден.

Глава 2

СТАВКА
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
РУССКОЙ АРМИЕЙ
ПРИ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ II

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ НИКОЛАЙ II И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Ставка, возглавляемая Николаем II, занимала несколько зданий на Губернаторской (ныне Советской) площади Могилева.

Государь жил в губернаторском доме¹, в котором наверху занимал две комнаты: одна служила кабинетом, другая спальней, где вместе с походной кроватью государя стояла такая же походная кровать для наследника, на которой он спал во время своих частых пребываний в Могилеве. Рядом с кабинетом находилась пустынная приемная зала и столовая, внизу дома располагалась часть свиты.

Дом, в котором жил Николай II, охранялся по окружности дворцовой полицией и солдатами гвардейского сводного полка. Имелся особый пропускной пост дворцовой полиции и жандармов – при калитке сада, через которую только и можно было ходить к царю. Всякое новое лицо могло попасть в императорский дом только в сопровождении, о визите пропускной пост ставили в известность заранее.

Писатель С. Н. Сергеев-Ценский в романе «Брусиловский прорыв» так описывает помещение могилевской Ставки: «Дом этот был двухэтажный. Там были и парные наружные часовые, и казаки-конвойцы внутри, и лакеи, и скороход – лицо немалых полномочий. Кроме того, весь дом был наполнен лицами царской свиты, начиная с неизбежного “генерала-от-кувакерии” Воейкова, гофмаршала князя Долгорукова и других свитских генералов и кончая флигель-адъютантами» [77, с. 61].

С начала февраля 1916 г. охрана Ставки была усилена еще одним воинским подразделением – Отдельным батальоном охраны Ставки Верховного главнокомандующего, с 8 (24) июня 1916 г. переименованным в Георгиевский батальон. Это была первая воинская часть в Русской ар-

мии, сформированная исключительно из Георгиевских кавалеров. Офицеры части были награждены орденами Святого Георгия, унтер-офицеры и рядовые – Георгиевскими крестами и медалями. Первоначально командиром георгиевцев являлся полковник С. И. Лящик, затем полковник И. Ф. Пожарский, вскоре произведенный в генерал-майоры, а с февраля 1917 г. – полковник Н. С. Тимановский.

Лица, составлявшие свиту государя в Ставке, делились на две категории: одни всегда находились при государе, другие периодически появлялись в Ставке. К первой категории принадлежали: флаг-капитан адмирал К. Д. Нилов; свиты его величества генерал-майоры В. И. Воейков, князь В. А. Долгоруков, граф А. Н. Граббе, флигель-адъютанты полковники Дрентельн и Нарышкин, лейб-хируг С. П. Федоров. Министр Двора граф Фредерикс жил то в Петрограде, то в Ставке. Флигель-адъютанты: полковники Шереметьев и Мордвинов, капитаны 1-го ранга Н. П. Саблин и Ден, состоявший также помощником начальника походной канцелярии.

Бывали в Ставке флигель-адъютанты полковники Свечин и Силаев, а также великий князь Дмитрий Павлович и князь Игорь Константинович. Наведывал Ставку и обер-гофмаршал граф А. К. Бенкендорф.

Из великих князей в Ставке находились: Сергей Михайлович, бывший начальник артиллерийского управления; Георгий Михайлович, состоявший в распоряжении государя. Особый поезд на вокзале занимал Борис Владимирович, Наказной атаман всех казачьих войск². Часто появлялся в Ставке Александр Михайлович, заведовавший авиационным делом, реже – Верховный начальник Санитарной части принц А. П. Ольденбургский. Почти всегда находился в Ставке Кирилл Владимирович. В ноябре 1916 г. появился и Павел Александрович. Великий же князь Михаил Александрович все время находился на фронте.

В марте 1916 г. свита увеличилась еще одним членом – генералом Н. И. Ивановым, назначенным состоять при особе государя после снятия с поста главнокомандующего Юго-Западным фронтом, что было равнозначно почетной отставке. Жил генерал в своем вагоне на станции. Постоянно присутствуя за царским столом на трапезе, он, по воспоминаниям сослуживцев, рискуя потерять остатки монаршего благоволения, не затрагивал в разговорах с государем щекотливых тем и главным образом «многозначительно и мудро» молчал в его присутствии.

С прибытием в Ставку наследника при нем все время находились: воспитатель – тайный советник П. В. Петров, француз Пьер Жильяр,

англичанин мистер Гиббс, матрос Деревенько и очень часто – доктор В. Н. Деревенко.

Свита государя постоянно общалась с ним. Лица свиты присутствовали на высочайших завтраках и обедах, утренних и вечерних чаях, сопровождали государя в его ежедневных прогулках, участвовали в играх в кости, домино и пр.

Во время пребывания государя в Ставке в ближайшем его окружении неотлучно состояли дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков, флаг-капитан адмирал К. Д. Нилов и флигель-адъютант капитан 2-го ранга Н. П. Саблин. Эти лица постоянно и повсюду сопровождали государя, принимали участие в его личной жизни и по вечерам составляли ему партию в домино, в которое он любил играть. И если вообще с кем-либо государь делился своими сокровенными мыслями и воззрениями, так это только с ними, и только они – больше всех других приближенных царя – могли иметь на него влияние.

Характеризуя духовный облик этих приближенных к императору лиц, адмирал А. Д. Бубнов в воспоминаниях пишет: «Генерал Воейков, представитель консервативной русской аристократии, отличаясь отталкивающей внешностью сибарита-циника, при ограниченных умственных способностях и научном кругозоре рядового гусарского офицера, обладал наглым самомнением и, громко исповедуя ретроградные взгляды, “черносотенного” толка, импонировал этим Государю и имел на него злосчастное влияние; не имея в своей душе ни тени сколь бы то ни было возвышенных чувств, он воочию обнаружил всю свою сущность, покинув первым, – самым неблагоприятным образом, – Государя в Ставке, после его отречения от престола.

Флаг-капитан адмирал К. Д. Нилов, если и не отличался умом, широтой взглядов и пониманием положения вещей, то, во всяком случае, отличался своим давнишним пристрастием к вину; о нем ходил анекдот, что Государь, привыкший видеть его постоянно “на взводе” и считая это нормальным его состоянием, увидев его раз трезвым, подумал, что он “навеселе”; он, однако, к чести его надо сказать, – был Государю “без лести” искренно предан и покинул его не по своей воле, а по принуждению революционных властей.

Флигель-адъютант Н. П. Саблин заслуживает особого внимания, ибо из всех приближенных был ближе всего к царской семье, пользуясь особым благорасположением не только Царя, но и Царицы. Этот красавец-мужчина, каких мало, не отличался ни умом, ни знаниями. Одна-

ко, как все морские офицеры, особенно младшего поколения, к коему он принадлежал, обладал известным кругозором и правильным пониманием вещей. Смутно предчувствуя угрожающие России опасности и беспокоясь об этом, он старался делать что мог, чтобы эти опасности предотвратить, не рискуя, однако, при этом своим положением фаворита, причем руководствовался, может быть, не столько преданностью царской семье, сколько инстинктом самосохранения, ибо и он, правда, не в такой неблагоприятной форме, как Воейков, покинул в критическую минуту благодетельствовавшую его царскую семью» [8, с. 173–174].

Назначенные начальниками дипломатической и гражданской канцелярий Н. А. Базили и С. Н. Ладыженский характеризовались как талантливейшие представители дипломатического и гражданского ведомств.

С присутствием в Могилеве многочисленных светских лиц жизнь в теперь уже царской Ставке пошла по вновь установленным правилам.

Если при Николае Николаевиче Ставка была военным лагерем, деловым и строгим, пишет в воспоминаниях М. Белевская, жившая в то время в Могилеве, видевшая и наблюдавшая те события, то с первых дней приезда государя она внешне потеряла этот облик. «Сразу все изменилось. Приехала оперетка, которой не было при Николае Николаевиче, театр до отказа был набит дамами и ставочными офицерами. Начались какие-то подношения артистке Лабунской и Грекову, появилась какая-то модная молодая опереточная примадонна, снискавшая кучу поклонников, начались автомобильные поездки к заставному домику, открылся новоявленный ресторан в особняке высланного немца пивовара Яника.

Все распустилось, и стало видно всякому, что машина начинает давать перебои.

Приехали великие князья, которых раньше не было, а если и были, то незаметно работали в штабе. Теперь на улицах Могилева то и дело можно было видеть Царицу, наследника, князей: Дмитрия Павловича, Бориса Владимировича и других лиц Царского Дома и свиты.

Место Ставки – Могилев приобрел вид резиденции царской семьи, и война отходила на второй план, забывалась» [3, с. 122].

Местный театр ежедневно заполнялся до отказа служивым людом. В театре была смонтирована киноустановка, и Николай II в близком ему окружении смотрел там военную кинохронику. Часто в кинематографе по вечерам можно было видеть высших офицеров Ставки.

«2 [ноября 1915 г.], понедельник, – пишет в своем дневнике военный корреспондент М. К. Лемке. – Сегодня в городском театре в при-

сутствии царя и наследника был один из многих сеансов кинематографа Скобелевского комитета. Ставились два комических номера и затем военные: кое-что из жизни Северного фронта, парады царя в Могилеве и наша группа с ним. Были великие князья Дмитрий Павлович, Георгий Михайлович и Борис Владимирович. Царь с наследником сидел в средней, губернской ложе, великие князья, Фредерикс, Воейков и другие – в ложах по сторонам; некоторые свитские были в партере. Алексеев был вдали, в стороне от свиты, но в том же ярусе, где ложа царя; с ним Пустовойтенко. Смешно смотреть, как Фредерикс, стоя за перегородкой, отделявшей его от царской ложи, все время заглядывал за нее и в ту ложу, где был Воейков. Как он стар и уродлив в своей примаженной молоджавости. Здесь же лейб-медик Федоров. У наследника есть гувернер-француз, который снят в фильме, изображающем домашнюю прогулку мальчика, вообще же его никогда не видно. Наследник шалит в саду, но как-то мертво, неживо. Наша группа хороша. Странно как-то видеть себя на экране. В антрактах мы все должны были вставать и становились лицом к царю, не получая приказа садиться до новой ленты» [43, с. 260].

С принятием императором обязанностей Верховного главнокомандующего изменились структура Ставки и личный состав Штаба. К шести имеющимся при первом составе Штаба управлениям добавилось еще столько же: управления артиллерийское, инженерное, воздухоплавательное, интендантское, походного атамана казачьих войск, протопресвитера военного и морского духовенства.

Кроме того, были преобразованы морское управление и управление военных сообщений. Вместо первого был создан Морской генеральный штаб Верховного главнокомандующего, состоявший из двух флаг-капитанов (равнозначных генерал-квартирмейстерам). Один предназначался для Балтийского моря, другой – для Черного, из которых первый с чинами своего управления вскоре был переведен в состав штаба Северо-западного фронта. Вместо управления военных сообщений был создан Департамент железных дорог прифронтовой и тыловой полосы театра военных действий. В нем вместе с офицерами военных сообщений призваны были сотрудничать многочисленные инженеры путей сообщений. При этом у начальника этого нового обширного департамента имелось два помощника: один – генерал Генерального штаба, другой – инженер путей сообщения на правах товарища (заместителя) министра.

Значительно были расширены и остальные управления, особенно управление генерал-квартирмейстера, состав которого вырос втрое, причем была введена должность второго генерал-квартирмейстера.

Преобразованный таким образом Штаб Верховного главнокомандующего в составе 12-ти управлений, вместо бывших шести, насчитывал более 200 офицерских и гражданских чинов, то есть в три раза больше, чем при великом князе Николае Николаевиче [98, с. 421–422].

Бывшие при великом князе единоличные представители английских и французских Вооруженных Сил были преобразованы в военные миссии в составе нескольких членов, позднее к ним присоединились военные миссии Италии, Японии, Сербии, а впоследствии – Румынии и Бельгии. В составе военных миссий при Ставке Николая II являлись:

французской – генерал маркиз де Лягиш (до войны бывший в течение трех лет военным агентом Франции в России) с помощником капитаном Бюксненшитцем;

британской – генерал Хендри-Вильямс (бывший командир одной из индийских дивизий, впоследствии прикомандированный к штабу лорда Китченера) с помощником полковником Робертсоном;

итальянской – полковник Марсенго (до войны занимавший пост военного агента в Испании);

бельгийской – генерал барон де Риккель (бывший начальник генерального штаба бельгийской армии);

сербской – полковник Лонткиевич (бывший военный агент во Франции);

японской – генерал Накасима.

В качестве представителей английского военного флота были представлены адмирал Филлимор с помощником лейтенантом флота Парсонсом.

При Ставке также находился и военный представитель Черногории.

Позднее В. Н. Воейков вспоминал: «Во время войны значительно увеличилось число официальных и неофициальных агентов стран Антанты. Все они, при благосклонном содействии наших общественных деятелей, проявляли большую любознательность к распоряжениям по снабжению армии, вели счет приготовленным на наших заводах снарядам. А прибывшая в половине января в Петроград комиссия союзников даже не постеснялась доложить Его Величеству следующие требования: введение в состав штаба Верховного главнокомандующего, с правом решающего голоса, представителей союзных армий (английской, французской и итальянской); реформа правительства в смысле привлечения к власти членов Государственной думы и общественных деятелей, а также целый ряд других требований приблизительно такого же характера.

Государь ответил, что представителей союзных армий с правом решающего голоса он допустить в свою армию не желает, так как его армия сражается не хуже союзных. Своих представителей с правом решающего голоса в союзные армии назначать не предлагает. Что же касается требований относительно реформы правительства и других, то это есть акт внутреннего управления, союзников не касающийся» [17, с. 154].

После отставки великого князя Николая Николаевича весь личный состав его Штаба, за исключением человек десяти, был заменен. Почти все смещенные офицеры были назначены на фронт.

Из всех шести начальников управления Штаба остался на своем месте один лишь дежурный генерал П. К. Кондзеровский. В числе немногих оставшихся на своем месте были и оба помощника нового начальника военных сообщений генерал Н. М. Тихменев и инженер путей сообщений Э. П. Шуберский.

Начальником вновь образованного Морского генерального штаба Верховного главнокомандующего был назначен адмирал А. И. Русин, сохранив при назначении на этот пост за собой и должность товарища морского министра. Ближайшим его помощником также стал офицер прошлого состава Ставки – капитан первого ранга А. Д. Бубнов, назначенный на должность флаг-капитана Штаба. На него была возложена обязанность по составлению докладов, планов и оперативных предложений, а также разработка штатов новых боевых формирований.

Остался в Штабе Ставки, но теперь уже во главе нового, можно сказать, духовного управления, протопресвитер Российской армии и флота Георгий Шавельский, фигура, почитаемая как в православном мире, так и в гражданском.

Георгий Иванович Шавельский родился 6 января 1871 г. в небольшом селе Дубокрай Витебской губернии (ныне Невельский р-н Псковской обл.) в бедной семье дьякона. После окончания Витебского духовного училища и семинарии в августе 1891 г. назначается псаломщиком беднейшего прихода Витебской губернии. 19 марта 1895 г. принимает священство и назначается настоятелем храма в селе Бедрицы Лепельского уезда той же губернии. С 24 ноября 1895 г. – священник Успенской церкви села Азарково Городокского уезда.

16 апреля 1897 г. семью Шавельского постигло большое горе: умирает его жена. Отец Георгий остается с двухлетней дочкой на руках. Мужественно приняв эту трагедию, он с еще большей энергией предается священническому служению.

На его деятельность обращает внимание Витебский епископ Александр (Заккис) и рекомендует продолжать богословское образование в Санкт-Петербургской духовной академии. Уже через год отец Георгий блестяще выдерживает вступительный экзамен и с первых месяцев обучения в академии выдвигается в число лучших студентов – за добросовестное отношение к богослужению его назначают благочинным академического духовенства, а также направляют проповедником на огромный Александровский машиностроительный завод. В 1900 г. Георгий Шавельский – настоятель Суворовской Кончанской церкви при Академии Генерального штаба. Назначение на эту должность было не случайным, так как сюда требовался не только глубоко верующий человек, знаток церковных служб, но и разносторонне образованный, способный завоевать авторитет среди титулованных профессоров и слушателей академии. Следует дополнить, что помимо блестящего окончания духовной академии он экстерном сдал экзамен за полный курс историко-философского факультета Петербургского университета. Самостоятельно изучил пять иностранных языков.

В 1904 г. разразилась Русско-японская война, и отец Георгий уходит добровольцем на фронт, в действующую армию. Там он получает место полкового священника, затем становится дивизионным благочинным. Нередко с риском для жизни Георгий Шавельский бывал на передовой, где любая шальная пуля могла оказаться последней, в итоге – ранение и тяжелая контузия. Однако после выздоровления он не задерживается в госпитале и возвращается к месту служения царю и Отечеству.

Во время одного из кровопролитных боев полк, в котором нес служение отец Георгий, оказался в окружении. К тому времени все офицеры полка были убиты или тяжело ранены. Осознав ответственность положения, он с крестом в руках повел полк в атаку. Воодушевленные личным примером священника солдаты пошли за ним и с неожиданным для врага пафосом прорвали цепь окружения. За этот геройский поступок он был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Одновременно отец Георгий проводит службу в церкви 3-й Восточно-Сибирской пехотной дивизии, становится главным священником 1-й Маньчжурской армии. В это время ему не раз приходилось находиться на поле боя, где проявлял завидную выдержку и личную храбрость. В апреле 1911 г. высочайшим повелением Георгий Шавельский был назначен протопресвитером Русской армии и флота.

Высокое положение, выдвинувшее Георгия Шавельского в первые ряды русской духовной иерархии, было не только почетным, но и многотрудным. Ему предстояло произвести реформу и преобразования в работе военного духовенства, которое продолжало жить по старым традициям. С этой целью он совершает поездки по всем военным формированиям Российской армии, посещает храмы, беседует с офицерами и солдатами, полковыми священниками и к концу 1914 г. имеет полное представление о положении дел на фронтах Первой мировой войны и духовных нуждах армии³.

Структура духовного ведомства на театре военных действий была представлена следующим образом: протопресвитер, его ближайшие помощники; главные священники, их помощники; штабные священники; дивизионные, госпитальные, благочинные и гарнизонные священники. В конце 1916 г. были учреждены должности главных священников Балтийского и Черноморского флотов. Кроме того, в войсках были учреждены особые должности армейских духовных проповедников, по одному на каждую армию, на которых была возложена обязанность непрерывно объезжать, проповедуя, воинские части своей армии. Всего в подчинении протопресвитера Георгия Шавельского находилось 5 тыс. священнослужителей. Их деятельность на театре военных действий заключалась в совершении молебнов, панихид, литургий, напутствии больных и умирающих, погребении и иных обязанностях. Так, строевому священнику вменялось в обязанность: помогать врачам в перевязке раненых, заведовать выносом с боевого поля убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, извещать, по возможности обстоятельнее, родственников убитых, организовывать в своих частях общества помощи семьям убитых и увечных воинов, развивать походные библиотеки. Госпитальному священнику вменялось в обязанность: как можно чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать, утешать, писать письма от больных на родину, об умерших извещать их родственников, погребать покойников с возможно торжественностью, заботиться о кладбищах, обязательно устраивать библиотеки. Полковому и бригадно-артиллерийскому священникам было указано, что их место во время боя – передовой перевязочный пункт, среди раненых, а ни в коем случае не тыл. Но и к этому пункту священник не должен быть привязан: он должен был пойти и вперед – в окопы и даже за окопы, если того потребует дело⁴.

Вновь сформированный состав Штаба Верховного главнокомандующего во главе с его начальником генералом Алексеевым внес в жизнь Ставки совсем иную атмосферу и идеологию. Поскольку роль нового начальника Штаба генерала Алексеева была совсем иная, чем роль его предшественника генерала Янушкевича, ибо фактически на него, генерала Алексеева, а не на императора Николая II возлагалось исполнение функций верховного командования в тяжелую для армии пору – ее отступления на всем фронте.

Генерал Алексеев, по воспоминаниям современников, был, бесспорно, лучшим знатоком военного дела и службы Генерального штаба по оперативному руководству высшими войсковыми соединениями, что на деле и доказал в бытность свою на посту начальника штаба Юго-Западного фронта, а затем на посту главнокомандующего Северо-Западным и Западным фронтами. Обладая совершенно исключительной трудоспособностью, он входил во все детали верховного командования и, нередко собственноручно, составлял во всех подробностях длиннейшие директивы и инструкции.

Однако он не обладал даром и широтой взглядов полководцев, вписавших свое имя в историю, и, к сожалению, как и большинство офицеров Генерального штаба, находился в плену узких военных доктрин, затемнявших его кругозор и ограничивавших свободу его военного творчества.

По своей политической идеологии он принадлежал к либерально настроенной, честной и любящей свою Родину части русского общества, а по своему происхождению стоял ближе к интеллигентному пролетариату, нежели к правящей дворянской бюрократии.

Замкнутый по своему характеру и ведя спартанский образ жизни, он был совершенно чужим человеком в придворных сферах, которых не почитал и держался от них вдалеке, не ища ни почестей, ни отличий.

Алексеев был глубоко религиозен, он всегда истово крестился перед едой и после нее. Аккуратно по субботам и накануне больших праздников ходил к вечерне. Глубокая и простая вера утешала его в самые тяжелые минуты серьезного служения Родине.

Он был неприхотлив и обходился тем, что было. Если ему подавали за столом что-нибудь плохое, он говорил, что плохо, но ел. В мелочной повседневной жизни он нуждался в опеке, которая всегда и была на обязанности жены, очень симпатичной, простой, деятельной и моложавой, как отмечали современники.

Единственный их сын, Николай Михайлович, корнет Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, все время находился в строю. Этот вопрос был тоже разрешен по-алексеевски: он не хотел, чтобы его сын подавал пример «устройства» при безопасных штабах, и тот относился к этому с пониманием.

Алексеев понимал, что при царе как главнокомандующем он не может рисковать, так как неудача задуманного им риска сделает ответственным за него самого царя. Вместе с тем он хорошо знал двор и ясно видел, что царь окружен людьми, совершенно лишенными здравого смысла и чести, но зато преисполненными планами устройства личной своей судьбы. Алексеев помнил свою карьеру и был убежден, что, если к весне 1916 г. дела на фронтах поправятся, его удалят, чтобы дать закончить войну людям из «своих». Все это характерно было для России, где высокие посты в тяжелые моменты народной жизни занимали люди не из дворцовых сфер, а после, став ненужными, они как бы вычеркивались из списка больших людей, не имея поддержки в верхах, с которыми не связаны воспитанием и прошлым. А поскольку Алексеев ничего не добивается, то и служит по совести, пока нужен.

Чтобы иметь возможность лично вести оперативную работу и быть в постоянной связи с фронтами, генерал Алексеев жил в самом управлении генерал-квартирмейстера, где занимал маленькую, более чем скудно обставленную комнату. Кроме него в этом доме жили генерал-квартирмейстер М. С. Пустовойтенко, заменивший на этом посту Данилова, и несколько полковников Генерального штаба, ведающих различными делопроизводствами управления.

При генерале Алексееве неотлучно состоял и всюду его сопровождал близкий его приятель и советник генерал В. Е. Борисов. Он также жил в управлении генерал-квартирмейстера, и генерал Алексеев советовался с ним по всем оперативным вопросам, считаясь с его мнением. Генерал Борисов, товарищ Алексеева по Казанскому пехотному полку, участник Русско-японской войны, служил по Генеральному штабу. Алексеев ценил его как умного человека, имеющего серьезное стратегическое образование, выгасил его с началом войны из отставки в штаб Юго-Западного фронта, а затем в Ставку.

По воспоминаниям современников, весьма непривлекательная внешность этого человека усугублялась крайней неряшливостью, граничащей с неопрятностью. В высшей степени недоступный и даже грубый в обращении, он мнил себя военным гением и мыслителем вроде

знаменитого Клаузевица, что, однако, отнюдь не усматривается из его более чем посредственных писаний на военные темы. По своей политической идеологии он был радикал и даже революционер. В молодости примыкал к активным революционным кругам, едва не попался в руки жандармов, чем впоследствии всегда хвалился. Вследствие этого он в душе сохранил ненависть к представителям власти и нерасположение, чтобы не сказать более, к престолу, которое зашло так далеко, что он «по принципиальным соображениям» отказывался принимать приглашения к царскому столу, к каковому по очереди приглашались все чины Ставки. Однако при всем этом он любил военное дело и по силе своих способностей посвятил ему всю свою жизнь. Трудно сказать, что кроме этого могло столь тесно связывать с ним генерала Алексеева; разве что известная общность политической идеологии и одинаковое происхождение.

Следующими по близости к генералу Алексееву были: полковник Генерального штаба Носков и генерал-квартирмейстер Пустовойтенко.

Первый из них по своим взглядам во многом походил на генерала Борисова, а по внешности сильно смахивал на франтоватого «штабного писаря»⁵.

Второй из них играл при генерале Алексееве столь же бесцветную роль, какую играл генерал Янушкевич при великом князе Николае Николаевиче. Генерал Алексеев приблизил его к себе, вероятно, главным образом потому, что он не мешал ему вести оперативное руководство и был точным и лишенным всякой инициативы исполнителем его воли и указаний [8, с. 169–170].

До войны Пустовойтенко считался ординарным офицером Генерального штаба, ничто не выделяло его. Он пять лет командовал 182-м пехотным Гроховским полком, дислоцировавшимся в Рыбинске. Незадолго до войны, в начале 1914 г., Пустовойтенко был произведен в генерал-майоры с назначением на должность начальника штаба одного из сибирских корпусов. В это время (весна 1914 г. – *Авт.*) Янушкевич был назначен начальником Генерального штаба. Тесть Пустовойтенко Салтанов пользовался глубоким его уважением и сказал генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Данилову, что хотел бы видеть Пустовойтенко в Петербурге. Данилов исполнил это желание и назначил генерал-майора на полковничью должность 2-го обер-квартирмейстера. Пустовойтенко возвращался обратно. В это время была объявлена война. Предназначавшийся еще ранее на место генерал-квартирмейстера

штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Лукомский, женатый на дочери Сухомлинова, отказался от этого поста. Алексееву пришлось неожиданно выбирать новое лицо. К составленному им списку кандидатов Янушкевич рекомендовал прибавить Пустовойтенко. Кончилось тем, что, не зная его лично, Алексеев на нем остановился. Вот обстоятельства, которые способствовали такой быстрой карьере Пустовойтенко [43, с. 39–40].

Эти лица принимали непосредственное участие в жизни и работе генерала Алексеева, пользовались особым его доверием, неотлучно находились при нем и всегда его сопровождали во время кратких прогулок, которые он иногда совершал в парке, прилегающем к дому Могилевского губернатора.

В большем или меньшем соответствии со взглядами генерала Алексеева и его окружения был сделан подбор новых офицеров Штаба.

По свидетельствам очевидцев, вступив в должность начальника Штаба, Алексеев всецело отдался работе. В частности, военный корреспондент Лемке, служивший в Ставке и ежедневно многие месяцы наблюдавший за Алексеевым, пишет в своем дневнике следующее: «Быстро он ест, еще быстрее, если можно так выразиться, спит и затем всегда спешит в свой незатейливый кабинет, где, уже не торопясь, с полным поражающим всех вниманием слушает доклады или сам работает для доклада. Никакие мелочи не в состоянии отвлечь его от главной нити дела. Он хорошо понимает и по опыту знает, что армии ждут от штаба не только регистрации событий настоящего дня, но и возможно направления событий для завтрашнего дня. Удивительная память, ясность и простота мысли обращают на него внимание. Таков же его язык: простой, выпуклый и вполне определенный – определенный иногда до того, что он не всем нравится, но Алексеев знает, что вынужден к нему долгом службы, а карьеры, которая требует моральных и служебных компромиссов, он никогда не делал, мало думает о ней и теперь. Дума его одна – всем сердцем и умом помочь родине.

Если, идя по помещению штаба, вы встретите седого генерала, быстро и озабоченно проходящего мимо, но уже узнавшего в вас своего подчиненного и потому приветливо, как-то особенно сердечно, но не приторно улыбающегося вам, – это Алексеев.

Если вы видите генерала, внимательно, вдумчиво и до конца, спокойно выслушивающего мнение офицера, – это Алексеев.

Если вы видите перед собой строгого, начальственно оглядывающего вас генерала, на лице которого написано все величие его служебного положения, – вы не перед Алексеевым» [43, с. 186].

В Штабе был введен следующий порядок: служба начиналась в 10 часов утра, в 13.15 – завтрак, в 19.15 – обед, которые проходили в большом зале кафешантана гостиницы «Бристоль». В гостинице проживали чины миссий дружественных России держав.

Весь Штаб завтракал и обедал в две смены: первая – в 12 ч. дня и 6 ч. вечера, вторая – в 13 ч. 30 мин. дня и 7 ч. 30 мин. вечера. Вся генерал-квартирмейская часть – во второй смене, дежурство и прочие – в первой. Кто опаздывал к столу, опускал 10 коп. в благотворительную кружку, кто поздоровался в зале с кем-нибудь за руку – тоже 10 коп. Таковы были обычаи, заведенные еще со времени Николая Николаевича.

Придя, каждый занимал свое место, и все ожидали начальника Штаба, а если его нет, то Пустовойтенко или Кондзеровского. Когда садился старший, все садились. Когда кончают, встают вслед за старшим и дают ему выйти. Одевались офицеры после генералов и никогда вместе с начальником Штаба.

Кормили отлично и очень обильно. Каждый, кроме Алексеева, платил в месяц 30 руб. и 3 руб. на прислугу (солдаты). А Штаб приплачивал за каждого еще по 40–50 рублей. Алексеев платил за себя всю стоимость. За особую плату к столу подавали легкое вино, водки не было.

В собрании имелись два бильярда, которые всегда были заняты, и небольшая читальня с несколькими газетами, которая всегда была почти пустая.

Со сменой главного командования Русской армией были реорганизованы и фронты, теперь их стало три: Северный, Западный и Юго-Западный. Командовали ими соответственно генералы Н. В. Рuzский, А. Е. Эверт и Н. И. Иванов. И каково же было удивление и возмущение в военной среде, когда вскоре Рuzского на посту главнокомандующего Северным фронтом сменил А. Н. Куропаткин, считавшийся одним из виновников позорного поражения в Русско-японской войне. Однако связи при дворе значили в то время гораздо больше, чем мнение опытных, умелых и умных администраторов и военачальников.

По состоянию на 17 декабря 1915 г. под военным управлением Ставки находилось 13 армий со следующим командным составом:

1 армия – командующий Литвинов, 19 ноября 1914 г. принял армию от Ренненкампа; начальник штаба – Одишелидзе, генерал-квартирмейстер – Рачков;

II – Смирнов, 28 ноября 1914 г. принял армию от временного командующего Алиева, принявшего 19 ноября от Шейдеманова, которому армия была передана 21 августа от Самсонова; начальник штаба – Соковнин, генерал-квартирмейстер – Ставров;

III – Лещ, 7 мая 1915 г. принял армию от Радко-Дмитриева, принявшего 5 сентября от Рузского; начальник штаба – Бантов, генерал-квартирмейстер – Посохов;

IV – Рогоза, 19 августа 1915 г. принял армию от Эверта, принявшего 13 августа 1914 г. от барона Зальца; начальник штаба – Юнаков, генерал-квартирмейстер – Стаев;

V – Гурко, принял армию от Плеве, командующего с начала войны с перерывом с 9 января по 28 мая 1915 г., когда временно командовал Чурин; начальник штаба – Миллер, генерал-квартирмейстер – Стаев;

VI – Чурин, в августе 1915 г. принял армию от фон дер Флита; начальник штаба – Сиверс, генерал-квартирмейстер – Баженов;

VII – Щербачев; начальник штаба – Головин, генерал-квартирмейстер – Романовский;

VIII – Брусиллов; начальник штаба – Сухомлин, генерал-квартирмейстер – Стогов;

IX – Лечицкий; начальник штаба – Сников;

X – Радкевич, до этого командир – Сиверс, принявший армию 28 ноября 1914 г. от Флута; начальник штаба – Попов, генерал-квартирмейстер – Шокоров;

XI – Сахаров, принял армию от Селиванова; начальник штаба – Шишкевич, генерал-квартирмейстер – Пневский;

XII – Горбатовский, 17 августа 1915 г. принял армию от Чуринова, принявшего 27 мая от Плеве, получившего 9 января 1915 г.

В ночь с 20 на 21 июня 1915 г. была образована XIII армия, данная Горбатовскому, но 16 августа 1915 г. упразднена; начальник штаба – Беляев, генерал-квартирмейстер – Соковнин;

Кавказская – Юденич; начальник штаба Болховитин, генерал-квартирмейстер – Томилов.

Согласно сводкам сведений о противнике, поступающим в Ставку из фронтов, русским армиям в обозначенный выше период противостояли:

Северный фронт. Против него была расположена немецкая армия фон Белова в составе 149–171 бат. и 95 эскадронов, из коих около 53–57 бат. и 23 эск. стоят от Рижского залива до п. Сетнен и около 96–114 бат.

и 72 эск. – от п. Сетнен до оз. Дрисвяты; штаб фон Белова в Шавли, причем ближе к озеру расположены дивизии Бекмана и Ценгера.

Западный фронт. От оз. Дрисвяты до оз. Нарочь стояла X германская армия (72 бат. и 71 эск.); от оз. Нарочь до Вселюба – VIII германская армия (126–147 бат.); от Вселюба до оз. Выгоновского – IX германская армия (116–117 бат. и 24 эск.); от оз. Выгоновского до Любашева – армейская группа Гейдельброка (31 бат. и 24 эск.); от Любашева до железной дороги Ковель–Сарны – части IV австрийской армии Пухало (17–24 бат. и 72 эск.).

Юго-Западный фронт. От железной дороги Ковель–Сарны до Н. Почаева – 190–200 бат., от Н. Почаева до Подгайца – 115 бат., от Подгайца до Черновиц – 125–130 бат. и 80 эск.; между всеми этими австрийскими войсками кое-где вкраплены были германские части.

Высшее командование немецкими армиями распределялось так: от Рижского залива до Вселюба – фронт Гиндербурга, от Вселюба до Любашева – фронт принца Леопольда Баварского, от Любашева до Черновиц – фронт Линзингена [43, с. 233, 387–388].

Новым составом высшего военного командования принимались меры к совершенствованию защиты военных секретов, которая в реальности желала быть лучшей. Надзор в Ставке везде и за всеми осуществлялся при помощи полиции: дворцовой, жандармской, общей, тайной и явной, полевые жандармы при вешалке и входных дверях управления и при кабинете Алексеева.

«Сегодня я наконец узнал, – пишет в своем дневнике М. К. Лемке, – что все циркулирующие в армии и обществе рассказы об особой “секретной” комнате со специальными грандиозными картами, у которых сидят руководители штаба Верховного, а младшие чины в течение целого дня приходят и вставляют новые флажки и вынимают старые, – просто басня. Дело обстоит гораздо проще. Офицеры генерального штаба, ведающие регистрацией хода военных действий на наших отдельных фронтах, по мере значительности перемен отмечают их с помощью топографов и чертежников на прежней карте и ежедневно утром, докладывая генерал-квартирмейстеру о происходящем за сутки по полученным штабом телеграммам из фронтов и армий, представляют ему эти карты. Затем они остаются в той же комнате; генерал-квартирмейстер докладывает о том же самом начальнику штаба (если он того пожелает), а последний – царю. В кабинете государя карты висят до конца доклада, а потом, по его уходе, снимаются и поступают в соответствующее производство,

где и хранятся. Эти карты могут видеть все офицеры нашего управления, и никакой особой тайной они не ограждаются. У начальника штаба, генерал-квартирмейстера и генерала Борисова тоже лежат десятиверстовые карты района всего нашего фронта, по которым они и справляются, читая оперативные телеграммы. Изредка на доклады представляются двухверстовые карты, когда возбуждает интерес детальное изучение какой-нибудь сложной, но непродолжительной операции» [43, с. 47–48].

Данное откровение военного корреспондента Ставки наводит на мысль о том, что высшее военное руководство первоначально недооценивало всю важность своевременной организации надежной системы защиты собственных секретов. Только через полтора года с начала войны было принято решение о формировании при Штабе Ставки Верховного главнокомандующего соответствующего контрразведывательного подразделения. И, несмотря на очевидный прогресс – создание Контрразведывательного отделения Штаба Ставки во главе с подполковником Озеровским [55, с. 45–46], по сути, все же не решало проблемы противодействия утечке секретной информации противнику, поскольку централизованного руководства всеми субъектами системы контршпионажа в действующей армии так и не было создано. При таком подходе одержать победу в тайной войне весьма сложно.

Наступившее на фронтах затишье русские войска, растянувшиеся от Румынии до Балтики, использовали для укрепления позиционной обороны. Оборудовали 2–3 укрепленных полосы, каждая из 3–4 траншей полного профиля с пулеметными гнездами, блиндажами, проволочными заграждениями. Первую линию обороны занимали окопы передовых рот, здесь никакой техники и никаких резервов не сосредотачивалось, поскольку они были уязвимы для артиллерии противника. Во второй линии окопов, отстоявшей от первой на 200–300 метров, располагались батальонные резервы, в третьей, на расстоянии от 400 метров до километра, – полковые резервы. Участок, который по фронту занимала рота, составлял 250–400 метров, батальон – 1300 метров, полк – 2–3 километра, дивизия – около 8 километров [4, с. 193–194].

Противник тоже укреплялся. Для него 1916 г. должен был стать годом пассивной обороны, поскольку основные усилия вновь направлялись против Франции. Главный удар предполагалось нанести в районе Вердена, имевшего важное стратегическое значение. Одновременно планировались активные действия на Итальянском театре военных действий силами австро-венгерских войск.

Русское же командование, согласно общим планам блока Антанты, планировало летом наступления на Северном, Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. Реализация предстоящих планов требовала напряженной и плодотворной работы всех командных звеньев Русской армии, и в первую очередь ее руководящего органа – Ставки Верховного главнокомандующего, а вернее, ее Штаба, который с первых дней преобразования приступил к активной деятельности. Проводится энергичная, продуманная работа по восстановлению Вооруженных Сил после пережитых неудач и потрясений лета 1915 г. Понесшие потери в боях части полностью укомплектовываются, создаются новые формирования за счет наборов новобранцев и ополченцев старших возрастов, улучшается организация запасных войск. В результате численность действующей армии быстро растет. К 1 февраля 1916 г. она уже достигала 6 200 000 человек, к 1 апреля того же года – 6 300 000, к 1 июля 1916 г. – 6 800 000 человек⁶. Вместе с тем следует отметить, что из этой более чем 6-миллионной армии, находившейся на военном довольствии, на начало 1916 г. на фронтах находилось лишь 2 млн, остальные скопились в запасных частях и на тыловых работах или находились в госпиталях и отпусках.

К началу 1916 г. Россия вышла из кризиса обеспечения армии и вооружением. Производство снарядов выросло в 20 раз, орудий – в 10, винтовок – в 11 раз. Если в январе 1915 г. российской промышленностью было выпущено 385 тыс. снарядов, то в декабре этого же года – 1 млн 650 тыс.⁷. Оружейные заводы довели производство винтовок до 70 тыс. в месяц, еще 850 тыс. купили за рубежом. Однако винтовки поступали лишь в войска, сражающиеся на фронтах. Кроме того, фронтовые части полностью были обеспечены обувью и обмундированием, имели самый лучший из воюющих стран фронтовой паек [14, с. 51].

В результате кропотливой работы к началу 1916 г. Алексееву удалось упорядочить боевое управление войсками и подготовить наступление трех фронтов.

По воспоминаниям современников, в большинстве своем в разработке военных операций Николай II не участвовал, поскольку в военной стратегии силен не был, все управление армией отдал на откуп своим генералам. Фактически командование армией было сосредоточено в руках начальника Штаба Ставки генерала Алексеева. Император хотя и получал ежедневные доклады о положении на фронтах, однако крайне редко вмешивался в решения своего начальника Штаба. Поэтому судить

о стратегических решениях или просчетах государя относительно тех или иных военных операций можно достаточно условно. Но, как свидетельствует ход исторических событий, решение Николая II сосредоточить в собственных руках управление армией было его роковой ошибкой. Можно, конечно, и не согласиться с этой оценкой, но несомненно, что персоне Николая II, его влияние на общество сильно упало, когда с его именем как Верховного главнокомандующего стали связывать не только все неурядицы в тылу, но и поражения на фронте.

Если царь в общем-то особо и не мешал Алексееву в разработке стратегической стороны войны, то относительно внутренней организации армии и личного состава он имел свои определенные мнения, симпатии и антипатии и сплошь и рядом решительно напоминал, что назначениями хочет ведать сам. Но все-таки начальнику Штаба порой удавалось отстаивать свои позиции. Много он докладывал царю как об уже свершившемся факте и поневоле получал одобрение – иногда с гримасой, иногда без нее.

Адмирал А. Д. Бубнов так характеризовал монарха: «Император Николай II был по своему нравственному облику из тех, кого в общезнании называют хорошим и скромным человеком.

По природе своей деликатный, он был приветлив и благосклонен в обращении с людьми, особенно со своими приближенными и со всеми, в ком не чувствовал резко оппозиционного настроения или стремления воздействовать на его слабую волю. Никто никогда не слышал от него грубого или обидного слова...

...Государь не был подвержен никаким страстям и излишествам. Стол у него был совсем простой, и мы в Ставке никогда не видели, чтобы он выпивал больше одной рюмки водки и иногда за едой еще одной рюмки вина. Из игр любил лишь домино и триктрак, в карты не играл.

Он был истинно верующим и глубоко религиозным человеком, склонным к мистицизму и фатализму под влиянием несчастий, преследовавших его с самого начала царствования, что и отразилось в его застенном печалью взоре. Вера была единственной его твердой опорой в несении непосильного бремени правления, свалившегося на его слабые плечи.

Подобно своему отцу императору Александру III, он был совершенно чужд каких-либо стремлений к роскоши и театральности и, подобно ему, вел в кругу семьи простой образ жизни, не ища при безупречной своей нравственности каких-либо для себя развлечений и удовольствий...

Император Николай II, при своих высоких нравственных качествах, не обладал, к сожалению, свойствами, необходимыми, чтобы править государством. Ему, прежде всего, не доставало твердости воли и решительности – этих основных свойств настоящего правителя и вождя» [8, с. 90–91].

Рабочий день Верховного главнокомандующего в Ставке выглядел следующим образом. Он вставал в 9-м часу и после туалета и утренней молитвы выходил в столовую к чаю. После утреннего чая облаченный в полковничью форму Николай II с генералом Алексеевым – начальником Штаба и генералом-квартирмейстером Пустовойтенко разбирал донесения с фронтов и выслушивал доклады. При этом присутствовал и дежурный штаб-офицер. После окончания этой части государь оставался наедине с генералом Алексеевым, и они обсуждали и решали вопросы, касавшиеся армии. Государь возвращался к себе после 12 часов.

Собственно говоря, этим часовым докладом и ограничивалась работа государя как Верховного главнокомандующего. Об участии его в черновой работе, конечно, не было и речи. Она исполнялась начальником Штаба с участием или без участия его помощников, Главнокомандующему подносились готовые выводы и решения, которые он волен был принять или отвергнуть.

На доклад начальника Штаба царь ходил в сопровождении дворцового коменданта, дежурного флигель-адъютанта и казака конвоя. Когда он выходил от себя, оттуда звонили в Штаб. Дежурный штаб-офицер встречал царя снаружи у подъезда, рапортовал и провожал наверх. Алексеев и Пустовойтенко при оружии встречали его на верхней площадке. Кстати, по воспоминаниям современников, великий князь Николай Николаевич, Янушкевич и Данилов встречали царя у подъезда. Когда царь шел из своего дома в Штаб, уж никто не попадался ему навстречу – не принято было.

В 12.30 царь завтракал с приглашенными лицами. Кормили в Ставке хорошо и сытно. Обеды были бесплатными, но за вино необходимо было доплачивать из своего армейского жалования. Только начальник штаба генерал Алексеев в силу личных качеств и соображений держался обособленно, имел привычку платить за себя сам. Царское меню, бесспорно, не солдатская каша в котелке, но излишествами не отличалось: суп с потрохами, ростбиф, пончики с шоколадным соусом, фрукты, конфеты. Вся посуда была серебряной, но позолоченной изнутри, никакого хрусталя и фарфора. Ставка жила в походных условиях, в постоянном

ожидании фронтовых новостей. Не случайно лакеи, прислуживающие за обедами и завтраками, были одеты в солдатскую защитную форму.

Некоторые штрихи могилевского быта царя отражены в романе С. Н. Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв»: «Перед каждым завтракавшим, – пишет он, – стояли серебряные стопки для вин, причем вина были в серебряных же кувшинах, – однако этим и ограничивалась вся роскошь царского стола в ставку: на войне как на войне» [77, с. 62].

На высочайших завтраках и обедах всегда присутствовало более 20 человек. Обязательно приглашались к высочайшему столу: великие князья, свита, иностранные военные агенты, генерал Иванов и протопресвитер Георгий Шавельский. На завтраках, кроме того, всегда присутствовал Могилевский губернатор (до февраля 1916 г. губернатором был А. И. Пильц, а после него – Д. Г. Явленский). Генерал Алексеев просил государя освободить его от обязательного присутствия за царским столом ввиду недостатка времени и разрешить ему лишь два раза в неделю являться к высочайшему завтраку. Государь уважил просьбу, но сказал, что его место за столом всегда будет свободно и он может занимать его всякий раз, когда найдет возможным. После этого генерал Алексеев являлся к высочайшим завтракам по вторникам и воскресеньям, а в остальные дни питался в штабной столовой, где как хозяин он чувствовал себя свободно и по собственному усмотрению мог распоряжаться временем.

Прочие чины Ставки (военные – все, гражданские – до известного класса) приглашались к высочайшему столу по очереди. Исключение составляли чины дипломатической и гражданской части канцелярии Ставки. Без различия чинов они все приглашались по очереди к высочайшему столу. Прибывавшие в Ставку министры, генералы и другие чины также удостоивались приглашения: первые – всегда, вторые – в зависимости от занимаемых ими должностей или связей с двором.

«Хотя гофмаршал сразу же объявил мне, – пишет в своих воспоминаниях протопресвитер Георгий Шавельский, – что Государь повелел всегда приглашать меня к столу, тем не менее перед каждым завтраком и обедом ко мне являлся скороход высочайшего двора Климов с сообщением: “Его величество просит вас пожаловать к завтраку” или “к обеду”. Так же было и со всеми прочими.

Минут за десять до начала завтрака или обеда начинали собираться в зале приглашенные к столу, причем в ожидании Государя выстраи-

вались вдоль правой стороны, выходящей на улицу, по старшинству: старшие ближе к дверям, ведущим из зала в кабинет Государя. Министр двора и свита становились слева от дверей. Я избрал себе место в уголку, около рояля, с левой стороны от входных дверей, и никогда его не менял.

В 12.30 ч. дня на завтраках и в 7.30 на обедах, иногда с опозданием на 3–5 минут, раскрывались двери кабинета, и выходил Государь. Почти всегда он, выходя, правой рукой разглаживал усы, а левую расправлял сзади свою рубашку-гимнастерку. Начинался обход приглашенных. Государь каждому подавал руку, крепко пожимая ее. (...) Лично неизвестные Государю, когда он подходил к ним, прежде всего рекомендовались: “Имею счастье представиться вашему императорскому величеству, такой-то”, причем называли свою фамилию, чин, должность. Только после этого Государь протягивал новичку руку.

Обойдя приглашенных, Государь направлялся в столовую и шел прямо к закусочному столу. За ним входили великие князья и прочие приглашенные. Государь наливал себе и иногда старейшему из князей рюмку водки, выпивал ее и, закусивши чем-нибудь, обращался к своим гостям: “Не угодно ли закусить?” После этого все приближались к столу, уставленному разными холодными и горячими, рыбными и мясными закусками. Каждый брал себе на тарелку, что ему нравилось, – пьющие выпивали при этом водки, – и отходили в сторону, чтобы дать место другим. Государь, стоя с правой стороны стола, около окна, продолжал закусывать. Иногда он выпивал вторую рюмку водки. Гофмаршал же во время закуски обходил приглашенных и каждому указывал на карточке место, какое он должен занять за столом.

...Государь направлялся к большому, занимавшему средину столовой, столу и, осенив себя крестным знаменем, садился на свое место в центре стола, спиной к внутренней стенке и лицом к выходящим во двор окнам, из которых открывался красивый вид на Заднепровье. Против Государя, на другой стороне стола, всегда сидел министр двора или, если его не было в Ставке, гофмаршал; справа от Государя – генерал Алексеев, старший из князей, если Алексеева не было, или министр; слева – Наследник, а когда его не было, второй по старшинству из приглашенных. По правую и левую руку министра двора садились французский и английский военные агенты. При распределении остальных соблюдался принцип старшинства, малейшее нарушение которого иногда вызывало огорчения и обиды. (...)

В общем же, на той правой стороне, где сидел Государь, помещались лица, постоянно приглашавшиеся к столу, а на другой, против Государя, иностранцы и временные гости.

Завтрак обыкновенно состоял из трех блюд и кофе, обед – из четырех блюд (суп, рыба, мясо, сладкое), фруктов и кофе. За завтраками подавались мадера и красное крымское вино, за обедами – мадера, красное французское и белое удельное. Шампанское пили только в дни особых торжеств, причем подавалось исключительно русское “Абрау-Дюрсо”. У прибора Государя всегда стояла особая бутылка какого-то старого вина, которого он, насколько помнится, никому, кроме великого князя Николая Николаевича, не предлагал.

(...)

В конце завтрака, как и обеда, Государь обращался к гостям: “Не угодно ли закурить?” И сам первый закуривал папиросу, вставив ее в трубку (или в мундштук) в золотой оправе, которую всегда носил в боковом кармане гимнастерки.

Сидя за столом, Государь запросто беседовал с ближайшими своими соседями. Делились воспоминаниями, наблюдениями; реже затрагивались научные вопросы. Когда касались истории, археологии и литературы, Государь обнаруживал очень солидные познания в этих областях. Нельзя было назвать его профаном и в религиозной области. В истории церковной он был достаточно силен, как и в отношении разных установлений и обрядов церкви. (...)

(...)

В тесном кругу, за столом, Государь был чрезвычайно милым и интересным собеседником, а его непринужденность и простота могли очаровать кого угодно. С ним можно было говорить решительно обо всем, говорить просто, не подбирая фраз, не считаясь с этикетом. (...)

(...)

После кофе Государь вставал из-за стола, осеняя себя крестным знамением, и направлялся в зал. (...) Вслед за Государем направлялись и все трапезовавшие. Не переставая курить, Государь обходил гостей, беседа то с одним, то с другим. Если тут были “новые”, т. е. приезжие, то им уделялось особое внимание. Они преимущественно удостаивались царской беседы. Во время разговора с гостем Государь часто почесывал левую руку около плеча или ногу и очень любил поддакивать, когда разговор был угоден ему: “ну, конечно!”, или: “именно так!”, “ну, само собою понятно!”

(...) Государь не касался в беседе ни отвлеченных, ни даже государственных вопросов, – все свое внимание он сосредотачивал на личности того, с кем он говорил, выказывая живой интерес к его службе, к его здоровью, к его семейному и даже материальному положению и т. п.

(...)

После завтрака Государь обычно принимал с докладом министра двора, а иногда и других министров, когда те приезжали в Ставку, а затем, около 3-х ч. дня, отправлялся на прогулку. Тут его сопровождали: генерал Воейков, князь Долгоруков, граф Граббе, профессор Федоров, Нарышкин и дежурный флигель-адъютант. Обыкновенно выезжали на автомобилях за город, а потом пешком делали чуть не до 10 верст.

Государь обладал удивительным здоровьем, огромной физической выносливостью, закаленностью и силой. Он любил много и быстро ходить. Лица свиты с большим трудом поспевали за ним, а старшие были не в силах сопровождать его. Государь не боялся простуды и никогда не кутался в теплую одежду. Я несколько раз видел его зимою при большой стуже прогуливающимся в одной рубашке, спокойно выстаивавшим с открытой головой молебствие на морозе и т. п.

Летом иногда прогулки совершались по Днепру в лодках. Тогда адмирал Нилов вступал в исполнение своих обязанностей, садясь у руля лодки с Государем, а последний бессменно сам работал веслами. Лица свиты сидели в другой лодке, где гребли матросы. И хотя лодка Государя шла по середине реки, и он один в ней работал веслами, а свитская лодка больше держалась берега, первая – никогда не отставала. И так пробирались верст семь вверх по Днепру.

От 5 до 6 ч. шел чай, после которого до обеда Государь принимал доклады министров, писал письма. В 7.30 ч. вечера начинался обед; после него часов до 9-ти веч. – беседа с обедавшими гостями. А затем Государь снова занимался делами. В 10 ч. вечера еще раз подавался чай, после которого, если не было спешных дел, происходили игры» [95, с. 345–351, 354–356].

Член Государственного совета В. И. Гурко позднее делился своими наблюдениями: «Исключительное самообладание давало царю силы проводить целые часы за неустанным чтением представляемых ему докладов и подробных записок. В этом тягостном и неинтересном для него занятии он полагал главное исполнение своего долга и не отступал от него. “Я никогда не позволю себе идти спать, – говорил он, – пока совсем не расчищу моего письменного стола”» [25, с. 28].

«Во все праздничные и воскресные дни и накануне их Государь посещал штабную церковь, – пишет в воспоминаниях протопресвитер Георгий Шавельский. – Пропуски в этом отношении были чрезвычайно редки и всегда вызывались какими-либо особыми причинами.

– Как-то тяжело бывает на душе, когда не сходишь в праздник в церковь, – не раз слышал я от Государя.

Должен заметить, что богослужebное дело в Ставке в это время было поставлено исключительно хорошо. Могилевский архиепископ отдал в наше распоряжение ближайшую к дворцу семинарскую церковь, бывший кафедральный собор, выстроенный в 18-м веке знаменитым архиепископом Георгием Конисским. Достаточно обширный, очень высокий, с бесподобным резонансом и акустикой, стильный и стройный, – храм не оставлял желать ничего лучшего. Наша ризница, благодаря щедрым пожертвованиям московских и петербургских купцов, представляла редкую художественную ценность. В конце 1916 г. она была богаче и разнообразнее ризницы царскосельского Государева Федоровского собора. Но лучшим украшением нашего храма был наш несравненный хор и чудный диакон Н. А. Сперанский. Хор состоял всего из 16 человек. Но всё это были отборные певцы из придворной капеллы и петербургских хоров, Митрополичьего и Казанского собора. Управлялся он двумя регентами Придворной капеллы – Носковым и Осиповым. По моему настоянию, они внесли в наш хор то, чего всегда недоставало капелле, – задушевность и одушевленность. Наш хор не только поражал свежего человека своею мощностью и музыкальностью, но и захватывал его особой проникновенностью, духовной теплотой и большой продуманностью исполнения.

(...)

Прекрасным дополнением к хору служил наш ставочный протодиакон Н. А. Сперанский, обращавший на себя общее внимание не только своим чудным, бесконечным по диапазону баритоном, но и осмысленностью служения. Когда он произносил на панихиде: “во блаженном успении вечный покой”, буквально замирала вся церковь.

(...)

В церкви для Государя и его семьи было приготовлено особое место на левом клиросе. Клирос был устлан ковром, вся стена перед клиросом была убрана разными иконами с лампадками перед ними. Совершенно закрытый от публики клирос представлял красивый и уютный уголок, располагающий к сосредоточению мыслей о Боге, к молитве и душевному покою.

Государь выслушивал богослужение всегда со вниманием, стоя прямо, не облакачиваясь и никогда не приседая на стул. Очень часто осенял себя крестным знамением, а во время пения “Тебе поем” и “Отче наш” на литургии, “Слава в вышних Богу” на всенощной становился на колени, иногда кладя истовые земные поклоны. Все это делалось просто, скромно, со смирением. Вообще, о религиозности Государя надо сказать, что она была искренней и прочной. Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют, не мудрствуя и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнений. Религия давала ему то, что он более всего искал, – успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды» [95, с. 356–360].

Как уже отмечалось выше, излюбленным местом прогулок Николая II были Днепр и перелески вдоль дорог, где он часами любовался природой и фотографировал пейзажи.

Из дневника Николая II. Август–сентябрь 1915 г.:

«День простоял ясный и теплый. В 10 час. у меня был Сандро, затем пошел к докладу. В 11 1/2 на площадке перед штабом построился Л.-Гв. Сводно-казачий полк в пешем строю. Наградил 40 казаков Георг. крестами и медалями. Полк в идеальном виде после годичного похода. После завтрака читал и около 3 ч. поехал по Бобруйскому шоссе к дер. Салтановке, где в 1812 г. был бой корп. Раевского с войсками Даву.

Прошел по большаку версты 3. Около 6 час. поехал ко всенощной и молебну.

Занимался после обеда и поиграл с Дмитрием в кости».

«Такая же великолепная погода. Сидел за докладом и разговором с Алексеевым до самого завтрака. Читал бумаги и в 2 1/2 отправился на ту сторону Днепра по Гомельскому шоссе, переправился через реку у Нового Быхова на пароме и старым большаком через гор. Быхов до Салтановки и оттуда знакомой дорогой на шоссе в Могилев, куда прибыл в 7.20 с темнотой. Сделал около 130 верст; прогулка вышла чудная. Вечером немного поиграл в домино».

«Такой же дивный день – 16° в тени. В 10 час. поехал к обедне и затем в штаб на доклад. Скоро после завтрака отправился по шоссе на Оршу и пешком на знакомый берег Днепра. Там я со спутниками сел на большой моторный катер “Крейсер № 2-й” и пошел вверх. Затем вернулся, и мы пересели в три шлюпки. Поплыли вниз к Могилеву, прибыли на пристань в 5 1/4, совершив замечательно приятную и красивую

прогулку по реке в такую чудную погоду. Читал до обеда. Вечером играл в кости».

«Утром появилось солнце и темп. поднялась до 7°. До завтрака сидел в штабе. После завтрака читал бумаги. В 2.45 поехал за город по Бобруйскому шоссе и вправо от него посетил вновь устроенное военное кладбище, на котором будут хоронить умерших от ран в эту войну. Затем проехал дальше... Писал до обеда. Вечером поиграл в домино».

Впрочем, в такой тональности выдержаны почти все дневниковые записи государя за время его нахождения в могилевской Ставке [29].

«Когда царской семьи [в Могилеве] не было, Государь один или с наследником выезжал за город. За ним неустанно ходила тайная полиция, и скрыться от нее Государю было невозможно. (...) Часто гуляя в окрестностях города, Государь встречался с крестьянами. Он расспрашивал их об их жизни и интересовался всякими мелочами. Но никогда никто из крестьян, во время таких случайных встреч с Государем, не обращался к нему с какой-нибудь просьбой. У русского крестьянина был врожденный такт. Он мог подать официальное прошение на имя Царя, но не пользовался случаем и не затруднял его своими личными делами во время неожиданных встреч» [3].

К слову, горожане часто видели государя на улицах города, отмечали его вежливость и тягу к фотографированию, а также к съемкам на киноплёнку домочадцев и ближайших соратников. Увлекались фотографией и царские дочери – немало снимков они сделали во время наведывания к отцу в Могилев. Причем не чурались юные княжны запечатлеть себя рядом с детишками из рабочих окраин или семьями обычных железнодорожников.

Когда в Могилев наведывалась императрица Александра Федоровна, Николай II во второй половине дня откладывал все срочные дела, предпочитал совместные прогулки по Днепру, а также в загородной зоне (ныне Печерский лесопарк).

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Как уже отмечалось, нередко Ставку Верховного главнокомандующего навещали императрица Александра Федоровна и члены царской семьи. Их приезд всегда приносил определенное разнообразие в устоявшийся размеренный быт императора. Разлука с женой и детьми была для него всегда тягостна, поскольку он был на редкость примерным семьянином. И это его качество, могущее составить счастье обыкновенного человека, для него, слабовольного правителя огромного государства, и для самого этого государства стало фатальным несчастьем, ибо подчинило его воле царицы и интересам семьи.

«Всего лучше, – писал в своих воспоминаниях член Государственного совета В. И. Гурко, – чувствовал себя Николай II в тесном семейном кругу. Жену и детей он обожал. С детьми он состоял в тесных дружеских отношениях, принимал участие во всех их играх, охотно совершал с ними совместные прогулки и пользовался с их стороны горячей неподдельной любовью. Любил он по вечерам громко читать в семейном кругу русских классиков.

Вообще более идеальной семейной обстановки, нежели та, которая была в царской семье, представить нельзя. На почве общего разложения семейных нравов как русского, так и западноевропейского общества семья русского самодержца представляла столь же редкое, сколь и сияющее исключение» [25, с. 8].

Русская императрица Александра Федоровна – принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис Гессен-Дармштадская родилась 6 июня 1872 г. Была четвертой дочерью великого герцога Гессенского и Рейнского Людвига IV и герцогини Алисы, внучкой английской королевы. Она была крещена 1 июля 1872 г. по лютеранскому обряду. Данное ей

имя состояло из имени ее матери (Алиса) и четырех имен ее теток. После смерти матери Алиса жила в Великобритании в замке Барморал и Осборн-хаусе на острове Уайт и считалась любимой внучкой королевы Виктории. 14 ноября 1894 г. принцесса Алиса вступила в брак с российским императором Николаем II, приняв в православии имя Александры Федоровны.

По свидетельствам современников, это была чудесная пара и идеальный союз, который не мог не отразиться на необыкновенной неземной любви Николая и Алисы. Дети и родители жили в полной гармонии. Жизнь семьи протекала тихо и уединенно. Императрица боялась влияния извне и особенно ограждала от этого дочерей. Главенствующая роль в процессе воспитания отводилась религиозности и патриотизму. Вера в Бога была духовным стержнем, объединявшим всех членов царской семьи.

Во время войны вместе со старшими дочерьми Ольгой и Татьяной Александра Федоровна прошла практическое обучение и стала сестрой милосердия. Она не просто посещала раненых, а была практикующей операционной сестрой. Со стороны либеральной прессы императрица подвергалась нападкам, якобы за связь с германским Генеральным штабом.

По воспоминаниям современников, Александре Федоровне Могилев не приглянулся. Отметила про себя, что город «грустный и грязный». Да и к государыне Александре Федоровне, первый приезд которой в Ставку происходил очень торжественно, горожане большой любви или уважения не проявляли, как видится, в большой степени в связи с распространявшимися слухами о Распутине.

Однако окрестности Могилева произвели на нее благоприятное впечатление. Она даже заметила одно из имений в деревне Дашковка, но строптивый хозяин изволил отказать императрице в его покупке. Во время приезда к мужу с дочерьми Александра Федоровна ночевала не в царской Ставке, а на могилевском вокзале в личном вагоне поезда, доставлявшего их из Царского Села. Однако от этого обстоятельства сердечных чувств у царской семьи было не меньше.

Они повенчались в 1894 г. Поразительно, но это был брак по любви, что редко отличало царские фамилии. Друг друга они называли – он ее нежно «Аликс», а она его – «Ники».

Вот лишь несколько писем из 600 сохранившихся, написанных царской четой в разное время.

Александра Федоровна – Николаю Александровичу в 1914 г.: «О, как ужасно одиночество после твоего отъезда! Хотя со мной остались

наши дети, но с тобой уходит часть моей жизни – мы с тобой одно целое».

Ответ Николая: «Моё возлюбленное солнышко, душка-жёнущка! Любовь моя, страшно тебя недостаёт, что невозможно выразить!..»

Письмо Александры Николаю: «Я плачу, как большой ребёнок. Я вижу перед собой твои грустные глаза, полные ласки. Шлю тебе мои самые горячие пожелания к завтрашнему дню. В первый раз за 21 год мы проводим этот день не вместе, но как я живо всё помню! Мой дорогой мальчик, какое счастье и какую любовь ты дал мне за все эти годы».

Николай – Александре 31 декабря 1915 г.: «Самое горячее спасибо за всю твою любовь. Если б только ты знала, как это поддерживает меня. Право, не знаю, как бы я выдержал всё это, если Богу не было бы угодно дать мне в жёны и друзья тебя. Я всерьёз это говорю, иногда мне трудно выговорить эту правду, мне легче излагать всё это на бумаге – по глупой застенчивости».

Следует заметить, что эти строки были написаны людьми, прожившими в браке несколько десятков лет, но сумевшими сохранить главное жизненное сокровище – любовь и уважение в семье.

Стоит отметить, что Владимир Гурко, член Государственного совета, родной брат генерала Василия Гурко, в своей книге «Царь и царица» следующим образом характеризовал императрицу: «Дать верную характеристику убиенной царицы задача не легкая, настолько природа ее была сложная, многогранная, а в некоторых отношениях даже противоречивая. Рассудительность и страсть, мистицизм и непоколебимая верность воспринятым ею отвлеченными теориями и усвоенными принципам каким-то странным образом в ней настолько переплетались и уживались, что порой решительно недоумеваешь, чем вызвано то или иное принятое ею решение – порывом ли ее страстной природы, слепой верой в нечто, навеянное ей тем лицом, которое она почитала за выразителя абсолютной истины, или неуклонным соблюдением укоренившегося в ней принципа?»

Одно лишь можно утверждать с уверенностью, а именно, что по природе своей Александра Федоровна была прежде всего страстная, увлекающаяся женщина, с необыкновенной настойчивостью и жаром преследующая раз намеченную цель. Присущая же ей рассудительность была лишь продуктом полученного ею англо-протестантского воспитания, пропитавшего ее рационализм, равно как высокими и стойкими принципами пуританизма. Вследствие этого во всех повседневных де-

лах, не захватывавших ее личных, жгучих интересов, она отличалась рассудительностью. Но коль скоро вопрос касался того, что живо ее затрагивало, неудержимая страсть брала верх.

В одном лишь отношении природа и полученное воспитание сошлись вполне, – они выработали в Александре Федоровне абсолютную правдивость, а отсюда прямоту и определенность высказываемых ею суждений. В этом отношении царица не сходилась характером со своим супругом, напоминавшим, по скрытности и умению таить свои истинные чувства и намерения, византийство Александра I.

В частной семейной жизни Александра Федоровна была образцом всех добродетелей. Безупречная, страстно любящая супруга, примерная мать, внимательно следящая за воспитанием своих детей и прилагающая все усилия к их всестороннему развитию и укреплению в них высоких нравственных принципов; домовитая, практичная и даже расчетливая хозяйка – вот как рисуют Александру Федоровну все ее приближенные. Наряду с этим она неизменно интересовалась широкими отвлеченными вопросами общего, даже философского, характера, а женская суетность была ей абсолютно чужда; например, нарядами она вовсе не интересовалась.

Во всех конкретных, доступных ее пониманию вопросах Государыня разбиралась превосходно, и решения ее были столь же деловиты, сколь и определены.

Все лица, имевшие с ней сношения на деловой почве, единогласно утверждали, что докладывать ей какое-либо дело, без предварительного его изучения, было невозможно. Своим докладчикам она ставила множество определенных и весьма дельных вопросов, касающихся самого существа предмета, причем входила во все детали и в заключение давала столь же властные, сколь точные указания. Так говорили лица, имевшие с ней дело по различным лечебным, благотворительным и учебным заведениям, которыми она интересовалась, равно и заведовавшие кустарным делом, которым ведал состоявший под председательством Государыни кустарный комитет.

Вообще Александра Федоровна была преисполнена инициативы и жаждала живого дела. Мысль ее постоянно работала в области тех вопросов, к которым она имела касательство, причем она испытывала упоение властью, чего у ее царствующего супруга не было» [25, с. 6–8].

Флигель-адъютант А. А. Мордвинов был близок к царской семье и позднее делился своими воспоминаниями об императоре Николае II.

В частности, имеется его характеристика последнего самодержца как одного из выдающихся деятелей своего времени: «Одним из таких людей являлся постоянно в моих глазах и император Николай Александрович, совершенно своими современниками не понятый, большинством оклеветанный и никем, кроме русской деревни, по своему значению не оцененный.

Знавший довольно хорошо Государя великий князь Николай Николаевич в годы еще не начинавшейся между ними розни убежденно называл его “необыкновенным человеком”. Действительно, выдвинутый не только рождением и своими правами, но и всей историей Родины во главу 175-миллионного народа, поставленный властвовать над шестой частью земного шара, он не мог являться обыденною личностью и в глазах других, оставаясь притом, конечно, таким же простым смертным, как и все остальные. С тем же двойственным сознанием правителя, выдвинутого не собственным желанием, а милостью Бога, и слабого без помощи Бога человека относился к самому себе и сам Государь. Сознавать себя иначе он по своей постоянной вдумчивости и религиозному настроению не мог, да и его выдающееся положение к тому обязывало, несмотря на всю его изумительную скромность и полное нежелание какого-либо собственного величия.

Поэтому следующею основною чертою его характера, после его глубокой религиозности и покорности воле Божьей, а также и его удивительно любовного и доверчивого отношения к бесхитростным простым русским людям, являлось постоянное сознание лежащего на нем царского долга и чувства единоличной ответственности перед Богом и историей и всеми подвластными ему людьми. Отсюда главным образом вытекало и его крепкое убеждение в необходимости для православной России самодержавного монарха – природного, надпартийного вождя своей Родины, который не вправе уклоняться от возложенного на него бремени, передавая другим хотя бы часть своих священных прав и обязанностей. Такая передача в его глазах являлась бы лишь источником пагубной борьбы партий, несправедливым возвышением одних в ущерб другим и сводила бы на нет весь смысл его служения.

Все эти главные черты характера Государя, в благородстве которых нельзя отказать и которые могли бы быть выражены тремя словами старого, любимого массой народа политического исповедания: “Православие, самодержавие и народность”, подвергались почти постоянно на-

смешкам со стороны “передовых” людей того времени, стремившихся к власти.

Его любовь и приверженность к простому, мало просвещенному науками, но верующему и непритязательному народу объяснялась ими лишь как собственная «удивительная ограниченность»; его глубокая религиозность и самосознание человеческого несовершенства и бессилия называлась у них, без всякого вдумывания в эти понятия, то “мистицизмом”, то “фатализмом”, то “смешным простонародным суеверием”.

Крепкое верование Государя в превосходство самодержавного образа правления для России вызывало больше всего злобных осуждений: это было “позором для всей Европы”, “пережитком Средних веков, даже в Азии давно отброшенным”, “упрямством недалекого человека” и “отвратительным нежеланием поступиться своею властью на благо всех”. К этим крикам “передовых людей” присоединялось большинство просто обывателей: “Ну, чего он действительно упорствует, – говорили они, – дал бы уж им это ответственное министерство и не урезанную конституцию, да и жил бы себе беззаботно царем и еще считался бы самым просвещенным монархом в России...”

Кого, даже крепко державшегося за власть, могли не смутить эти заманчивые слова. Они все же не смутили, вплоть до собственного отречения, “слабого”, “вечно колеблющегося”, “действующего лишь по чужой указке” императора Николая II.

Все это доказывает как непоколебимую его преданность им осознанного долга, так и глубокую продуманность и верность его политических убеждений. Всякий знает, в какие страдания и в какой позор превратилось управление тех “ответственных” людей, передать власть которым, даже с угрозами, требовали все» [54, с. 70].

В. И. Гурко позднее в эмиграции писал об императоре: «Главной отличительной чертой его характера была всепроникающая самоотверженная преданность исполнению того, что он почитал своим царским делом. Даже ежедневными своими прогулками, которыми, судя по тому же дневнику, он особенно дорожил, он часто жертвовал для исполнения своих разнообразных царских обязанностей. Исполнял он эти обязанности и занимался государственными делами с необыкновенной усидчивостью и добросовестностью, но делал это из принципа, почитая своим священным долгом перед врученной ему Богом державой посвящать служению ей все свое время, все свои силы...» [25, с. 9–10].

Частым гостем в Могилеве являлся сын Николая II цесаревич Алексей. Его, страдавшего смертельно опасной гемофилией, от последствий заболевания оберегали в Ставке как могли: любая царапина или ушиб были чреваты большой кровопотерей. Одна из причин, почему Григорий Распутин имел столь огромное влияние на царскую семью, вплоть до замены неугодных министров, – его неоспоримые гипнотические способности. Они позволяли сибирскому то ли кудеснику, то ли шарлатану на расстоянии предсказывать судьбу и снимать боль во время обострения заболевания у царского наследника Алексея. По крайней мере, в это уверовала императрица Александра Федоровна, боготворившая за этот дар друга Григория. В могилевской Ставке военные на дух не переносили особу Распутина и между собой поговаривали, мол, появись он здесь – повесили бы на первом суку. Императрица в переписке с Николаем часто называла Распутина близким другом, но, так как царю было дорого душевное спокойствие дражайшей супруги и остальных домочадцев, он ей не перечил: пусть будет Гришка другом.

Жизнь цесаревича Алексея Николаевича из-за его болезни всегда находилась под смертельной угрозой. В частности, Анна Вырубова писала в своих воспоминаниях: «Следующий факт из жизни наследника тронет сердце каждой матери. Все знают, что во время постоянных заболеваний Алексея Николаевича Их Величества всегда обращались к Распутину, веря, что его молитва поможет бедному мальчику. В 1915 году, когда Государь стал во главе армии, он уехал в Ставку, взяв Алексея Николаевича с собой. В расстоянии нескольких часов пути от Царского Села у Алексея Николаевича началось кровоизлияние носом. Доктор Деревянко, который постоянно его сопровождал, старался остановить кровь, но ничего не помогало, и положение становилось настолько грозным, что Деревянко решил просить Государя вернуть поезд обратно, так как Алексей Николаевич истекает кровью. Какие мучительные часы провела императрица, ожидая их возвращения, так как подобного кровоизлияния больше всего опасались. С огромными предосторожностями перенесли его из поезда. Я видела его, когда он лежал в детской: маленькое восковое лицо, в ноздрях окровавленная вата. Профессор Федоров и доктор Деревянко возились около него, но кровь не унималась. Федоров сказал мне, что он хочет попробовать последнее средство – это достать какую-то железу из морских свинок. Императрица стояла на коленях около кровати, ломая себе голову, что дальше предпринять. Вернувшись домой, я получила от нее записку с приказанием вызвать Григория

Ефимовича. Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу. По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил наследника, сказав родителям, что серьезного ничего нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось. Государь на следующий день уехал в Ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло. Но это – факт. Поняв душевное состояние родителей, можно понять и отношение их к Распутину: у каждого человека есть свои предрассудки, и, когда наступают тяжелые минуты в жизни, каждый переживает их по-своему; но самые близкие не хотели понять положения и, поняв – объяснить тем, кого заведомо вводили в заблуждение» [90, с. 189–190].

Наследник Алексей – «это было милое дитя, любознательное и веселое, (...) вырвавшееся из скучной дворцовой обстановки и имеющее возможность наблюдать подлинную жизнь. Для него устраивались игры с могилевскими детьми то на Валу, то где-нибудь в лесу около города, и играть с ним могли все дети без различия национальности и положения родителей». Во время прогулок «он с любопытством вертелся, сидя в автомобиле рядом со своим отцом, читал вывески и улыбался прохожим» [3].

Народ с интересом наблюдал за их выездами. В частности, после одного из них в дневнике военного корреспондента М. К. Лемке появилась следующая запись: «Видел, как царь и наследник катались в автомобиле; сзади них еще несколько автомобилей с великими князьями и свитой; в последнем сидит матрос разухабистого вида, с нахальной рожей; это “дядька” наследника – Деревянко. Он спас цесаревича во время крушения “Штандарта”. Когда раздался треск судна, все подумали, что сели на мину, матрос яхты Деревянко схватил мальчика и бросился с ним в воду... С тех пор он персона; с ним все очень внимательны, заискивают, одаривают, угощают папиросами и т. п. Наследник уже большой мальчик, ходит с палочкой. И царь, и он в солдатских шинелях» [44, с. 96].

«17, суббота. Будучи на днях на Ю.-Зап. фронте, царь и наследник находились в 3–4 верстах от передовых линий, видя около себя артиллерийский огонь противника. Иванов просил разрешить наградить наследника Георгиевской медалью. Сегодня мальчик пришел с отцом на доклад Алексеева и, как рядовой, получил в его присутствии медаль. Очень довольный, он в восторге побежал домой, ну а царю – развлечение в его ничегонеделании» [44, с. 162].

Как ни прискорбно осознавать, что по прошествии незначительного отрезка времени все изменилось. «Ребенок, видевший вокруг себя только поклонение, лесть и заботы, был кинут своим народом на растерзание безумствующей толпы, не знающей ни жалости, ни пощады» [3].

Могилев навевали и дочери Николая II, которых у него было четыре: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Августейшие сестры составляли как бы единое целое, будучи очень дружны между собой. Хорошо знавший царскую семью П. Жильяр позднее писал: «Трудно было найти четырех сестер, столь различных по характерам и в то же время столь тесно сплоченных дружбой. Последняя не лишала их личной самостоятельности и, несмотря на различие темпераментов, объединяла их живой связью. Из начальных букв своих имен они составили общее имя: “Отма”. Под этой общей подписью они иногда делали подарки или посылали письма, написанные одной из них от имени всех четырех» [33, с. 68].

Ольга Николаевна – старшая дочь императора Николая II. Яркое описание великой княжны оставлено баронессой С. К. Буксгевден, которая была фрейлиной императрицы и подругой цесаревен: «Великая княжна Ольга Николаевна была красивая, высокая, со смеющимися голубыми глазами, чуть коротким носиком, который она сама называла “мой курносик”. У нее были очень красивые зубы, изумительная фигура, она прекрасно ездила верхом и танцевала. Из всех сестер она была самая умная, самая музыкальная; по мнению ее учителей, она обладала абсолютным слухом. Она могла сыграть на слух любую услышанную мелодию, переложить сложные музыкальные пьесы, аккомпанировать без нот самые трудные вещи, пальцы ее извлекали из инструмента чудесный звук.

Ольга Николаевна была очень непосредственна, иногда слишком откровенна, всегда искренна. Она была очень обаятельная и самая веселая. Когда она училась, бедным учителям приходилось испытывать на себе множество ее всевозможных шуточек, которые она изобретала, чтобы подшутить над ними. Да и повзрослев, она не оставляла случая позабавиться. Она была щедра и немедленно отзывалась на любую просьбу. От нее часто слышали: “Ой, надо помочь бедняжке такому-то и такой-то, я как-то должна это сделать”» [91, с. 402–403].

В дневнике Ольги Николаевны от 5 августа 1913 г. имеются следующие строки: «В 10 ч. 35 м. мы 2 в формах поехали на плац. Сели на лошадей: я на Регенте, Татьяна на Робино; и дядя Николаша со мной

поехал к моему полку. Мартынов встретил меня с рапортом, и я галопом поскакала к трубачам, с каждым поздоровалась и на правом фланге встретила Папа и за ним еще раз объехала фронт. Так волновалась до заезда, но ничего вышло. Ужасно красивый и хороший парад был. Так хорошо прошли мои молодцы елисаветградцы... Довольна сегодняшним днем ужас как!!!» [29, с. 62–63].

«Ольга Николаевна, – писал в своих мемуарах бывший начальник дворцовой стражи А. И. Спиридович, – с ее необычными глазами, глазами святой, буквально дышала простотой и скромной невинностью. Она была самой искренней и морально чистой, без пятен. Всякая несправедливость, всякая жестокость по отношению к кому бы то ни было ее жестоко ранили. Красневшая от негодования, с глазами, полными слез, она всегда живо протестовала против того, что считала “плохим”...» [83, с. 155].

В начале войны Ольга Николаевна стала почетной председательницей особого Петроградского Комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну.

Татьяна Николаевна – вторая дочь императора Николая II. Император воспитывал своих детей в спартанском духе, с малолетства приучал к различным физическим упражнениям, верховой езде, полковым праздникам, смотрам и парадом. Татьяна с детства была очень похожа на мать, и не только внешне, но и характером. С возрастом она стала высокая и стройная, была темноволосая, а своеобразный слегка восточный разрез глаз придавал ей удивительный шарм. Она являлась советчицей матери до конца жизни и в наиболее ответственные моменты оказывалась рядом с ней. По характеру была обстоятельная и скрупулезная, вела подробный список прочитанных книг, аккуратно регистрировала, когда и от кого получила письмо или открытку, когда и кому посылала сама. В ее поведении нетрудно было заметить властные, повелительные нотки. Сестры придумали ей прозвище Гувернантка за то, что она была поборницей этикета и соблюдения правил приличия, подходящих великим княжнам. А. А. Вырубова признавалась: «Иногда я побаиваюсь коготка великой княжны Татьяны. У нее своеобразный характер, многое от мамы» [29, с. 34].

«Татьяна Николаевна, – характеризовала ее в своих воспоминаниях С. К. Буксгевден, – по-моему, была самая хорошенькая. Она была выше матери, но такая тоненькая и так хорошо сложена, что высокий рост не был ей помехой. У нее были красивые, правильные черты лица, она

была похожа на своих царственных родственниц, чьи фамильные портреты украшали дворец. Темноволосая, бледнолицая, с широко расставленными светло-карими глазами: это придавало ее взгляду поэтическое, несколько отсутствующее выражение, что не совсем соответствовало ее характеру. В ней была смесь искренности, прямолинейности и упорства, склонности к поэзии и абстрактным идеям. Она была ближе всех к матери и была любимицей у нее и у отца. Абсолютно лишенная самолюбия, она всегда была готова отказаться от своих планов, если появлялась возможность погулять с отцом, почитать матери, сделать то, о чем ее просили. Именно Татьяна Николаевна нянчилась с младшими, помогала устраивать дела во дворце, чтобы официальные церемонии согласовывались с личными планами семьи. У нее был практический ум императрицы и детальный подход ко всему. Она не обладала сильным характером Ольги Николаевны, всегда была под ее влиянием, но в случаях, требующих решительных действий, принимала решение быстрее, чем ее старшая сестра, и никогда не теряла головы» [91, с. 398].

Мария Николаевна – третья дочь императора Николая II. «Мария Николаевна, – пишет в своих воспоминаниях генерал А. И. Спиридович, – была очень развитой девочкой, крепкой, с большими голубыми глазами, типично русской красоты. Она обладала замечательной памятью, и всякий раз, когда необходимо припомнить какую-то деталь, сестры обращались к ней за помощью» [83, с. 55]. Учитель французского языка П. Жильяр также отмечал, что она была воплощенной добротой, и сестры немного этим пользовались. Между собой сестры и брат называли ее Машка. Она была самой крупной из сестер. На ее долю чаще всего выпадали подшучивания и розыгрыши. Однако она никогда не обижалась, наоборот, разоружающе улыбалась в ответ и смеялась вместе со всеми. Великая княжна Мария Николаевна являлась шефом ряда гвардейских полков, имела чин полковника⁸.

Яркая характеристика третьей дочери Николая II, великой княжны Марии Николаевны, имеется в записях приближенных царской семьи, например фрейлины императрицы Александры Федоровны баронессы С. К. Буксгевден: «Мария Николаевна, подобно Ольге Николаевне, была живой, с такою же, как у сестры, улыбкой, овалом лица, цветом глаз и волос, но все у нее было более яркое, а ее глаза – “Мариины блюда”, как говорили ее кузины, были изумительны, глубокого темно-синего цвета... Мария Николаевна одна из всех сестер обладала талантом рисования, наброски ее были весьма хороши. “Машка”, как звали ее се-

стры, была в полном подчинении у младшей, Анастасии Николаевны, “постреленка”, как звала ее мать» [91, с. 410].

Анастасия Николаевна – великая княжна, четвертая (младшая) дочь императора Николая II. Росла она очень подвижной девочкой и не переставала быть такой даже в последние годы после Февральской революции, проведенные под домашним арестом. Пока Анастасия была подростком, сестры звали ее Настенькой или Швыбз. Она была ниже сестер ростом, коренаста, а с годами к тому же начала полнеть. Тормозить окружающих, возиться, передразнивать – было ее обычным времяпрепровождением. При этом она подмечала в каждом какие-то смешные черты и привычки, а затем мастерски воспроизводила их, облакая результаты своих наблюдений в целые пародийные сценки. Развлекая таким образом своих домашних, сама оставалась при этом совершенно серьезной. К своему дню рождения, 5 июля 1915 года, она стала шефом 148-го Каспийского пехотного полка и получила, как и ее сестры, чин полковника.

В годы Первой мировой войны великие княжны окончили курсы сестер милосердия и ухаживали за ранеными бойцами в собственном лазарете в Царском Селе [29, с. 48–49].

Разница в возрасте между сестрами была невелика, но для родителей и ближайшего окружения они всегда были как бы разделены на две пары: Ольга и Татьяна – «большие», Мария и Анастасия – «маленькие». Все сестры, будучи цесаревнами, должны были со временем выйти замуж и войти в монаршие семьи Европы. Их готовили к этому – они изучали сразу три языка: английский, немецкий и французский. Много внимания уделялось среди прочих предметов урокам музыки, танцев, рисования. Сестры играли на фортепьяно, неплохо рисовали. Это помогло им в дальнейшем скрашивать медленно тянувшиеся дни и вечера под домашним арестом после Февральской революции в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге [85].

Будучи в Могилеве, царские дочери свободно, без всякой охраны часто гуляли по городу, заглядывали в магазины, делали покупки. Они обожали местные галантерейные лавки. Княжнам, как и обыкновенным девушкам, нужны были пуговицы, нитки, ленты, заколки для волос и прочие мелочи. А возможно, им нравилась сама процедура покупок, которой они были лишены, живя в Петербурге или Царском Селе. Современники отмечали: царские дочери были одеты весьма скромно, что давало повод местным модницам обсуждать их наряды и с удовольствием отмечать в одежде царских наследниц полную безвкусицу.

Молодые князья в Могилеве также не скучали. Местные дамы делали все от них зависящее, чтобы скрасить досуг высоких гостей и доставить им всяческое удовольствие.

Как человек глубоко православный, Николай вместе с семьей посещал Свято-Никольскую церковь недалеко от поймы Днепра. Каждую службу там пел прекрасный хор из мобилизованных певцов, который мог смело состязаться с любым митрополичьим хором. Царь, по воспоминаниям современников, был любителем церковного пения и имел излюбленные песнопения, которые в его присутствии и исполнялись. Вся царская семья стояла на левом клиросе, и чувствовалось, что все они очень религиозны.

Праздник Святой Пасхи был для государя, как и для любого русского человека, самым близким сердцу и желанным. Любимым же занятием царя и штабного начальства было христосование – в Святое воскресенье он дарил высшим чинам фарфоровые яйца с именным вензелем, а на второй день – низшим по чину, которые перед встречей с императором тщательно осматривались врачом.

К сожалению, ни царь, ни его семья, ни могилевчане, ни весь многонациональный народ Российской империи, живя, работая, отдыхая, веселясь, не предполагали, что уже приближаются те времена, когда пробьет последний час не только для монарха и его семьи, но и для существования величайшей империи в мире.

АКТИВИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ, ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1916 ГОДА И ПЛАНЫ НА 1917 ГОД

В первые дни войны царь был един с народом, но это продолжалось недолго. Внутренние противоречия, вызванные тяжелой войной, постепенно обострились и породили оппозицию⁹, которая в 1916 г. усиливает натиск на императора и его правительство. Атака на власть шла в двух направлениях: через либералов и революционеров.

Думскими деятелями начинается организованная травля царских министров, поношение их через прессу и думскую трибуну независимо от достоинств или недостатков. Важно было очернить всех и доказать неспособность монархической власти управлять империей – в этой борьбе для оппозиции были все средства хороши. Даже произведенные царем замены в правительстве: Горемыкина на Штюрмера на посту премьер-министра, Сухомлинова на Поливанова, его, в свою очередь, на Шувалова на посту военного министра – не возымели позитивного отношения, а вызвали лишь новую волну недовольства думской оппозиции правительством. Думские лидеры, такие как Родзянко, Милуков, Гучков, сами видели себя на важных государственных постах. Однако никто из либералов к делам управления страной привлечен не был.

К тому же в начале 1916 г. активизировали свою деятельность и революционеры, получившие к тому времени деньги из Германии¹⁰ на агитацию среди солдат и рабочих, работу в профсоюзах, организацию митингов и забастовок, что в военное время было просто недопустимо и квалифицировалось не иначе как предательство по отношению к Родине. Однако российское руководство беспечно взирало на происходящее в тылу: митинги, забастовки, поношение царя и его окружения¹¹.

Вдобавок ко всему оппозиционерам удалось привлечь на свою сторону часть генералитета: Крымова, Брусилова, Рузского, даже сам начальник Генерального штаба Алексеев состоял в дружеской переписке с одним из лидеров оппозиционного блока отчаянным авантюристом А. И. Гучковым. В антиправительственных кругах он прославил себя постоянным вынашиванием планов убийства царя и его семьи. В своих письмах генералу Гучков сообщал различные сплетни, сильно преувеличивая безобразия, которые творились в тылу. Николай однажды за завтраком прямо спросил генерала Алексеева, находится ли он в переписке с Гучковым, на что генерал ответил категорическим отрицанием. Ложь была чем-то новым в отношениях генерала и государя, результатом политиканства, когда военных деятелей вовлекали на стезю политики. Вскоре какой-то «доброжелатель» скопировал и распространил по всем российским губерниям последнее письмо Гучкова генералу Алексееву. Разразился скандал, и государь сделал некогда безупречному начальнику и товарищу строгое внушение. Алексеев извинился, но сердечные отношения между Верховным главнокомандующим и начальником Штаба сменились на подозрительность.

Конечно, все эти действия оппозиции и возникшие экономические трудности создали взрывоопасную ситуацию в государстве. Стоимость одного дня войны возросла с 10 до 40 млн рублей. Для покрытия военных расходов активно использовалась денежная эмиссия, что привело к резкому всплеску инфляции. Курс рубля упал до 56 копеек. Свободный обмен бумажного рубля на золото в этих условиях был отменен. Резко выросли цены, упал жизненный уровень населения. В городах остро ощущалась нехватка продуктов. В Петрограде к концу 1916 г. население получало треть необходимого хлеба [76, с. 290]. Естественно, неспособность правящего режима навести должный порядок в стране и обеспечить успешные военные действия вызывали осуждение и тревогу в обществе.

А тем временем к весне 1916 г. на Восточном фронте противник сосредоточил 90 дивизий (48 германских и 42 австрийских) против 141 русской. 14 апреля в Ставке состоялось совещание по планам летней кампании. Основной удар предполагалось нанести силами Западного фронта под командованием генерала Эверта из района Молодечно на Вильно. Западный фронт был наиболее сильным и сосредотачивал 27 корпусов. Эверту передавалась большая часть резервов и тяжелой артиллерии. Северный фронт под командованием генерала Куропаткина

наносил вспомогательный удар на Ригу. Он имел 17 корпусов. Юго-Западному же фронту под командованием Брусилова силами 22 корпусов предписывалось готовить наступление в Карпатах и Буковине и вступить в дело в случае успешных действий у соседей.

Однако вопреки планам Ставки реальность оказалась совершенно иной. Поскольку ни Эверт, ни Куропаткин по ряду причин не смогли достичь планируемого успеха, инициативу перехватил Юго-Западный фронт, начавший 14 июня одну из крупнейших наступательных операций русской армии. В ходе операции впервые за весь позиционный период военных действий был осуществлен оперативный прорыв фронта противника, вошедший в историю под названием «Брусиловский прорыв».

Фронт генерала Брусилова располагал четырьмя армиями, в которые входили 40 пехотных и 15 кавалерийских дивизий, насчитывающих 594 тыс. человек, 1770 легких и 168 тяжелых орудий и 100 самолетов. Противник имел перед Юго-Западным фронтом 39 пехотных и 10 кавалерийских дивизий численностью 486 тыс. человек и около 2 тыс. орудий. Русские войска превосходили неприятеля в живой силе и легкой артиллерии в 1,3 раза, в тяжелой артиллерии уступали в 3,2 раза. Противник создал сильную глубоко эшелонированную позиционную оборону, достигающую 7–9 км, с применением железобетона и многочисленных проволочных заграждений [14, с. 148].

Отказавшись от применения в то время способов прорыва на узком участке фронта при сосредоточении на выбранном направлении превосходящих сил, главнокомандующий Юго-Западным фронтом Брусилов выдвинул новую идею – прорыв укрепленных позиций противника благодаря нанесению одновременных ударов всеми армиями данного фронта, что и было сделано. Основная роль в наступлении была отведена 8-й армии под командованием генерала Каледина, ближе всех стоявшей к Западному фронту и, следовательно, способной оказать главнокомандующему армиями Западного фронта Эверту наиболее действенную помощь. Другие армии должны были максимально облегчить эту задачу, оттянув на себя значительную часть сил неприятеля.

Наступление русских войск началось по всему фронту около пяти часов утра 4 июня с сильной артиллерийской подготовки. Плотность артиллерии достигала 20–25 орудий на километр фронта. Авиация наносила бомбовые удары и вела пулеметный огонь по объектам противника в тылу и на поле боя. Австрийский фронт был прорван одновременно в четырех местах. В первый же день наступления на ряде участков удалось овладеть

первой позицией противника, а за последующие два дня полностью завершить прорыв и захватить в плен 200 тыс. солдат и офицеров.

Для ликвидации прорыва немецко-австрийское командование перебросило на Юго-Западный фронт войска из резервов. Также вынуждено было снять с Западного, Итальянского и Салоникского фронтов более 40 пехотных и кавалерийских дивизий. Это облегчило положение французов у Вердена и вынудило немцев прекратить наступление в Италии. Усилило Юго-Западный фронт и русское командование.

Сражения на Юго-Западном фронте продолжались до 13 августа. Русским войскам удалось на протяжении всего фронта в 350 км продвинуться вглубь на 70–120 км. От австро-венгерских войск были освобождены Буковина и Южная Галиция. Противник потерял до 1,5 млн человек убитыми, ранеными и пленными. Потери русских составили около 5 тыс. человек. Успех Брусиловского прорыва могли поддержать более решительные наступления армии Эверта и Куропаткина. Важным политическим итогом наступления Юго-Западного фронта явилось ускорение распада Австро-венгерской монархии и выступление Румынии на стороне Антанты.

Брусиловский прорыв в Галиции, а также битвы под Верденом и на р. Сомме ознаменовали перелом в ходе войны. Инициатива на всех фронтах перешла к державам Антанты.

Наступившая на фронтах передышка позволила штабам противоборствующих сторон приступить к разработке стратегического плана действий на следующий, 1917 г. Следует отметить, что эта работа проходила в сложной и противоречивой политической обстановке. Изнуряющая война, в которой армии становились разменной монетой амбициозных политиков, обескровила экономику обеих коалиций, их финансовые и людские ресурсы.

С учетом складывающейся ситуации германское командование решило перейти в 1917 г. к активной обороне на всех сухопутных фронтах. Коалиция же Антанты, усиленная мощью США, вступивших в войну на ее стороне в апреле 1917 г., намеревалась приступить к согласованным ударам с запада и востока, чтобы окончательно разгромить Германию и Австро-Венгрию.

Надо сказать, что основные положения кампании 1917 г. для вооруженных сил коалиции были разработаны почти за год до этого, на 3-й межсоюзнической конференции стран Антанты в замке Шантийи недалеко от Парижа и уточнены в феврале 1917 г. на конференции

в Петрограде. Общий план предусматривал проведение в начале года частных операций на всех фронтах в целях удержания стратегической инициативы, а летом 1917 г. – переход в общее наступление на Западном и Восточном фронтах для окончательного разгрома Германии и Австро-Венгрии.

Однако действительность оказалась совершенно иной.

Если в начале Великой войны порывы патриотизма сблизили большинство граждан с российской властью, то в начале 1917 г. те же чувства привели к усилению ее конфронтации с обнищавшим населением. Требование закончить войну становится в России политическим лозунгом широких масс. В окопах крепло убеждение: мир наступит только тогда, когда «солдаты сами сделают его». Революционные настроения как ржавчина разъедали ряды Русской армии, выливались в стихийные армейские волнения, ширилась агитация левых партий, направленная на раскол российского общества.

Значительная часть его и в самом деле поверила, что спасет Россию не государь император, а революционный беспощадный бунт. Безмерно уставшее от войны российское воинство желало только одного – мира, во что бы то ни стало и любой ценой, хотя Николай II еще тешил себя надеждой, что 1917 г. станет не только переломным, но и победным для России в Великой войне. В действительности он стал годом непредсказуемых политических потрясений, венец которых – крушение империи, а вместе с ней и династии Романовых. Но обо всем по порядку.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ОТРЕЧЕНИЕ

Убийство ненавистного думской оппозиции влиятельного друга императрицы Григория Распутина в конце 1916-го вынудило государя отправиться из Могилева в Петроград и Царское Село. После похорон он задержался по семейным обстоятельствам – дети болели корью. В феврале Верховный главнокомандующий приезжает обратно в Ставку. Буквально вслед за возвращением приходят сообщения о февральских беспорядках в Петрограде, и, к «глубокому прискорбию» (отмечает Николай II в дневнике), в этих событиях участвует армия.

В начале 1917 г. в Русской Императорской армии, к тому времени самой многочисленной из всех армий воюющих сторон, хотя потери за два с половиной года и были велики – более 6 млн убитых, раненых и пленных, под ружьем находилось в пределах 11 млн человек¹². Фронтные дивизии были хорошо вооружены, обмундированы и обеспечены питанием. Однако качественный состав армии желал быть лучшим. Ее кадровый состав давно уже полег на полях сражений. На смену ему пришла крестьянская масса, думавшая более о возвращении домой, к своему хозяйству, чем о победе. Особенно ненадежными были солдаты в запасных полках и на флоте. На 5-ти фронтах в действующей армии находилось около 7 млн человек, а остальные солдаты бездействовали в тылу. К тому же в этой бездельничавшей солдатской массе свободно действовали революционные агитаторы. Запасные батальоны разрастались до 6 тыс. человек, а офицеров в них было чуть ли не по одному на тысячу солдат. Да к тому же командиры не из лучших – инвалиды или те, кто всеми правдами и неправдами смог осесть в тылу. В связи с этим уместно сказать и о наличии в армии таких офицеров, которые так радостно получали полки в мирное время, чтобы скорее добиться гене-

ральского чина, а сейчас отказывались идти в войска. Со всех фронтов поступали Главковерху сообщения, что полковники Генерального штаба отказываются от принятия предлагаемых им полков. Относительно этого военный корреспондент Ставки М. К. Лемке в своем дневнике сделал следующую запись: «Полковники генерального штаба Скалон и Базаров не берут полков, которые им предлагали уже несколько раз как самым старшим в нашем управлении» [44, с. 168].

Такая проблема в Русской армии имела место не только с полковниками, но и с чинами повыше – генералами, в большинстве своем заполучившими столь высокое звание не на полях сражений и не на служении в действующей армии, а в придворном услужении. Таких «паркетных» генералов в Русской армии было немало. Они не слишком стремились занять командные должности во фронтовых частях, а старались выхлопотать себе теплое местечко где-нибудь в тылу, а еще лучше – при Штабе или инспекции в Ставке Русской армии. В частности, известный писатель С. Н. Сергеев-Ценский об одном таком курьезном случае пишет:

«Дама неопределенных лет, по-летнему просто и легко одетая, с нетяжелым небольшим чемоданчиком и зонтиком, неторопливой, но легкой походкой подошла на одной станции к единственному в поезде, шедшем в Могилев, вагону второго класса, показала свой билет кондуктору, вошла в вагон и отворила дверь в купе, в котором должно было быть ее место.

В купе плавали очень густые синие волны табачного дыма, и сердитый мужской голос прорвал эти синие волны:

– Сюда нельзя!

Присмотревшись, дама разглядела генеральские погоны и над ними тяжелую на вид голову, встопорщенные седые брови, толстые белесые торчащие в обе стороны усы.

– Мне только до Могилева... У меня пересадочный билет, – коротко сказала дама.

– У вас билет, а у меня доклад, – затворите дверь! – приказал генерал.

Из волнистого дыма проступил и другой бывший в купе военный средних лет, – по погонам полковник, – и объяснил несколько более пространно, но с не меньшей твердостью в голосе:

– Здесь составляется секретный доклад, и входить сюда никто не имеет права!

– Закройте же дверь! – снова приказал генерал.

Дама не разглядела на столике перед закрытым окном в купе ничего, кроме горлышек двух бутылок, но дверь закрыла и осталась в проходе, битком набитом пассажирами, из которых большинство были офицеры, едущие на фронт.

Час был еще довольно ранний, окна закрыты, и дама, с потертым немного кожаным чемоданчиком и в простенькой шляпке с сиреневой узкой лентой, так и простояла около окна несколько станций до Могилева.

Наконец, замедлив ход, поезд подходил уже к могилевскому вокзалу, и двери всех купе отворились. Из таинственного купе, где составлялся важный секретный доклад, показались генерал-лейтенант и полковник, вполне приготовившийся выйти, как только совершенно остановится поезд.

Вдруг кто-то из офицеров от дверей крикнул изумленно громко:

– Господа! На перроне сам наштаверх – генерал Алексеев!

Генерал-лейтенант переглянулся с полковником и заметно для всех начал оглядывать себя спереди и что-то подтягивать и застегивать, и перещупывать свои ордена, проворно заработав негибкими руками, а дама, поглядев на него, слегка улыбнулась; ни папки, ни портфеля для бумаг, среди которых мог храниться таинственный секретный доклад, она не увидела ни у генерала, ни у полковника, но вид у обоих стал очень озабоченный, деловой. Впрочем, и все офицеры в вагоне заволновались, точно перед инспекторским смотром.

Генерал даже пропустил ее вперед, когда стали выходить из вагона, и она расслышала, как он вполголоса спрашивал у полковника:

– Удобно ли будет мне представиться наштаверху здесь, на вокзале?

– Мне кажется, это в зависимости от того, зачем, собственно, при-
был сюда наштаверх, – весьма неопределенно ответил полковник.

И вот оба увидели, как дама, которую они не впустили в купе, идет легкой, быстрой походкой к самому наштаверху, а главное, имеет возможность так идти в густой толпе, потому что толпа почтительно расступается перед наштаверхом, который, радостно улыбаясь, движется навстречу даме, держа руку у козырька фуражки, так как офицеры, высыпающиеся из вагонов, застыли, делая ему фронт.

При Алексееве был один только младший адъютант, его прапорщик Крупнин, друг детства его сына корнета, а встречал он свою жену Анну Николаевну, мать этого бравого корнета, незадолго перед тем женившегося в Смоленске.

Генерал-лейтенант, приехавший в ставку выпрашивать себе должность или, как принято было говорить об этом в ставке, «наниматься» и совсем было уже решивший представиться наштаверху тут же, на вокзале, как только увидел, что простенько одетая дама с зонтиком и чемоданчиком, выхваченным из ее рук молодым офицером – адъютантом, обнимается с Алексеевым, поспешно отступил и спрятался за спину полковника.

Впрочем, он мог и не прятаться: Алексеев тут же под руку с женой повернул к задней площадке перед вокзалом, где стоял его штабной автомобиль, и на вокзале все сделалось более-менее обычным.

Очень крепко сидело в хозяине ставки семейное начало: это уже третий раз приехала в Могилев его жена. Ей удалось даже вырвать его на полтора дня в Смоленск на свадьбу сына, и ставка осталась вдруг без того, кто был ее основной движущей силой, ее душой, хотя в ней тогда жил сам верховный главнокомандующий, по обыкновению скучавший и соображающий, куда бы ему тоже поехать на смотр новых дивизий.

Конечно, Анна Николаевна уехала на другой же день, отняв очень немного времени у мужа, но она и в этот приезд слышала то же самое, что приходилось ей слышать и раньше: странные, на ее взгляд, но горько и искренне звучащие слова: “Полное безлюдье! Нет людей!”

Людей были миллионы, сотни миллионов, но оказалось величайшим трудом найти даже несколько человек, способных работать в ставке, как требовало суровое время великой войны. Но ставка была перед глазами, но в ставке за всех мог, имел еще силы работать он сам, – а фронт? А вся связь между ставкой и фронтом? А другая, гораздо более обширная связь между фронтом и тылом, между людской стеной, защищающей Россию, и самой Россией?

– Нет генералов! – говорил он ей, своей жене, видевшей за долгую совместную жизнь с ним множество генералов. – Как может выиграть Россия войну, если при таких прекрасных солдатах, каких она дает фронту, не в состоянии дать порядочных генералов?

– Как же так, Миша, нет генералов? – Их везде много, и они такие приверженные службе, что даже в вагоне не отдыхают, а пишут для тебя секретные доклады.

– Нет генералов! – еще горестнее повторил Алексеев. – Два-три, и обчелся!.. Пусть десять, двадцать, пусть даже пятьдесят сколь-нибудь способных на всю армию. А ведь их нужно иметь тысячи таких, чтобы были они настоящими, не подделкой! Не разжиревшими стариками

с микроскопическим свиным мозгом, не подагриками, как эта ни на что не годная развалина Безобразов, которому вручена почему-то вся гвардия!.. Ты представь только: цвет русского войска, гвардия, заведомо отдается царем на разгром!.. Почему же, я спрашиваю?.. Потому ли, что царь не вышел еще и сам в генералы, не успел выйти, – так и остался полковником?.. Эх! Ну, ничего, – это я расчувствовался, тебя увидев... Будем, конечно, тянуть свою ляжку, пока не надорвемся!..

Сказав это, он старался потом и улыбаться весело, и держаться браво. Таким он был всегда за долгую совместную жизнь с женой. Между служебным и семейным ставил он перегородку, чтобы одно не сливалось с другим.

Разговоры между ним и женой шли потом о маленьком, интимном, важном только для них двоих, а сетованье на безлюдье прорвалось потому, что наболело, что за ним виделось уже стихийное бедствие, угрожавшее и России, и их маленькому гнезду» [77, с. 183–186].

Обвинять, конечно, таких полковников и генералов было бы, однако, несправедливо, так как все они совершенно не были знакомы со строевой службой, потому что все время находились вне ее. Виноваты, как видится, те устроители Русской армии, которые создали тысячи таких невоенных военных, и те, которые не могут понять, что такие люди не должны привлекаться в строй во время войны, когда поздно учиться на чужой крови.

С 5 по 11 января 1917 г. на Северном фронте русскими была предпринята попытка ликвидации немецкого плацдарма, нацеленного на Ригу. Плацдарм не был захвачен, и тысячи русских солдат пополнили счет потерь. Известный русский писатель Алексей Толстой в романе «Хождение по мукам» об этом впоследствии написал: «В январе, в предупреждение весенней кампании, было предписано наступление на северном фронте. Бой начался под Ригой, студеной ночью. Вместе с открытием артиллерийского огня – поднялась снежная буря. Солдаты двигались в глубоком снегу, среди воя метели и пламени ураганом рвущихся снарядов. Десятки аэропланов, вылетевших в бой на подмогу наступавшим частям, ветром прибивало к земле, и они во мгле бури косили из пулеметов врагов и своих. В последний раз Россия пыталась разорвать сдавившее ее железное кольцо, в последний раз русские мужики, одетые в белые саваны, гонимые полярной вьюгой, дрались за империю, охватившую шестую часть света, за самодержавие...

Десять дней длился свирепый бой, тысячи жизней легли под сугробами. Наступление было остановлено и замерло. Фронт снова застыл в снегах» [86, с. 176]. Это была последняя наступательная операция Русской Императорской армии.

А между тем в Петрограде первые волнения разворачиваются в бурные революционные события. 24 февраля во время митингов произошли вооруженные столкновения с полицией. 25 февраля весь город вышел на улицу. На Знаменской площади произошло крупное столкновение полиции с народом, причем казаки приняли сторону народа, 27-го утром произошло восстание Литовского и Волынского полков, и толпы народа вместе с солдатами пошли к арсеналу, захватили оружие и освободили из тюрем как политических, так и уголовных заключенных. Начавшиеся в Петрограде беспорядки, как скажут потом историки, переросли в Февральскую революцию, хотя ни одна рабочая организация или политическая партия не предвидели такого поворота событий, поскольку первоначально выступления носили самопроизвольный характер. К 27 февраля 1917 г. столица фактически была охвачена восстанием рабочих и солдат и не контролировалась властями.

Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко 27 февраля писал в телеграмме на имя главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Н. В. Рузского: «Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок» [76, с. 295].

Вечером в Таврическом дворце состоялись заседания Петроградского Совета рабочих депутатов, переименованного вскоре в Совет рабочих и солдатских депутатов, решающее влияние в котором приобрели представители партий меньшевиков и эсеров. Его председателем был избран меньшевик Н. С. Чхеидзе, а сотоварищами – трудовик (затем эсер) А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. В рамках реализации своих властных функций Совет в «Приказе № 1» от 1 марта 1917 г. предписывал избрание во всех воинских частях солдатских комитетов с установлением контроля над оружием, подчинение солдат в политических выступлениях только Совету, а не офицерам и ряд других требований.

Руководство Совета считало, что легитимная власть может формироваться только под эгидой Государственной Думы, роль и авторитет которой в условиях народных волнений и полного бездействия царского правительства значительно повысился. Несмотря на то что указом царя

25 февраля заседания Думы были прекращены, все же активная деятельность ее членов в сложившейся ситуации продолжалась, и как результат 27 февраля 1917 г. был создан Временный комитет Государственной Думы, выступавший фактически как орган власти, пытавшийся влиять на ситуацию в охваченной революцией столице.

Но в Могилеве все было иначе. Все эти дни ярко светило весеннее солнце, текли ручьи, и веселая толпа горожан, радуясь наступлению весны, весело проводила время на улице. И хотя переворота ожидали давно, но когда он наступил, то этому вначале не поверили, а когда информация о грозных событиях в Петербурге дошла до Могилева, определенно заговорили о происшедшей революции.

Получив известия о событиях в Петрограде, Николай распорядился направить в столицу на улаживание бунта войска с фронта под командованием генерала Н. Иванова. Также отправил распоряжения премьеру Голицыну распустить Думу, а военному коменданту генералу Хабалову – пресечь беспорядки. Но было уже поздно. В столице был полный хаос.

Одновременно Николай II выехал из Могилева в Царское Село – свою постоянную резиденцию, где находилась его семья, с которой он желал поскорее воссоединиться, опасаясь насилия в отношении ее. Однако добраться туда он не смог: революционная волна как бы катилась ему навстречу, и со станции Малая Вишера два царских поезда вынуждены были повернуть назад и двинулись в Псков, где находился штаб Северного фронта, и были остановлены на станции Дно. Здесь Николай II подвергся сильному давлению со стороны главнокомандующего фронтом генерала Н. Рузского, являвшегося, кстати сказать, одним из заговорщиков, который, действуя в тесном контакте с начальником Штаба Ставки генералом Алексеевым и главнокомандующими другими фронтами, убедили царя пойти навстречу требованиям думской оппозиции.

Посланные в Петроград войсковые части, авангард которых уже достиг Царского Села, были остановлены приказом царя по причине несоответствия поставленной им ранее карательной задачи новому варианту, рассчитанному на политическое решение конфликта. Но, когда обрадованный Рузской связался с Родзянко, чтобы сообщить ему о долгожданной уступке Николая II, он услышал слова, буквально потрясшие его. Родзянко заявил, что эта уступка уже запоздала, что теперь ребром встал вопрос об отречении Николая в пользу малолетнего наследника – цеса-

ревича Алексея при регентстве брата Николая – великого князя Михаила Александровича.

Два посланца Думы, А. И. Гучков и В. В. Шульгин, уже направились с этим требованием в Псков.

Но еще до их прибытия (днем 2 марта) начальник Штаба Ставки Алексеев, находившийся в постоянном контакте с М. Родзянко, решил принять и эту новую позицию думского Временного комитета. Однако, чтобы не брать всю инициативу и ответственность на себя, он, вероятно, по совету Рузского, особой телеграммой запросил мнение всех командующих фронтами и флота относительно возможного отречения царя в пользу наследника Алексея. В результате Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров, Непенин, великий князь Николай Николаевич поддержали идею отречения. Воздержался только адмирал Колчак. В результате царь в роковую минуту остался в одиночестве. Вероятно, после этого царь записал в своем дневнике: «Кругом измена, трусость и обман».

В 3 часа дня 2 марта генерал Рузской со всеми телеграммами, полученными от Алексеева из Ставки, в сопровождении генералов С. Савича и Ю. Данилова явился к царю. Николай II согласился на отречение в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Это, как мы знаем, полностью соответствовало задачам Гучкова и Шульгина. Но, когда по приезде в Псков поздно вечером 2 марта они изложили Николаю свой вариант отречения (в пользу Алексея), он неожиданно для всех присутствующих заявил, что отрекается и за себя, и за прямого наследника в пользу брата – Михаила Александровича [37, с. 28–30].

По российским законам о престолонаследии, монарх имел право решать только за себя, но не за наследника. Николай II вместо отречения в пользу Алексея с назначением регента отрекся в пользу брата Михаила, что фактически делало его отречение недействительным.

Дума предложила Михаилу Александровичу занять престол до Учредительного собрания. Однако Михаил, оценив проблемную для России ситуацию на фронте, моральное состояние армии, не желающей продолжать войну, бунты недовольных жизнью петроградцев, по совету своего адвоката от предложения любезно отказался, формально сославшись на незаконность отречения.

Таким образом, царская монархия в лице последних представителей Романовых добровольно самоустранилась в пользу Учредительного собрания, которому отводилась роль вершителя судьбы России.

Тогда же на основе Временного комитета Думы было создано Временное правительство. В него вошли Г. Львов, Гучков, Милюков, Коновалов, Мануйлов, Терещенко, Шингарев, В. Львов, Годнев, Керенский. Председателем Временного правительства Георгий Львов утвердил сам царь одновременно с отречением. Верховным главнокомандующим Николай II назначил великого князя Николая Николаевича.

В Декларации Временного правительства, которое провозгласило курс на демократизацию страны, ставились следующие задачи:

«1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и Конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам» [76, с. 297].

Состав и программа Временного правительства во многом явились результатом переговоров и соглашения между думским Временным комитетом и эсеро-меньшевистским Исполкомом Петроградского Совета, который фактически передал свою власть буржуазным партиям. Временным правительством называлось потому, что оно брало власть только до Учредительного собрания, органа, свободно избираемого всем народом, чтобы решить и политическое, и экономическое устройство будущей России.

Английская газета «Таймс» писала в те дни: «Величайшая опасность заключалась в том, что царь не сумел оценить требования момента с достаточной быстротой и вступил в борьбу с революцией. Но он обнаружил достаточно государственной мудрости и бескорыстного патриотизма, сложив свою власть, и спас свой народ от гражданской войны и свою столицу от анархии» [74]. Увы, газета ошиблась...

Отречение Николая II имело большое значение в определении хода дальнейших событий. Особенно этот акт повлиял на позицию «верхов» армии. Формально оно освобождало генералитет и офицерство от присяги и фактически нейтрализовало возможные реставрационистские попытки в их среде. Потребовалось время, чтобы монархически настроенные военные оправились от шока первых мартовских дней и начали искать пути для борьбы с революцией.

Государь вернулся из Пскова в Могилев не Императором Всероссийским, а полковником Романовым – так приветствовал его на вокзале Георгиевский батальон.

В Могилев приехала мать отрекшегося государя, вдовствующая императрица Мария Федоровна, и пробыла с ним целую неделю¹³. Императрица Мария Федоровна прибыла 4 марта в сопровождении зятя, великого князя Александра Михайловича, генерал-майора свиты князя С. А. Долгорукова и близкой фрейлины Зинаиды Менгден. По воспоминаниям этой женщины, за окном вагона было холодно и зябко, впрочем, как и на душе у Николая, приехавшего их встречать на могилевский вокзал. Они увидели царя, стоявшего в одиночестве на перроне, далеко от большой свиты. При этом Николай был спокоен и полон достоинства, но выглядел смертельно бледным. «Мой фотоаппарат, – писала Менгден, – лежал в столе в купе, и я намеревалась запечатлеть момент встречи. Однако в ту секунду я вдруг почувствовала, что не в состоянии это сделать – я не могла фотографировать царя в его несчастье.

Поезд с императрицей остановился. Два казака и два офицера стали у дверей вагона Марии Федоровны. Она спустилась вниз и пошла навстречу своему сыну, который медленно приближался к ней. Они обнялись. Окружающие приветствовали их, склонив головы. Воцарилась глубокая тишина. Затем мать и сын вошли в небольшой деревянный сарай, служивший, по-видимому, гаражом. Когда после некоторого промежутка времени императрица-мать и царь вышли наружу, их лица были спокойны, и ничто в их облике не выражало той глубокой боли, которую они испытывали».

Генерал-майор Д. Н. Дубенский¹⁴ встречу Николая II с матерью описал следующим образом: «Стояла ветреная, свежая погода. На военную платформу часам к 3 дня прибыли Его Величество, вся свита Государя, великие князья Александр и Сергей Михайловичи, генерал Алексеев со старшими чинами своего штаба.

Около 20 минут пришлось прождать прибытия поезда императрицы-матери. Государь опять в Кубанской казачьей форме ходил с дежурным флигель-адъютантом герцогом Лейхтенбергским, держась довольно далеко от всех отдельных лиц.

Среди свиты и штабных шли разговоры, будто бы в гарнизоне Ставки между нижними чинами начались брожения, были митинги и вынесено заявление, переданное генералу Алексееву, что солдаты требуют удаления из Могилева графа Фредерикса и дворцового коменданта генерала Воейкова. Солдаты будто не доверяют этим лицам, и если их желание не будет немедленно исполнено, то волнение может угрожать и Его Величеству. Генерал Алексеев доложил об этом Государю и с разрешения Его Величества передал министру Двора графу Фредериксу и генералу Воейкову указания, что они должны ныне же оставить Ставку. Сообщение это всех очень удивило и многих возмутило. Ясно, что басне, сплетне сразу придали значение и поспешили удовлетворить наглое требование заволновавшихся солдат. Генерал Алексеев отлично знал, что граф Фредерикс и генерал Воейков неповинны, однако не посмел отказать солдатам, генерал Алексеев превосходно понимал, что, удаляя принудительно министра Двора и дворцового коменданта Ставки, он тем самым оскорблял Его Величество и как бы подтверждал вздорные слухи о предательстве и измене России этих ближайших лиц Государя.

Наконец опоздавший поезд подошел к платформе. К вагону, где находилась императрица Мария Федоровна, подошел Государь. Навстречу ему вышла царица-мать; они обнялись и трижды поцеловались, затем несколько минут беседовали между собой. Потом Государыня обошла великих князей, свиту, разговаривая и приветливо улыбаясь. Императрица была бодра и имела свой обычный и дорогой всем русским добрый, ласковый вид. После этого Государь и императрица прошли в стоявший здесь на платформе какой-то маленький, случайный сарайчик и оставались там, беседуя друг с другом с глазу на глаз, с четверть часа.

Помню, все находившиеся при этой встрече царицы-матери с оставившим престол сыном ее императором Николаем II были поражены той выдержкой, при которой произошло это первое между ними свидание

после того, как совершился величайший в истории Российской акт – результат страшной революции во время небывалой мировой войны.

Долго никто не говорил, боялись как будто нарушить своим голосом серьезность встречи. Помню, особняком держался генерал Алексеев, около него никого не было. Он был смущен и взволнован.

По выходе из сарайчика Государь и императрица-мать сели в автомобиль и проследовали в дом, где жил Его Величество, и долго там оставались наедине друг с другом. Затем к вечеру Государь отправился с матушкой своей в ее поезд, откуда вернулся к себе только к ночи» [31, с. 71–72].

Из дневника матери Николая II Марии Федоровны: «4/17 марта. Спала плохо, хотя постель была удобная. Слишком много тяжелого. В 12 часов прибыли в Ставку, в Могилев в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции, мы отправились вместе в его дом, где был накрыт обед вместе со всеми. Там также были Фредерикс, Сергей Михайлович, Сандро, который приехал со мной, Граббе, Кира, Долгоруков, Воейков, А. Лейхтенбергский, Ежов и доктор Федоров. После обеда бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Он открыл мне свое кровоточащее сердце, мы оба плакали. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию; затем – чтобы спасти страну – предложил образовать новое правительство и Ники (невероятно!) – отречься от престола в пользу своего сына. Но Ники, естественно, не мог расстаться со своим сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он, наконец, сдался и подписал манифест. Ники был невероятно спокоен и величествен в этом ужасно унижительном положении. Меня как будто оглушили. Я ничего не могу понять! Возвратилась в 4 часа, разговаривали с Граббе. Он был в отчаянии и плакал. Ники пришел в 8 часов ко мне на ужин. Также был Мордвинов. Бедняга Ники открыл мне свое кровоточащее сердце, и мы оба плакали. Он оставался до 11 часов...» [28, с. 175–176].

«5/18 марта. Была в церкви, где встретила с моим Ники, молилась сначала за Россию, затем за него, за меня, за всю семью. В 11 часов служба окончилась. К завтраку приехал Александр и просил меня, чтобы Ники уехал. Я спросила – куда, за границу?! То же самое советовал Фредерикс. Ники сказал мне, что ему тоже советуют уехать как можно скорее, но он думает, что нужно дождаться ответа из Петербурга: безо-

пасно ли там. Возможно, ответ придет завтра. Он был невероятно спокоен...» [28, с. 176].

«6/19 марта. Позор перед союзниками. Мы не только не оказываем влияния на ход войны, но и все потеряли».

«7/20 марта. Написала письмо Аликс (супруге Николая II. – *Авт.*), получила, наконец, и от нее три старые телеграммы... Завтракала с Ники. Снег идет постоянно. Ники принял военных агентов, а я в 3 часа отправилась к себе. Все безнадежно плохо!»

«Все ужасно! Да поможет Бог! Ники приехал в середине дня с Лейхтенбергским. Я передала ему, что Александр и Вильямс советуют ему не задерживаться в Царском Селе. Прибыл Нилов и сказал, что Ники может завтра ехать...» [24].

Чувствовалось, что там, за стенами в доме Ставки, к комнатах которой расположилась императрица Мария Федоровна происходит страшная драма. Там нет уже Императора Всероссийского, а несчастный сын, нуждающийся в тяжелую минуту своей жизни в словах утешения самого близкого человека – матери.

Отречение Николая II вызвало бурную и неожиданную реакцию у членов царской семьи. Налицо раскол в семейных отношениях династии Романовых. (Примечательно, что великий князь Кирилл Владимирович явился в Думу с красным бантом и выказал поддержку Временному правительству 1 марта 1917 г., то есть за день до отречения царя.) Великие князья Николай Михайлович и Павел Александрович дали интервью с резкой критикой родственника – царя. Они приветствовали Февральскую революцию и выразили свою поддержку новой власти. Даже великая княгиня Елизавета Федоровна прислала из Москвы телеграмму Временному правительству о своей лояльности.

Последний российский император никак не мог предвидеть измену близких людей и страшный финал, который вскоре ожидал его семью. Он еще размышлял, куда лучше перебраться: в Ливадию или в Великобританию, ведь у Александры Федоровны были английские корни. Более того, Великобритания поначалу дала согласие на прием царской семьи, а потом вдруг по дипломатическим каналам запутала свое отношение к событию как к чисто российской проблеме. Получается, союзником Англия была у Русской армии, но отнюдь не у российского императора Николая II, и даже не у родственницы королевы императрицы Александры Федоровны.

А в это время в обеих столицах тысячные толпы народа праздновали весну революции, повсюду развевались красные флаги и вожди различных революционных партий произносили зажигательные речи.

В Могилеве же не было ни толп, ни вождей. Но вскоре и сюда докатилась волна долго культивированной ненависти к Самодержцу Российскому. Небольшая кучка, человек 25–30, с пением «Марсельезы» прошла по улицам города, пугливо озираясь по сторонам, боясь нападений. И, только когда демонстранты подошли к дому Ставки, где был государь с матерью, они, под молчаливое одобрение многочисленной толпы народа и офицеров, начали выкрикивать оскорбления в адрес царственных особ, бить палками по стенам и срывать с дома Ставки трехцветное знамя и гербы. И не нашлось никого, кто бы выступил против этих беспорядков, выросших со временем в разнузданный шабаш беснующейся толпы, сметающей все и вся на своем пути.

В воскресенье государь, по обычаю, пришел в ставочную церковь, в которой, как всегда, прекрасно пел хор, Георгиевский батальон цепью отделял государя от публики, так же, как всегда, дьякон произнес многолетие за царственный дом. По окончании обедни государь сошел с амвона и обратился к публике, наполнившей церковь, с прощальными словами. Люди молча слушали последние слова последнего монарха.

Д. Н. Дубенский записал в этот день: «Холодный ветер дул из-за Днепра. Старая церковь, построенная борцом за православие белорусским епископом Георгием Конисским, окруженная каменной оградой, была переполнена. Стояли рядами солдаты, а посередине прохода спереди, ближе к алтарю, все заполнили генералы, офицеры и служебный персонал Ставки. Служил весь штабной притч с превосходным, хотя и небольшим, хором певчих. Служба проходила по обычаю благолепно и благочинно. Государь и императрица прибыли к началу службы и прошли на царские места за левой колонной против северных дверей. Тут размещено много жертвованных в Ставку образов, поставлены два простых деревянных кресла, разостланы ковры, теплятся лампадки. С переездом Ставки в Могилев храм Св. Троицы служил штабной церковью.

В храме стояла удивительная тишина, и глубоко молитвенное настроение охватило всех пришедших сюда. Все понимали, что в церковь прибыл последний Государь, еще два дня тому назад самодержец величайшей Российской империи и Верховный главнокомандующий великой русской армии, с матерью своей императрицей, приехавшей проститься с сыном, бывшим русским православным царем. А на ектениях поми-

нали уже не самодержавнейшего великого Государя нашего императора Николая Александровича, а просто Государя Николая Александровича. Легкий, едва заметный шум прошел по храму, когда услышана была измененная ектения.

“Вы слышите, уже не произносят “Самодержец”, – сказал стоявший впереди меня генерал Нарышкин.

Многие плакали. Генерал Алексеев, вообще очень религиозный и верующий человек, усердно молился и подолгу стоял на коленях. Я невольно посмотрел на него и подумал, как он в своей молитве объясняет свои поступки и действия по отношению к Государю, которому он не только присягал, но у которого был ближайшим сотрудником и помощником в эту страшную войну за последние полтора года. Я не мог решить, о чем молится Алексеев.

Я не помню за всю мою жизнь такой обедни и такого отношения к службе у всех молящихся.

Когда Государь со своей матушкой, приложившись к кресту, вышли из церкви и сели в автомобиль, то они были окружены густой стеной солдат и офицеров, смотревших на них особым преданным и сочувственным взглядом. Многие из нас не только отдавали честь, но снимали шапки. Царский автомобиль тихо продвигался, а сидевшие в нем Государь и императрица кланялись народу, и грустен был их взгляд» [31, с. 79–80].

Со здания Городской думы, находившегося на площади, напротив губернаторского дома, свешивались чуть ли не до земли два громадных куска красной материи.

После посещения церкви государь направился в Ставку, где попрощался со ставочными офицерами. Он поблагодарил всех за верную службу, иностранных представителей просил передать союзникам его благодарность за поддержку России и просил всех офицеров служить так же честно новому правительству России, как они служили ему.

Все дни пребывания в Могилеве, с 4 до 8 марта, государь проводил в таком порядке. После утреннего чая, в начале девятого часа, он начал принимать разных лиц, что продолжалось до самого завтрака, т. е. до половины первого. Государь за эти четыре дня простился с военными агентами и представителями союзных держав, со своей свитой и с целым рядом служебного мира Ставки. К завтраку приезжала императрица со своим небольшим штатом и после 3 часов вместе с государем уезжала к себе в поезд. Здесь Его Величество оставался до позднего вечера.

По воспоминаниям современников, царь, прощаясь с тем или иным лицом, всегда говорил ему то, что особенно было дорого этому лицу. Надо было подумать о человеке, вспомнить его интересы, чтобы прощальное слово упало на сердце тому, кто пришел последний раз взглянуть на своего монарха... Государь с каждым целовался и так хорошо, добро смотрел на уходящего от него, что никто не мог оставить Его Величества без слез. Все одинаково сознавали, что теряют не только государя, но и человека редких духовных качеств: доброго, ласкового, отзывчивого, всегда вникавшего в ваше положение, человека широкого ума, образования и полного благородства.

По завершении прощания государь переехал в поезд своей матушки и там ожидал прибытия членов Думы в Могилев для сопровождения его в Царское Село. С государем должны были уехать из Ставки: генерал-адъютант Нилов, генерал князь Долгорукий, генерал Нарышкин, лейб-хирург С. П. Федоров, генерал М. Д. Дубенский, флигель-адъютант полковник герцог Н. Лейхтенбергский, церемониймейстер барон Штакельберг и служащие в канцелярии Министерства Двора. Остальные: командир конвоя Его Величества граф Граббе, командир собственного Его Величества Железнодорожного полка генерал Цабель и флигель-адъютант полковник Мордвинов – оставались в Ставке.

Тем временем политическая обстановка в Могилеве стала изменяться. Находившийся в Ставке Д. Н. Дубенский записал в этот день: «Солдатская масса Ставки, спокойная в первые часы революции и совершенно не ожидавшая нагрянувших событий, стала понемногу волноваться. Приехали агитаторы, появились газеты, радостно сообщавшие о “бескровных днях” переворота, наконец, ясный переход генерала Алексева на сторону Временного правительства, все сделало то, что и войска царской Ставки начали организовывать митинги и собрания, тем более что еврейский Могилев, конечно, стал идти полным ходом к “свободе”.

Утром стало известно, что на базаре соберутся войска Ставки и будет какой-то митинг. Генерал Алексеев, желая сдержать солдат, приказал, чтобы свои части сопровождали офицеры...

Вечером ко мне пришел Н. И. Иванов. Оказывается, на вокзале возникли беспорядки, и ему пришлось оставить свой вагон, в котором он постоянно жил...» [31, с. 99–100].

Вечером 7 марта государь писал свой прощальный приказ по войскам. В этом последнем слове Русской армии, а через нее и всему народу сказала у царя глубочайшая любовь и безграничная преданность Родине.

Уже бывший император Николай II подписал приказ № 371, в котором значилось:

«В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

Николай.

8 марта 1917 года.

Ставка.

Подписал: начальник штаба генерал Алексеев» [29, с. 354].

Однако вскоре после того, как Николай II подписал этот приказ, в Ставку пришла телеграмма от Гучкова как военного министра с запрещением распространять его между солдатами и печатать. Этому распоряжению подчинился сразу генерал Алексеев, не подчиненный вообще военному министру, и таким образом о существовании прощального слова государя к войскам не было известно даже некоторым командующим армиями. В величайшем секрете приказ этот держался в Ставке, и о нем знали только несколько лиц. До государя на другой день дошло известие о запрещении опубликовать его прощальное слово войскам, и Его Величество был глубоко опечален и оскорблен этим непозволительным распоряжением. Каждый час и минута приносила царю все новые и новые горести.

Подписывая свой последний по армии документ, царь не знал, что еще накануне, 7 марта, Временное правительство постановило признать Николая II и его супругу лишенными свободы. Отрекшегося императора было предписано доставить в Царское Село. Императрица Александра Федоровна была арестована еще за два дня до этого. Арест императрицы лично осуществил новый главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов, чья судьба в скором времени будет тесно связана с Белым движением.

В тот же день, 7 марта 1917 г., Временное правительство (вслед за Петросоветом) принимает решение об аресте Николая II. В журнале № 10 заседания Временного правительства от 7 марта 1917 г. записано:

«Слушали: 1. О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги.

Постановили:

1. Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село.

2. Поручить генералу Михаилу Васильевичу Алексееву представить для охраны отрекшегося императора наряд в распоряжение командированных в Могилев членов Государственной думы: Александра Александровича Бубликова, Василия Михайловича Вершинина, Семена Федоровича Грибунина и Савелия Андреевича Калинина.

3. Обязать членов Государственной думы, командируемых для сопровождения отрекшегося императора из Могилева в Царское Село, предоставить письменный доклад о выполнении ими поручения.

4. Обнародовать настоящее поручение» [22; 29, с. 338–339].

Относительно ареста Николая II А. А. Бубликов пишет: «Понятно, вопрос об аресте царя потребовал длительного обсуждения, тем более что и представлен он был Совету Министров в совершенно сыром виде, как голая мысль.

Самый акт ареста решено было именовать – объявлением царя “лишенным свободы”. На мой вопрос, как его именовать в третьем лице и при обращении, буде таковое потребует, решили именовать: “бывшим императором”, а относительно титулования, при личном общении, поколебавшись немного между Вашим Высочеством и Вашим Величеством, остановились на последнем, однако без прибавления слова Императорское.

Попутно выяснилось, что царь обращался к Временному правительству с тремя просительными пунктами: 1) об обеспечении ему безо-

пасного проезда из Могилева до Царского, 2) об охране его во время пребывания в Царском и 3) об обеспечении его проезда на Мурман и в Англию.

Решено все три просьбы удовлетворить и вписать об этом в постановление Совета Министров, коим царь объявлялся лишенным свободы.

Вопрос о приставлении к арестованному царю стражи и об отобраании у него шпаги так и остался необсужденным, ибо я, молча, решил этих церемоний не проделывать» [7, с. 47–50].

Отъезд отрекшегося государя из Могилева, по приказанию из Петрограда, был назначен на утро 8 марта по приезде за ним посланцев Временного правительства. Однако бесконечные речи, произносимые на промежуточных станциях, задержали в дороге эmissаров, и они прибыли со значительной задержкой.

«Около половины одиннадцатого, – пишет в своих воспоминаниях генерал-майор Н. М. Тихменев, – я получил записку, что Государь перед отъездом желает попрощаться с чинами Ставки, чего как раз и не желали, по-видимому, в Петрограде. Генерал Алексеев просил собраться по возможности всех в 11 час. в помещении Управления Дежурного Генерала. Едва успел я дать знать об этом подчиненным мне и расположенным в разных зданиях учреждениям, как наступило уже время идти. “А Вы не пойдете?” – спросил я встретившегося мне ген. К. “Нет, знаете, что же там, – небрежно ответил он мне. – Надо, наконец, решить, какого берега держаться”. Нечего или, вернее, бесполезно было отвечать. Я пришел на место собрания одним из последних. Ген. Алексеев был уже там. Это была довольно большая зала, бывшая в мирное время залой заседания могилевского окружного суда. От середины обеих длинных стен залы отходили невысокие балюстрады, оставляющие между собой широкий проход и отделявшие, в былое время, места для публики от судейских мест. Собравшиеся разместились в несколько тесно сбитых рядов по стенам, вокруг зала и по обе стороны балюстрад, образовав, таким образом, как бы восьмерку. В правом верхнем углу этой восьмерки находилась входная дверь. Направо от нее, вдоль по поперечной стене зала, стали нижние чины – человек 50–60 – конвойцы, солдаты Георгиевского батальона, Собственного Его Величества Сводного пехотного полка, кое-кто из писарей. Налево около двери стал ген. Алексеев. Далее помещались, по очереди, все управления Штаба. Мне пришлось стоять в правом нижнем углу восьмерки, а мои многочисленные подчиненные и путейские чины заняли всю внутреннюю, кроткую стену зала. Левее

нас, по длинной стене, стояли офицеры конвоя, Георгиевского батальона, Сводного полка и другие. Правее меня и рядом со мной стоял полевой интендант ген. Егоров со своими чинами. Настроение в зале было очень нервное и напряженное. Чувствовалось, что достаточно малейшего толчка, чтобы вывести эту толпу из равновесия.

Ровно в 11 час. в дверях показался Государь. Поздоровавшись с Алексеевым, он обернулся направо к солдатам и поздоровался с ними негромким голосом, как здоровался в комнатах. “Здравия желаем, Ваше Императорское Величество”, – полным, громким и дружным голосом отвечали солдаты. Выслушав ответ нижних чинов, Государь быстро направился в глубь залы и остановился в перехвате восьмерки, в нескольких шагах от меня, лицом в мою сторону. Я ясно и до мельчайших подробностей видел его фигуру и лицо. Он был одет в серую кубанскую черкеску, с шашкой через плечо. Единственное изменение заключалось в том, что все военные союзнические кресты, учрежденные во время войны, которые он носил постоянно, были сняты. На груди висел лишь один Георгиевский крест, ярко белевший на темном фоне черкески. Левую руку с зажатой в ней папашой он держал на эфесе шашки. Правая была опущена и сильно и заметно дрожала. Лицо было еще более пожелтевшее, посеревшее и обтянутое и очень нервное. Остановившись, Государь сделал небольшую паузу и затем начал говорить речь. Первые слова этой речи я запомнил буквально. Он говорил громким и ясным голосом, очень отчетливо и образно, однако сильно волнуясь, делая неправильные паузы между частями предложения. Правая рука все время сильно дрожала. “Сегодня... я вижу вас... в последний раз, – начал Государь, – такова воля Божия и следствие моего решения”. Далее он сказал, что отрекся от престола, видя в этом пользу России и надежду победоносно кончить войну. Отрекся в пользу брата вел. кн. Михаила Александровича, который, однако, также отрекся от престола. Судьба Родины вверена теперь Временному правительству. Он благодарит нас за верную службу ему и родине. Завещает нам верой и правдой служить Временному правительству и во что бы то ни стало довести до конца борьбу против коварного, жестокого, упорного – и затем следовал еще целый ряд отлично подобранных эпитетов – врага. Государь кончил. Правая рука его уже не дрожала, а как-то дергалась. Никогда не наблюдал я такой глубокой, полной, такой мертвой тишины в помещении, где было собрано несколько сот человек. Никто не кашлянул, и все упорно и точно не мигая смотрели на Государя. Поклонившись нам, он повер-

нулся и пошел к тому месту, где стоял Алексеев. Отсюда он начал обход присутствующих. Подавая руку старшим генералам и кланяясь прочим, говоря кое-кому несколько слов, он приближался к моему месту. Когда он был в расстоянии нескольких шагов от меня, то напряжение залы, все время сгущавшееся, – наконец разрешилось. Сзади Государя кто-то всхлипнул. Достаточно было этого начала, чтобы всхлипывания, удерживать которые присутствующие были, очевидно, уже не в силах, раздалась сразу во многих местах. Многие просто плакали и утирались. Вместе с всхлипываниями раздалась и слова: “Тише, тише, вы волнуете Государя”. Однако судорожные перехваченные всхлипывания эти уже не утихали. Государь оборачивался направо и налево, по направлению звуков, и старался улыбнуться, однако улыбка не выходила, а выходила какая-то гримаса, оскалившая ему зубы и искажавшая его лицо; на глазах у него стояли слезы. Тем не менее он продолжал обход.

Подойдя к офицерам своего конвоя, он никому не подал руки, потому что виделся уже с ними утром отдельно. Зато он поздоровался со всеми офицерами Георгиевского батальона, только что вернувшимися из экспедиции в Петроград. Судорожные всхлипывания, вскрики не прекращались. Офицеры Георгиевского батальона – люди, по большей степени несколько раз раненные – не выдержали: двое из них упали в обморок. На другом конце залы рухнул кто-то из солдат конвойной стражи. Государь, все время озираясь на обе стороны, со слезами в глазах, не выдержал и быстро направился к выходу. Навстречу ему выступил Алексеев и начал что-то говорить. До меня долетели последние слова взволнованного голоса Алексеева: “А теперь, Ваше Величество, позвольте мне пожелать Вам благополучного путешествия и дальнейшей, сколько возможно, счастливой жизни”. Государь обнял и поцеловал Алексеева и быстро вышел» [29, с. 335–357].

Рассказ Н. М. Тихменева дополняют воспоминания А. А. Мордвинова: «В этот день, 8 марта, день отбытия Его Величества из Ставки, нам утром выдали из управления дежурного генерала удостоверения личности, в которых было сказано, что “предъявитель такой-то назначен для сопровождения бывшего императора”. Редакция эта меня очень возмутила, тем более что в выдаче новых удостоверений мы вовсе не нуждались, имея при себе старые, полученные от Военно-походной канцелярии Его Величества.

В этот день утром Государь прощался с чинами штаба, собранными в большом зале управления дежурного генерала.

Всем было невообразимо тяжело: двое или трое упали в обморок, многие плакали. Государь говорил ясно, отчетливо, с глубоким сердечным волнением. Что говорил он – я не помню. Я только слышал звук его голоса и ничего не понимал.

Как говорили, Государь не мог кончить своих прощальных слов и сам, очень взволнованный, вышел из зала. Я вышел вслед за ним.

Потом приходили наверх прощаться поодиночке все иностранные военные агенты... Даже сдержанный Вильямс вышел из кабинета Государя растроганный. О Коанде, Жанене, Риккеле и Леонткевиче нечего и говорить: глаза их были полны слез. Серб Леонткевич долго не мог успокоиться и все повторял с отчаянием и вместе с тем с уверенностью: «Россия без царя... это невозможно, этого никогда не будет»...» [60, с. 131–132].

Собираясь к отъезду из Могилева в Царское Село, Николай II и не подозревал того, что эмиссары Временного правительства привезли приказ о его аресте. Эмиссары даже не решились вручить его бывшему царю непосредственно в Ставке. Ничего не подозревая, Николай II уехал на железнодорожный вокзал. Здесь под парами стоял царский поезд. Уже в вагоне этот приказ вручил ему вдогонку генерал Алексеев.

В этот же день прибывший из Петрограда фельдъегерь привез вместе с другими и приказание временно командовавшего императорской Главной квартирой генерал-адъютанта Максимовича, объявляющего, что из лиц Государевой свиты только генералы преклонного возраста, согласно приказу нового военного министра Гучкова¹⁵, могут, если пожелают, подать в отставку. Но что молодые не имеют права покидать службу до конца войны.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна записала в своем дневнике: «8/21 марта. Среда. Сегодня один из самых горестных дней в моей жизни! Я рассталась с моим любимым Ники! В первую половину дня видела Вельяминова. Я долго с ним разговаривала. После 12 пришел Ники – проститься со Штабом и остальными. В особенности тяжело ему было расставаться со своим любимым Конвоем. Пообедали у меня в поезде: Борис и мои. Был командир полка Георгиевских кавалеров генерал Иванов. Какой бесподобный человек! Он произвел на меня прекрасное впечатление. Ники прощался с ним и передал приветствие Георгиевским кавалерам. Сидели вместе до 5 часов – пока он не ушел. Какое ужасное, горестное прощание! Да поможет ему Бог! Смертельная усталость от всего. Нилову вместе с Ники ехать не позволили. Какая

досада! Большая часть свиты остается в Могилеве. С Ники поедут только: Лейхтенбергский, В. Долгоруков, Кира, проф. Федоров. Как все это печально сознавать!» [28, с.177].

Сцену прощания с Николаем приводит в своих воспоминаниях А. А. Мордвинов: «В губернаторском доме, куда я направился, был полный хаос: внизу шла усиленная укладка дворцового имущества, стояли ящики, лежали свороченные ковры, суежилась прислуга. Я машинально вошел в пустую залу и увидел двери кабинета широко открытыми... Государь был один, стоял в глубине комнаты, около письменного стола, и неторопливо, как мне показалось, спокойно собирал с него разные вещицы, видимо, для укладки. “Спрошу у него самого, как лучше... скажу про свои сомнения, сейчас же, пока он один и не занят, – мелькнуло в моих мыслях, – а вдруг это покажется лишним?” Но я уже входил в кабинет.

“Что, Мордвинов?” – спросил Государь.

“Ваше Величество, – очень волнуясь и сбивчиво заговорил я, – я только что был у генерала Вильямса, чтобы проститься с ним перед отъездом, и он мне настойчиво советует пока оставаться здесь... говорит даже, что почему-то будет полезнее для Вас... Ваше Величество, ведь вы меня знаете... мои вещи уже в поезде, сам я не знаю теперь, как быть... Как Вы думаете, что будет лучше для Вас... быть может, Вам действительно будут нужны когда-нибудь преданные люди, находящиеся здесь...”

“Конечно, оставайтесь, Мордвинов”, – как мне показалось, без колебаний и даже с ударением на слово “конечно” сказал Государь, порывисто приблизился ко мне, обнял и крепко поцеловал...

Через несколько минут я уже ехал с другими товарищами по свите на станцию к императорскому поезду...

Императорский поезд уже стоял на станции, недалеко от него находился и поезд вдовствующей императрицы, которая тоже намеревалась уехать в тот же день. Государя ожидали на вокзале не раньше, как через полчаса...

Вскоре прибыл на вокзал Государь. Мы, свита, завтракали отдельно в императорском поезде, а Его Величество очень долго в поезде у Государыни. Затем мы все ходили прощаться с Ее Величеством и вернулись к себе в вагон. Помню, что я взял себе на память о дорогом минувшем прошлом простое, уже никому не нужное деревянное кольцо от салфетки, на котором было выжжено мое имя, и написал, для отсылки с Лук-

зеном, отправлявшимся с моими вещами в поезде, короткую записку жене, а на словах просил своего старика не тревожить жену излишними намеками и предположениями о моем аресте.

Не помню, кто из чинов штаба, собравшихся на проводы, показал мне снова телеграмму князя Львова, адресованную генералу Алексееву. Эта телеграмма гласила: “Временное правительство постановило предоставить бывшему императору беспрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования в Мурманск”. Телеграмма эта очень всех нас успокоила.

Тут распространился слух, что какие-то представители Временного правительства прибыли в Могилев, чтобы сопровождать поезд Государя и якобы оберегать его от всяких случайностей.

Хотя и немного смущенно, они все же разыгрывали роль начальства, приказали прицепить свой вагон к императорскому и не позволили офицеру конвоя сопровождать поезд. Графу Граббе с трудом удалось устроить туда трех ординарцев-урядников...

Я видел лишь издали этих трех-четырёх делегатов на рельсах среди вагонов, о чем-то совещавшихся. Фигуры их, не то зажиточных мастеровых, не то захудалых провинциальных чиновников...

Как выяснилось, они рассматривали список сопровождавших и запретили почему-то адмиралу К. Д. Нилову следовать в поезде...

– Вот до чего мы дожили, – вырвалось у меня в обращении к генералу Алексееву, пришедшему проводить Государя и стоявшему рядом со мною в коридоре вагона Его Величества.

– Это все равно должно было случиться, – после краткого раздумья, но уверенно возразил он мне, – если не теперь, то случилось бы потом, не позднее, чем через два года» [60, с. 134–137].

Д. Н. Дубенский написал в этот день: «В 3-м часу военная платформа стала наполняться провожающими Государя. Тут находились великие князья Сергей и Александр Михайловичи, Борис Владимирович и очень заметно выделялась огромная фигура старика, принца Александра Петровича Ольденбургского с красным обветренным лицом, в полушубке; он стоял, опираясь на палку. Весь высший командный состав Ставки был налицо: генералы Алексеев, Клембовский, Кондзеровский, адмирал Русин и другие генералы, офицеры и гражданские чины. Была и частная публика, и простонародье, но так как не известен был час отъезда Государя, то сравнительно частной публики было немного – человек 150, не более.

Стояла ветреная, холодная погода. Поезд с депутатами все не приходил, и все собравшиеся разбрелись по путям, находились около Государева поезда, в который вносили багаж и разные вещи, подходили к поезду императрицы Марии Федоровны, где пребывал Его Величество, и там протекали последние минуты свидания перед тяжелой, неопределенной и страшной их разлукой.

Генерал Алексеев все время распоряжался, говорил то с тем, то с другим и раза два входил в вагон императрицы к Государю.

Как-то не ладилась разговоры. Все были молчаливы и коротко отвечали друг другу. Все понимали, что настал последний момент расставания, и у всех сжималось сердце о судьбе царя, о России и о себе самом.

Около 4 часов прибыл поезд с депутатами Государственной думы, с Бубликовым во главе. Они появились как-то неожиданно у царского поезда и стали переговариваться с генералом Алексеевым. Это были люди определенной окраски и, показалось мне, неприятливыми, враждебно настроенными, только Бубликов чуть-чуть был пообходительнее. Все эти депутаты принадлежали к левому крылу Государственной думы; я не помню их фамилий.

Сейчас по своем прибытии Бубликов передал распоряжение Временного правительства о запрещении адмиралу Нилову следовать с Государем и приказание остаться в Ставке. “Что же я, арестован?” – спросил мрачно Нилов. “Нет, но Вы должны остаться здесь”, – ответил Бубликов...

После переговоров Бубликова с генералом Алексеевым оказалось, что Государь должен считаться арестованным и лишенным свободы. Это распоряжение произвело крайне тяжелое впечатление на всех и вызвало большое негодование среди свиты и некоторых других лиц Ставки.

“Как, почему, с какой стати, какие основания, неужели Алексеев решится передать это заявление Его Величеству?” – говорили многие. Оказалось, однако, что генерал Алексеев передал Государю: “Ваше Величество должны считать себя арестованным”. Я не был при этом разговоре, но слышал, что Государь ничего не ответил, побледнел и отвернулся от Алексеева.

Государь был очень далек от мысли, что он, согласившийся добровольно оставить Престол, может быть арестован. В момент приезда депутатов Думы для его сопровождения он даже сказал гофмаршалу князю Долгорукому: “Все-таки надо их пригласить к обеду”. Князь Долгорукий

немедленно передал Бубликову и его товарищам приглашение на обед к Государю, но те отказались. Князь Долгорукий был удивлен и смущен этим недопустимым грубым отказом и, дабы не волновать Государя, доложил Его Величеству так: “Их вагон не соединен переходом с нашим поездом, и потому они не могут прийти”. Государь ничего не ответил.

Прошло еще минут 10–15. Мы все напряженно стояли у вагонов при полной тишине. Еще раз прошел, почти пробежал, генерал Алексеев в вагон императрицы, пробыл там несколько минут и вышел оттуда. Вслед за ним отворилась вагонная дверь, и Государь стал спускаться по ступенькам на рельсы. Тут плотным кольцом окружили Его Величество провожавшие. Большинство со слезами целовали руку царя. Я никогда не забуду глаз Государя; они были неподвижны, стали светлее, как-то расширены, и тяжел бесконечно был их взгляд. До Государева поезда было шагов 20–30, и Его Величество сейчас же пошел до своего вагона. Тут к нему подошел адмирал Нилов и, схватив руку Государя, несколько раз ее поцеловал. Его Величество крепко обнял своего флаг-капитана и сказал: “Как жаль, Константин Дмитриевич, что Вас не пускают в Царское со мною”.

Затем Государь поднялся в свой вагон и подошел к окну, стараясь его протереть, так как оно было запотелое.

Императрица все это время стояла у окна своего вагона, крестила его и платком утирала слезы. Многие из провожавших, великий князь Александр Михайлович, принц Ольденбургский крестили Государя.

Наконец поезд тронулся. В окне вагона виднелось бледное лицо императора с его печальными глазами. Генерал Алексеев отдал честь Его Величеству.

Последний вагон царского поезда был с думскими депутатами; когда он проходил мимо генерала Алексеева, тот снял шапку и низко поклонился. Помню, этот поклон депутатам, которые увозили царя “как бы арестованным”, тяжело лег на сердце и окончательно пошатнул мое мнение об Алексееве.

Начали разъезжаться по квартирам, и мне ясно стало: в Пскове была смерть Государя императора, а здесь, в Могилеве, похороны.

Одиноко, грустно, тяжело было возвратиться в Могилев в свои комнаты. Мы оставались с Ниловым только двое в Ставке из тех, кто два с половиной года находился при Государе, кто все время войны провел с Его Величеством неразлучно. Долго мы беседовали с Константином

Дмитриевичем о предстоящей судьбе Государя и его семьи. Как и многие в Ставке, мы полагали, что союзники России смогут оградить их верного друга императора Николая II от опасных явлений революции и предоставят отказавшемуся от престола русскому царю возможность жить частным человеком со своей семьей вне границ своей империи. Казалось, не было и не могло быть в этом отношении сомнений, и никто не предвидел тех ужасов, которые совершились с царской семьей» [31, с. 100–102].

8 марта, среда (из дневника Николая):

«Последний день в Могилеве. В 10 1/4 ч. подписал прощальный приказ по армиям. В 10 1/2 ч. пошел в дом дежурства, где простился со всеми чинами штаба и управлений. Дома простился с офицерами и казаками Конвоя и Сводного полка – сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехала Мама в вагон, позавтракал с ней и ее свитой и остался сидеть с ней до 4 1/4 час. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алеком. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде! Поехали на Оршу и Витебск. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо» [29, с. 341].

На следующий день, 9 марта, Могилев покинула и его мать. Мария Федоровна после октябрьских событий уехала в Крым, а в 1919 г. покинула Ялту и перебралась в Копенгаген. Все представители царской фамилии, уехавшие на юг, успели покинуть бурлящую Россию и тем самым спасли себе жизнь.

Представителями Государственной Думы был составлен официальный отчет о сопровождении бывшего императора Николая II из Могилева в Царское Село следующего содержания: «Распоряжением Временного комитета Государственной думы для сопровождения из Могилева в Царское Село отрекшегося императора Николая II были командированы члены Государственной думы А. А. Бубликов, С. Ф. Грибунин, В. М. Вершинин и С. А. Калинин.

Получив соответствующий документ Временного комитета Государственной думы и предписание Временного правительства, комиссары в 11 часов вечера 7 марта экстренным поездом выехали с Царско-сельского вокзала в Могилев. Поезд шел без всякой охраны. В Витебске в 11 часов утра 8 марта комиссаров встретил начальник Риги-Орловской железной дороги инженер Генрихсент, приветствовавший комиссаров

от собравшихся на платформе железнодорожных служащих. В Орше была 10-ти минутная остановка, во время которой депутаты Бубликов и Вершинин отвечали на шумные приветствия толпы.

Ровно в 3 часа дня поезд с комиссарами Государственной думы прибыл на ст. Могилев. Здесь депутаты были встречены высшими служащими железной дороги во главе с товарищем министра путей сообщения на фронте ген. Кисляковым. Кроме того, на вокзале собралось большое количество публики. После кратких приветственных речей депутатов Бубликова и Грибунина комиссары при криках “ура” на автомобиле отправились в Штаб главнокомандующего, где имели 20-минутную беседу с ген. Алексеевым. А. А. Бубликов предъявил ген. Алексееву предписание Временного правительства о лишении свободы бывшего императора. Ген. Алексеев сообщил комиссарам, что императорский поезд уже готов к отправлению и ожидает распоряжения комиссаров. Комиссары потребовали, чтобы им был представлен полный список лиц, сопровождающих Николая II. Список заключал имена 47 лиц, от свиты до прислуги включительно. В список был включен, между прочим, флаг-капитан адмирал Нилов, которому было предложено оставить поезд, что он и исполнил.

Вслед за комиссарами Государственной думы на вокзал прибыл начальник Штаба Главнокомандующего ген. Алексеев.

Отрекшийся император в это время находился в соседнем поезде вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Алексеев сообщил отрекшемуся императору постановление Временного правительства.

По приказу Алексеева в распоряжение комиссаров был дан наряд солдат в 10 человек гвардейского железнодорожного батальона под командой унтер-офицера. Когда все было готово, отрекшийся император перешел из вагона царицы-матери в императорский поезд.

Находившиеся на перроне лица хранили полное молчание. У окна своего вагона стояла мать-царица, наблюдая за всем происходящим.

Поезд был сформирован в обычном составе и заключал в себя 10 вагонов. Вагон с комиссарами был прицеплен в конце поезда. В свитском вагоне заняли места генерал-майор Долгоруков, генерал-майор Нарышкин, флигель-адъютант полковник герцог Лейхтенбергский, флигель-адъютант полковник Мордвинов (он остался в Могилеве) и лейб-хирург профессор Федоров.

В 4 часа 50 мин. поезд отбыл из Могилева. При отъезде поезда не было ни приветствий, ни враждебных возгласов. Собравшаяся публика молча приветствовала стоявших у окна последнего вагона комиссаров Государственной думы.

Все распоряжения об остановках, о переменах маршрута исходили от комиссаров. Им же доставлялись все телеграммы, получавшиеся в пути. Первая остановка была в Орше в 9 час. вечера; поезд на короткое время остановился в Витебске.

Комиссары установили между собой очередь для дежурства.

В пути к комиссарам явились депутации с денежными пожертвованиями в пользу жертв революции. Являлись делегаты от поездного состава, от кухонной прислуги и от дворцовой полиции. Всего пожертвований поступило 380 р. 50 коп.

Со станции Севрино комиссары по телефону сообщили начальнику Царкосельского гарнизона о своем скором прибытии в Царское Село и предложили ему явиться для встречи на вокзал. С самого момента отхода поезда из Могилева комиссары по всему пути следования посылали телеграммы председателю Государственной думы, который таким образом был осведомлен о малейших подробностях движения поезда.

Поезд подошел к Царкосельскому павильону в 11 час. 30 мин. утра 9 марта. Ко времени подхода поезда на перроне находились начальник Царкосельского гарнизона, комендант станции и другие начальствующие лица.

Вышедши из своего вагона, комиссары спросили начальствующих лиц, встречавших поезд, имеют ли они инструкции для принятия в свое распоряжение отрекшегося императора.

Начальник Царкосельского гарнизона и другие начальствующие лица заявили, что все инструкции ими получены от Временного правительства через командующего войсками Петроградского военного округа. Ввиду этого комиссары признали свою миссию оконченной и по соединительной ветке отбыли в Петроград» [23; 29, с. 362–364].

Позднее комиссар А. А. Бубликов делился своими воспоминаниями об этой миссии: «С утра наше путешествие стало превращаться в триумфальное шествие. По линии наша поездка стала известна, нас встречали на каждой станции толпы железнодорожных служащих и население, говорились приветственные речи, раздавались крики “ура”. Я старался

отвечать, хотя 6 суток без сна и с постоянными разговорами по телефону давали себя знать – я почти лишился голоса.

В Могилев мы прибыли под общие крики “ура”.

Сейчас же мы отправились на автомобилях в город к начальнику штаба Верховного главнокомандующего – ген. Алексееву.

Считая, что бывшему императору будет легче получить приказ об аресте из рук более ему близкого человека, я просил ген. Алексеева принять на себя эту миссию, и мы отправились, после короткой беседы, обратно на вокзал.

Императорский поезд лит. “А” стоял по правую сторону промежуточной платформы. Напротив его, по другую сторону платформы, стоял Императорский поезд лит. “М” – вдовствующей императрицы-матери Марии Федоровны, только что прибывшей из Киева, чтобы проститься с сыном.

Бывший император находился у матери. На платформе сновали лица свиты. Почему-то счел нужным подойти ко мне и представиться герцог Лейхтенбергский, бывший командир эскадры миноносцев на Черном море. Затем подошел лейб-хирург проф. Федоров. Мне невольно бросилось в глаза, что у него на погонах выцарапан вензель Николая. Впоследствии оказалось, что – это только на погонах пальто. Еще бы – ведь надо было идти пить чай к бывшему хозяину. Проф. Федоров выразил желание передать мне кое-что со слов агентов при Ставке, и я его пригласил прийти ко мне в вагон, который я тем временем приказал прицепить к Императорскому поезду. Когда потом проф. Федоров пришел ко мне в вагон, то оказалось, что на его тужурке вензеля в целости. По приезде я повез проф. Федорова к Председателю Гос. Думы, чтобы он сам ему доложил сообщенные мне сведения. Федоров в ожидании, пока его примет Председатель Гос. Думы, поспешил сбегать в уборную и там выцарапать вензеля и на тужурке. Я рассказываю этот глупый эпизод как образчик того, как ближайšie к бывшему царю лица спешили хамски пошло от него отмежеваться. На обратном пути нас осаждали депутации от императорского конвоя, от поездной железнодорожной бригады и даже от придворных лакеев и поваров с выражением верноподданнических чувств по отношению к революции и с просьбой передать Государственной думе собранные между собой суммы “на дело свободы”. Но рекорд хамства впоследствии побил Гофмаршальская часть, которая обратилась к комиссару по делам бывшего Кабинета Его Величества члену Гос. Думы

Титову с запросом, давать ли с фермы молоко детям бывшего императора. Это больным-то детям своего бывшего повелителя!

Вот уж поистине, как у Островского: “Позвольте мне для Вас какую-нибудь подлость сделать”.

Из лиц Государевой свиты мы решили не брать с собою только адм. Нилова, пользовавшегося дурной славой в народе.

В окне вагона императрицы виднелся ее силуэт – женщины в черном с белым платком у глаз. Видно было, что они прощались.

Бывший император выскочил из вагона императрицы на перрон и быстрым, бодрым шагом пошел к своему вагону.

На лице у него совершенно не отражались трагические события, которые им переживались. По-видимому, все окружающие были больше взволнованы, чем он.

В живописном костюме Собственного Его Величества конвоя, в лихо заломленной набекрень папахе, с закинутой назад головой, пронесся он по перрону, на ходу козыряя небольшой, в 2–3 десятка людей, кучке собравшихся к тому времени на перроне.

Вслед за императором в вагон вошел ген. Алексеев. Через несколько минут он вышел обратно на перрон с постановлением Совета Министров в руках, которое и вернул мне. Акт объявления бывшего императора лишенным свободы состоялся.

Попрощавшись с ген. Алексеевым, я пошел в свой вагон и приказал двигаться.

Люди на перроне – несколько дворцовых и железнодорожных служащих и 2–3 солдата – с ген. Алексеевым во главе молча провожали нас глазами. И это молчание преследовало нас вплоть до Царского... Только завидя меня у заднего салон-вагона, люди молча козыряли или снимали шапки: народ точно чувствовал, что я везу мертвеца.

Мы выехали из Могилева в 4 ч. 45 м. вечера» [29, с. 364–365].

Стоит отметить, что периодическая печать активно продолжала комментировать отречение великого князя Михаила Александровича (хотя он только отложил этот вопрос до решения Учредительного собрания) и положение царской семьи. Так, газета «Русское Слово» 8 марта 1917 г. поместила следующую заметку.

«Бывший царь и его семья

На вопрос о судьбе царя А. Ф. Керенский ответил:

– Царь сейчас в Ставке, но находится в таком положении, что никакой опасности не представляет. Фредерикса и Воейкова нет.

По словам А. Ф. Керенского, приближенные покинули царицу так же легко, как и царя. Больные дети остались без помощи. Эту помощь оказывают агенты Временного правительства.

Все великие князья, по словам А. Ф. Керенского, заявили, что все совершившееся признают и сделают все, что пожелает Временное правительство».

В своем дневнике 9 марта 1917 г. царь записал: «Скоро и благополучно прибыл в Царское Село – в 11 1/2 ч. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у которой корь недавно началась. Завтракали и обедали в игровой Алексея. Видел доброго Бенкендорфа. Погулял с Валей Долгоруковым и поработал с ним в садике, т. к. дальше выходить нельзя!! После чая раскладывал вещи. Вечером обошли всех жильцов на той стороне и застали всех вместе» [29, с. 367].

Приезд Николая II в Царское Село подробно описывает начальник гарнизона полковник Е. С. Кобылинский: «Я отправился на вокзал. Когда подошел поезд, Государь вышел из вагона и очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль. С ним был гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков... Ко мне же на перроне подошли двое штатских, из которых один был член Государственной Думы Вершинин, и сказали мне, что их миссия окончена: Государя они передали мне.

Я не могу забыть одного явления, которое я при этом наблюдал в то время. В поезде с Государем ехало много лиц. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Сцена эта была весьма некрасива.

Я отправился во дворец вслед за Государем. Государь тут же поднялся наверх к больным детям» [38, с. 172].

Комиссар А. А. Бубликов, сопровождавший императора из Могилева в Царское Село, в своих воспоминаниях утверждал: «Утром мы уже были в Царском. Пока мы шли из своего вагона к Царскому павильону, бывший царь уже успел выскочить из вагона, пробежать до автомобиля, сесть и поехать во дворец.

Больше я его не видел.

Это была его последняя поездка на “императорском” автомобиле. Теперь на них ездят члены Совета рабочих и солдатских депутатов.

Я приказал прицепить к моему вагону паровоз, и мы по “царской” ветке через час прибыли в Петербург и отправились в Государственную думу для доклада Председателю об исполнении поручения.

Печальная судьба связала меня с этим человеком (имеется в виду Николай II).

28 февраля я первый взял из его ослабевших рук государственную власть.

Ощути он тогда хотя малейший прилив энергии, и я был бы на виселице.

Ведь в Петербурге была такая неразбериха. Петербургский гарнизон уже тогда был настолько деморализован, на “верхах” так мало было толку, порядка и действительной властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание в корне было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже перерывом железнодорожного сообщения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. Мне это, сидя в Министерстве путей сообщения, было особенно ясно видно.

Как в октябре могли без чьего-либо сопротивления прийти большевики, так в марте мог еще вернуться царь. И это чувствовалось всеми: недаром ведь в Таврическом дворце несколько раз начиналась паника.

А 14 марта я, фигурально выражаясь, вбивал последний гвоздь в его гроб.

В России может быть все, можно воображать себе еще многое, но невозможно одно: восстановить на троне Николая II» [7, с. 57–58].

Приезд Николая II в Александровский дворец Царского Села подробно описывает камердинер императрицы А. А. Волков: «Около 10 часов утра собрались во дворце и нестройно встали в вестибюле какие-то офицеры. Дежурный по караулу офицер вышел наружу. Через некоторое время от железнодорожного павильона подъехал автомобиль Государя. Ворота были закрыты, и дежурный офицер крикнул:

– Открыть ворота бывшему царю!

Ворота открылись, автомобиль подъехал ко дворцу. Из автомобиля вышли Государь и князь Долгоруков.

Когда Государь проходил мимо собравшихся в вестибюле офицеров, его никто не приветствовал. Первый сделал это Государь. Только тогда все отдали ему привет.

Государь прошел к императрице. Свидание не было печальным. Как у Государя, так и у императрицы на лице была радостная улыбка. Они поцеловались и тотчас же пошли наверх к детям.

Скоро Государь вернулся назад и приказал мне узнать, приехали ли во дворец прибывшие с ним из Ставки герцог Лейхтенбергский, Нарышкин и Мордвинов. От графа Бенкендорфа я узнал, что они “не приехали и не приедут”. Все трое, как только сошли с поезда, отправились по домам.

– Бог с ними, – был ответ царя» [20, с. 70].

Местом заключения царской семьи стал Александровский дворец в Царском Селе, где прежний караул полностью заменили более революционными солдатами и офицерами. Все вопросы, связанные с царской семьей, Временное правительство возложило на Керенского, разработавшего инструкцию, устанавливавшую режим жизни арестованных. Она вводила следующие ограничения: семья и все добровольно оставшиеся с ней были изолированы от внешнего мира, для прогулок отводились особые места в парке, существовало внутреннее и внешнее наблюдение, свидания позволялись лишь с разрешения Керенского, дворец и парк оцеплялись караулом.

Сразу же после ареста Временное правительство создает Верховную чрезвычайную следственную комиссию, в задачу которой входило «обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя и всех вообще лиц, приковывавших к себе внимание общества своими действиями во вред интересам страны». Вот главная причина, побудившая новую государственную власть арестовать Николая II и Александру Федоровну.

Созданная по инициативе Временного правительства Следственная комиссия, разбиравшая вопрос об «измене» государя и государыни, пришла к выводу, что в действиях Николая II и Александры Федоровны нет состава преступления. И, поскольку семья императора в Царском Селе была ненужным источником политического напряжения, по завершении работы комиссии Временное правительство приняло решение о направлении Романовых в далекий сибирский город Тобольск.

Отправили царскую семью в ночь с 31 июля на 1 августа под охраной Георгиевских кавалеров. В распоряжение экс-царя было предоставлено 7–8 вагонов, не считая багажных. Штат прислуги определялся в пределах 50 человек, в том числе 4-х поваров и 15 лакеев.

В дневнике Николай II записал: «...поместились всей семьей в хорошем спальном вагоне международного общества». Несмотря на это: «Было очень душно и пыльно; в вагоне 26 С». Зато «едим в ресторане, кормит очень вкусно кухня Вост.-Китайской ж. д.».

В Тобольске «на берегу стояло много народу – значит, знали о нашем прибытии». Дом, куда определили жить Романовых, был не отделан, и они еще несколько дней жили на пароходе, катаясь по реке Тобол. 8 августа в дневнике Николай II записал: «...до обеда принял ванну, впервые после 31 июля».

Образ жизни бывшего царя в Тобольске мало чем отличался от царскосельского. Николай II много читал, занимался детьми, работал на участке. Но все же ситуация была несколько иная. 25 августа он пишет: «Здесь чувство сидения взаперти гораздо сильнее, нежели было в Ц[арском]. С[еле].» [21].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дом губернатора и губернское правление, где находился Штаб Ставки, были безвозвратно утрачены во время сражений с немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг. От них остались даже не руины, а скорее груда развалин, которую во время послевоенной расчистки города просто свезли на свалку.

2. Обязанности походного атамана фактически исполнял его начальник штаба мудрый генерал А. П. Богаевский, по воспоминаниям современников, человек высоких нравственных качеств, выбранный после революции атаманом Великого Войска Донского.

3. В 1917 г. на Всероссийском съезде духовенства его избирают пожизненным протопресвитером. За несение службы на передовых позициях сражающейся Русской армии отец Георгий удостоивается Георгиевских медалей трех степеней, а также орденов Святой Анны II и III степени, Святого Владимира IV степени, золотого креста на Георгиевской ленте. В феврале 1917 г. отец Георгий Шавельский награждается орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия.

К этому времени он – член Всероссийского Поместного Собора и товарищ его председателя, а затем входит в состав Высшего Церковного Совета при Патриархе. Московский Собор на пленарном заседании в июне 1918 г. устами митрополита Антония (Храповицкого) просит отца Георгия принять сан митрополита, а еще ранее довольно значительная группа членов Собора во главе с митрополитами Арсением Новгородским и Платоном Одесским настойчиво выдвигает его кандидатуру в Патриархи. Однако судьба распоряжается по-иному: по окончании работы Собора отец Георгий вынужден покинуть гудящую как улей революционную Москву. Он отправляется в родную Белоруссию, опасаясь мести большевиков, обривает голову и переодевается в крестьянские лохмотья. Затем через Пинские болота пробирается в гетманский Киев, а оттуда – в ставку генерала Антона Деникина, где возобновляет работу по организации военного и морского духовенства. Как известно, институт во-

енного духовенства в Российской армии и флоте пришедшие к власти большевики упразднили как вредный для революционных идей.

После поражения Белого движения отец Георгий покидает Россию и переезжает в Болгарию, где служит рядовым священником в Софийском русском храме. Здесь его оценили как высшие болгарские церковные власти, так и местный университет: он вовлечен в педагогику, сначала как преподаватель Софийской семинарии, а затем как профессор богословского факультета Софийского университета по кафедре Священного Писания Ветхого Завета. Одновременно он законоучитель и директор Русской гимназии, пользующийся популярностью в студенческой среде. В эмиграции отец Георгий оставил большое литературное наследие.

Что касается позиции, которую занимал протопресвитер Георгий Шавельский в отношении Зарубежной Православной Церкви, то необходимо заметить: к церковному расколу он был непричастен. Когда до него дошли печальные известия, он обратился к трем митрополитам (Антонию, Платону и Евлогию) с призывом не выносить сор из избы и приложить усилия к ликвидации столь позорного для Церкви разногласия. Исчерпав все возможности убедить иерархов ликвидировать раскол и не имея надежды на благополучный исход, отец Георгий уходит из юрисдикции Русской Церкви в Болгарскую. В 1927 г. он посещает Париж и принимает участие в составлении ответа на декларацию митрополита Сергия.

Отец Георгий был верным сыном Православной Церкви и глубоким патриотом, без налета ханжества и чванства. В 1945 г. один из священников, ранее подчиненных отцу Георгию, писал: «Отца протопресвитера мы боялись как огня, любили как отца; нас сам не обижал, но и другим в обиду не давал. Под его началом работали не за страх, а за совесть потому, что он сам был для нас прежде всего примером».

В своем же посмертном завещании отец Георгий просил: «Отпевание совершить по русскому обряду в Болгарской церкви, простой гроб, деревянный крест, пара лошадей в катафалке и никаких надгробных речей».

Бережно, с трогательной любовью отнеслись сослуживцы отца Георгия к его памяти и к близким ему людям. Отслужив на квартире панихиду, они на руках несли гроб с телом отца Георгия в храм Святых Седмочисленников. На другой день ранним утром храм заполнился настолько, что, когда началась заупокойная литургия, опоздавшим уже нельзя было пробиться вовнутрь. Многие прихожане да и священнослужители так и не смогли попасть в храм, чтобы отдать последние почести истинному верующему и патриоту Российского Отечества. Несмотря на то что о смерти отца Георгия нельзя было известить всех его друзей, близких и знакомых, весть об этом молниеносно разнеслась не только по Софии, но и за пределами Болгарии. Около 4 часов отпевал отца Георгия Председатель Синода митрополит Кирилл в сослужении двух еписко-

пов, всех синодальных архимандритов, столичного духовенства и представителей Русской Церкви, – всего около 40 человек. Благодарное болгарское духовенство молитвенно проводило в лучший мир известного духовника и сына белорусской земли.

4. Всего за годы Первой мировой, согласно записке протопресвитера Георгия Шавельского в адрес народного комиссариата военных дел от 29 января 1918 г., 40 священников было убито или умерло от ран, более 200 получили раны и контузии, свыше 100 находились в плену. Более того, 14 православных священнослужителей получили в награду орден Святого Георгия IV степени, 227 – золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, 85 – орден Святого Владимира III степени с мечами, 203 – Святого Владимира IV степени, 304 – орден Святой Анны II степени, 239 – Святой Анны III степени.

Конечно, не все совершали подвиги или вели себя достойно сану – иначе не понадобился бы циркуляр за № 1864 от 1916 г. за подписью Георгия Шавельского: «Всех священников, во время боя остающихся при обозах или вообще вдали от перевязочных пунктов и оставляющих во время боя убитых без погребения, умирающих без напутствия, страдающих без утешения, сражающихся без ободрения, – всех таких священников будут считать, нежелающими выполнять свой священнический долг, преступниками перед Богом и Родиной».

5. После революции он перешел на службу к большевикам и играл некоторую роль в Красной Армии.

6. В 1917 г. успели провести два набора новобранцев, и к середине этого года людские ресурсы страны были истощены. Всего в ходе войны в Российской империи было призвано около 10 500 000 человек – 8,9 % населения [46, с. 6; 49, с. 74].

7. Следует сказать, что боезапас снарядов, накопленный в годы Первой мировой войны, использовался еще и в Великую Отечественную войну и был израсходован только в начале 1950-х гг.

8. Из тобольской ссылки вела переписку с родственниками и знакомыми. Была расстреляна вместе с остальными членами царской семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в возрасте 19 лет. Позднее возникла легенда о ее чудесном спасении, рождении сына, который якобы является наследником российского престола.

9. В августе 1915 г. в Государственной Думе был создан либеральный межпартийный Прогрессивный блок. В него вошли 236 из 422 членов Государственной Думы: кадеты, прогрессисты, октябристы, группа центра, часть националистов, которые стали называть себя «прогрессивными националистами». К Прогрессивному блоку присоединилась и часть членов Государственного совета. Главной его задачей было добиваться создания «правительства общественного доверия», в состав которого предлагались известные либеральные деятели А. И. Коновалов, князь Г. Е. Львов, П. Н. Милоков, А. И. Гучков. Программа блока включала требования прекращения преследования по поли-

тическим делам, отмены ограничительных законов для евреев, восстановления малороссийской (украинской) печати, отмены ограничений для польского землевладения и др. Главную роль в деятельности Прогрессивного блока играли кадеты, которые утвердились как главная партия либерального направления. Возмущенный Николай II распустил Думу на длительные каникулы. Осенью 1916 г. она возобновила работу и начала массированную атаку на правительство.

10. По некоторым сведениям, германское руководство наряду с военным планом крушения Российской империи наметило и другой – революционный план вывода России из войны. 15 марта 1915 г. известный революционер Александр Парвус представил германскому правительству план революционного свержения существующего в России строя с последующим заключением сепаратного мира. Предлагаемый план получил одобрение со стороны германского руководства. На его реализацию Парвусу выделили 2 млн марок, потом еще 20 млн, а осенью 1915 г. – еще 40 млн. Предусматривалась координация действий всех сил, нацеленных на разрушение России. С крушением плана военного разгрома России революционный вариант вывода ее из войны все более вдохновлял германское руководство. К тому же большевики, с января 1912 г. провозгласившие себя самостоятельной партией, объявили войну империалистической, захватнической с обеих сторон и призвали рабочий класс бороться за поражение своего правительства и превращение империалистической войны в гражданскую. У лидеров большевиков В. И. Ленина родилось убеждение, что западной цивилизации пришел конец и единственным выходом из мировой бойни является мировая пролетарская революция, которая неизбежна.

11. Вместе с тем другие воюющие страны весьма жестко поддерживали порядок в своих тылах. В Германии сами профсоюзы запретили забастовки. Социал-демократическая партия объявила, что агитация против правительства и войны – предательство не только по отношению к Родине, но и к товарищам по оружию. Франция ввела диктатуру тыла, ее рабочие приравнивались к военнослужащим и обязаны были подчиняться военной дисциплине. В Англии устанавливалась строжайшая цензура, государственный контроль за транспортом, заводами, допускалась конфискация любой собственности, запрещались стачки, учреждались трибуналы, приговоры которых не подлежали обжалованию.

12. По числу убитых в Русской армии потери были меньше, чем в других воюющих странах. Русских погибло около 600 тысяч, в Германии на тот же период – 1 млн 50 тыс., во Франции – 850 тысяч.

13. В годы войны Мария Федоровна (принцесса Дагмар) вела большую работу в Российском обществе Красного Креста. Революционные события февраля 1917 г. застали ее в Киеве. В 1919 г. она покинула Россию на борту английского дредноута «Мальборо». После непродолжительного пребывания у своей сестры, вдовствующей королевы Англии Александры, Мария Федо-

ровна вернулась в Данию. Начиная с 1920 г. она проводила зиму в королевском дворце Амалиенбург в Копенгагене, а остальную часть года – в небольшом загородном замке Видере под г. Клампенбург к северу от Копенгагена. Вдовствующая императрица Мария Федоровна скончалась в Видере 13 октября 1928 г. и была похоронена в Роскильдском соборе. 28 сентября 2006 г. прах Марии Федоровны был перезахоронен в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

14. Генерал-майор Д. Н. Дубенский являлся редактором журнала «Летопись войны 1914–1917 гг.», состоял в свите императора в качестве официального историографа по описанию военных действий на фронте.

15. Гучков Александр Иванович получил пост военного и морского министра после Февральской революции и занимал его до 15.05.1917. В Гражданскую войну (1918–1922) оказывал действенную помощь Белому движению. После ее окончания жил в эмиграции. Похоронен в Париже.

Глава 3

**СТАВКА
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
РУССКОЙ АРМИЕЙ
ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ**

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ХАОС И РАЗВАЛ АРМИИ

После свержения монархии под флагом «свободы» Временное правительство принялось крушить все и вся. Была сметена вся система гражданского управления – царская администрация, жандармерия, полиция. Была объявлена общая амнистия, на волю вышли все политические узники и 100 тысяч уголовников, что привело к росту преступности в стране в шесть раз.

С ослаблением центральной власти в ряде окраинных регионов России активизировались национальные движения, требовавшие автономии. Так, сейм Финляндии потребовал независимости. Те же цели преследовала и Украинская Центральная Рада во главе с В. Винниченко и С. Петлюрой. Предъявили права на автономию Кубанское и Донское казачества. Сибирь и Закавказье потребовали для себя отдельных Учредительных собраний.

Но самым губительным для России стал развал армии. Тогда еще никто не понимал, сколь разрушительным окажется влияние революции на армию, каким страшным бедствием станет политизация и как молниеносно боеспособность разогитированных частей упадет до нуля. Оторванные от столицы генералы и офицеры не очень разбирались в тонкостях политической борьбы, не понимали, кто из представителей новых органов власти хочет помочь фронту, а кто, наоборот, стремится его разрушить. Когда разобрались, было уже поздно: солдаты фактически вышли из подчинения. Власть перешла к полковым комитетам, в которых наибольшим авторитетом пользовались те, кто призывал к немедленному прекращению войны. Безнаказанные убийства офицеров, стремившихся навести порядок, стали привычным делом как в сухопутных частях, так и во флоте.

Причиной развала армии послужило и изменение ее качественного состава. В 1917 г. под ружьем находилось 12 млн человек. Однако это была уже не та армия, что в 1914 г., выученная и дисциплинированная. Кадровая армия, особенно пехота, была выбита в военных батальях первых лет войны. В частности, в 1915 г. полегла практически вся лейб-гвардия. Войска 1917 г. на 90 % состояли из недостаточно обученных, взятых от «сохи» и привычной жизни людей, к тому же сбитых с толку внезапно нагрянувшими революционными событиями.

Следующим и, на наш взгляд, основополагающим фактором, приведшим к развалу армии, явился Приказ № 1, предписывавший обсуждение учрежденными солдатскими комитетами любого приказа командира, вплоть до его отмены. Предыстория была такова: 14 марта (1 марта по ст. стилю) 1917 г. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов издал Приказ № 1 по Петроградскому гарнизону, которым предписывалось создание выборных комитетов из представителей нижних чинов. Основопологающим в приказе был 3-й пункт, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету. В приказе предусматривалось, что всякого рода оружие передается в распоряжение и под контроль солдатских комитетов. Приказ вышел миллионными тиражами и впоследствии был распространен на всю Русскую армию.

С принятием Приказа № 1 в армии был нарушен основополагающий для любой армии принцип единоначалия. В результате произошло резкое падение дисциплины и боеспособности Русской армии, что в конечном итоге вело к ее развалу¹. Солдатам больше не хотелось воевать до победного конца. Участились случаи братания с неприятелем, которые иногда заканчивались оставлением позиций русскими войсками.

Этот приказ не только подрывал дисциплину в армии, но и породил разгул анархии в войсках. Участились случаи убийств офицеров. В частности, 4 (16) марта был убит вместе со своим штабом командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин, кстати, за день до этого высказавшийся за отречение Николая II. История сохранила личности нижних чинов, одних из первых расправившихся со своими командирами. Это Тимофей Кирпичников, старший унтер-офицер запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка, убивший своего командира штабс-капитана И. С. Лашкевича. Это матросы «Авроры», убившие командира крейсера капитана I ранга М. И. Никольского. Но это были лишь первые жертвы развала Русской армии.

Мало того, что сотни офицеров были безнаказанно убиты солдатами и матросами, военный министр Временного правительства А. И. Гучков развернул чистку в армии. В результате из нее были уволены сотни офицеров-монархистов и тех, кого новые власти сочли реакционными. В их числе оказались генералы Юденич, Сахаров, Эверт, Куропаткин и другие командующие армиями и корпусами. По данным начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала А. И. Деникина, в течение нескольких недель было уволено до 150 старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий [27, т. 1, с. 259]. Ушел из армии и великий князь Николай Николаевич, назначенный Николем II перед отречением Верховным главнокомандующим, его место занял генерал Алексеев, принявший на губернаторской площади Могилева присягу на верность Временному правительству войск Могилевского гарнизона и офицеров Ставки.

В этих условиях армия становится объектом борьбы за влияние разных политических сил. Большая часть офицерства была настроена монархически или либерально. «Офицерство, – как позже отмечал в своих мемуарах генерал А. И. Деникин, – переживало тяжелую драму, став между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной Думы искали разрешения вопросов мятущейся совести» [27, т. 1, с. 114].

Низы же – солдаты и матросы – являлись сторонниками Советов, коллективистской общинной демократии и поддерживали эсеров, социал-демократов. И в эту растерянную и сбитую с толку армию, пополненную разложившимися еще в тылу военными служащими, потянулись различные правительственные комиссары с «революционными» разъяснениями, агитаторы – большевики, меньшевики и эсеры. Да и сами офицеры, втянутые в революционную круговерть, увлекшись идеями «свободы», вводили среди подчиненных «демократию», губительно сказывавшуюся на боеспособности армии.

Все ведущие политические партии, представленные как во Временном правительстве, так и в Советах, выступали за продолжение войны, хотя и руководствовались различными мотивами. Социалистические партии (меньшевики, эсеры) считали, что теперь Россия защищает на

фронтах свою революцию, которая погибнет в случае победы Германии (революционные оборонцы). Либеральные партии (прежде всего кадеты) полагали, что выход России из войны теперь, когда уже близка победа, нанесет ущерб ее интересам. Она вложила столько сил в разгром Германии, но окажется исключенной из числа держав, которые будут пожинать плоды победы. Сказывался и страх международной изоляции в тяжелый для страны момент. Россия в таком случае не могла рассчитывать на экономическую помощь западных государств. И, надо сказать, либералы не видели опасности в ведении войны до победного конца.

Только партия большевиков и немногочисленные центристские социал-демократические группы выступали за прекращение войны, за немедленный демократический мир без аннексий и контрибуций. 4 апреля лидер большевиков В. И. Ленин выступил на партийной конференции с так называемыми «Апрельскими тезисами» – докладом «О задачах пролетариата в данной революции». Им был взят курс на социалистическую революцию в России. «Апрельские тезисы», включавшие в себя 10 пунктов, начинаются с резкой критики войны («кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром нельзя без свержения капитала») и Временного правительства («никакой поддержки Временному правительству»). Далее Ленин переходит к требованию «устранения» полиции и армии, а также к радикальной аграрной реформе («национализация всех земель в стране») и передаче всей власти Советам. 7 апреля тезисы были опубликованы в газете «Правда» и возымели большой общественный резонанс.

После Февральской революции в Ставке были созданы два комитета: в июне – Особый, являвшийся выборным органом чинов Ставки, и в октябре – Общеармейский, состоявший из 25 членов (по 1 представителю от каждой армии, от каждого фронта, от флота и т. д.). Как и большинство армейских комитетов, избранных весной и летом 1917 г., Общеармейский комитет имел меньшевистско-эсеровское большинство.

Кроме того, при Ставке находился Главный комитет Союза офицеров армии и флота, созданный в мае 1917 г. на 1-м Всероссийском съезде, проходившем в Могилеве. Возглавлял эту общественную организацию, в рядах которой насчитывалось более 100 тыс. офицеров, член кадетской партии подполковник Л. Н. Новосильцев. В Главный комитет Союза офицеров армии и флота вошла группа офицеров, служившая в Ставке: подполковник В. И. Лебедев, полковник Генерального штаба В. М. Пронин, капитан 1-го ранга М. А. Кितिцын, хорунжий Кравчен-

ко, капитан Кедров. Вместе с ними в состав руководящего органа Союза вошли представители младшего офицерского состава, служившие в Штабе Верховного главнокомандующего на разных должностях, прошедшие службу в армии на строевых должностях и получившие образование в Академии Генерального штаба. Союз офицеров армии и флота имел отделения при штабах фронтов, армий, корпусов, дивизий и флотов, а также в крупных гарнизонах – Москвы, Киева, Одессы, Могилева, Минска и др. Он направлял усилия на объединение других подобных общественных организаций, а также создание ячеек в действующей армии и в тылу. В уставе Союза было заявлено, что он «не имеет никакой политической платформы и не преследует никаких политических целей» [64, с. 369].

Кроме Союза офицеров в войсках были созданы и другие родственные ему организации: Союз Георгиевских кавалеров, Союз воинского долга, Союз спасения Родины, Союз казачьих войск и др.

Повсеместно в войсках, как уже отмечалось выше, создавались солдатские комитеты. Не имея возможности противодействовать их созданию, Ставка Верховного главнокомандования с целью контроля за деятельностью комитетов и направления этих выборных организаций на поддержание воинской дисциплины и порядка в войсках, а также повышение боеспособности приняло решение ввести в их состав офицеров, что Главковерхом М. В. Алексеевым было предписано главнокомандующим фронтами телеграммой от 11 марта 1917 г., являющейся официальным документом, узаконившим создание смешанных офицерско-солдатских, или так называемых войсковых комитетов в Русской армии [18, с. 29–30].

После организации войсковых комитетов при штабах армий развернулась массовая работа по их созданию в соединениях, частях и подразделениях фронтов. Все это происходило на организационных собраниях воинских подразделений. Соотношение представительства от солдат и офицеров в войсковых комитетах было разным. В частности, в комитетах полкового звена оно колебалось соответственно от 3:1 до 6:1 [80, с. 58].

При отсутствии общих правил создания и функционирования этих комитетов командно-офицерским составом на местах разрабатывались временные положения их деятельности. Однако общими для них были лозунги, определяющие цель организации: всемерная поддержка Временного правительства, война до победного конца, поддержание дисциплины

плины и боеспособности армии, единение офицеров и солдат. Созданием войсковых комитетов, явившихся, по сути, второй властью в армии, был сделан основной удар по единоначалию командного состава.

В конце марта в целях создания единой системы войсковых комитетов, установления общего регламента их деятельности Приказом № 51 Верховного главнокомандующего было введено «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота». В соответствии с приказом допускалась деятельность ранее созданных комитетов, на которые возлагалось исполнение «Временного положения...». Документ также позволял местному командованию некоторую свободу действий в изменении предписаний, содержащихся во «Временном положении...», с учетом условий пребывания воинских частей и подразделений.

Однако вскоре «Временное положение...» было заменено новым документом – «Положением о комитетах», изложенным в приказе по Военному ведомству № 231 от 16 апреля 1917 г. Приказ предписывал неотложное установление новых начал в организации войск, их внутреннем быте, во взаимоотношениях начальников и подчиненных. Также вводил новую систему выборных войсковых организаций, направленных на обеспечение каждому военнослужащему осуществления его гражданских и политических прав, оставляя, по замыслу командования, неизменными основы боевой подготовки и боевой деятельности войск, требующих точного и беспрекословного выполнения приказаний начальников. Требовал «приложить все... силы к скорейшему проведению в жизнь нового порядка, с полным спокойствием, не нарушая ни на одно мгновение боевой мощи вооруженных сил страны» [18, с. 78].

В «Положении» предписывалось создание при каждой армии армейского комитета в составе 60 человек при численном соотношении депутатов от офицеров и солдат соответственно 1:4.

Естественно, при разработке нового документа учитывалось и «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота». Основным отличием нового «Положения...» от предыдущего являлось предоставление комитетам, от ротного до армейского, права поддерживать связь по своему выбору с разными общественными организациями, в том числе со Всероссийским и местными Советами рабочих и солдатских депутатов, входить в связь с политическими партиями с целью посылки в части депутатов, ораторов и литературы для объяснения программ и способа выборов в Учредительное собрание.

С введением указанного «Положения...» войсковые комитеты официально превращались в дискуссионные клубы, а в условиях многопартийности – в арену политической борьбы. «Этот акт, – писал А. И. Деникин, – санкционировавший превращение армии во время тяжелой войны в арену для политической борьбы и лишавший начальника права быть хозяином своей части, явился одним из главных этапов по пути разрушения армии» [27, т. 1, с. 278].

18 апреля (1 мая по н. ст.) министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Миллюков обратился к союзникам с нотой, в которой заверял, что Россия будет вести войну до решительной победы. Однако эта нота вызвала возмущение у солдат и рабочих, вылившееся в демонстрацию протеста 3 мая 1917 г. в Петрограде под лозунгами «Долой Миллюкова!», «Мир без аннексий и контрибуций!». На следующий день большевики провели 100-тысячную демонстрацию с лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой войну!». Кадеты организовали в центре города контрдемонстрацию с лозунгами «Долой Ленина!», «Да здравствует Временное правительство!». Между двумя демонстрациями произошли вооруженные столкновения, приведшие к жертвам.

Командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов не смог поднять вверенные ему войска на борьбу с большевиками, и Временное правительство вынуждено было вывести из своего состава Миллюкова и военного министра Гучкова. Немаловажной причиной отставки военного министра стал его отказ от так называемой «Декларации солдата», которая окончательно разлагала армию. Гучков при поддержке Главковерха Алексеева требовал от Временного правительства восстановить деятельность военных судов в армии, так как развал армии достиг крайних пределов.

Что же касается союзников, то Англия и Франция приветствовали Февральскую революцию, верность Временного правительства союзническим обязательствам и решимость его продолжать войну до победного конца. Стремясь не допустить выхода из войны России, поскольку ее армия сковывала огромные силы противника на Восточном театре военных действий, страны Антанты оказывали давление на Временное правительство и политических лидеров. Вместе с тем союзники видели, что демократизация Русской армии ведет к ее недееспособности. Они уже не могли рассчитывать на широкое русское наступление.

Но вместо России союзники получили другого мощного помощника – в лице Соединенных Штатов Америки, объявивших 6 апреля 1917 г. войну Германии².

4 мая 1917 г. князь Г. Е. Львов сформировал второй кабинет Временного правительства, коалиционный, в котором пост военного и морского министра достался эсеру Александру Федоровичу Керенскому³. Заступая на должность, Керенский отлично понимал, какую важную роль играет его деятельность в период продолжавшейся войны и предстоящей подготовки наступления на фронте. Тем более что в программном документе нового состава правительства – его декларации от 5 мая 1917 г., опубликованной на следующий день в «Вестнике Временного правительства» и в основных российских газетах того времени, шли заверения в том, что русская революционная армия не допустит разгрома союзников по Антанте на Западном фронте [70, с. 229–230].

Керенский, пришедший к власти в результате Февральской революции, а затем корпоративного сговора между членами возникшего в марте 1917 г. Временного правительства, но «задержавшийся» на достаточно длительный срок, представлял собой довольно интересную личность. Он родился 22 апреля 1881 г. в провинциальном приволжском губернском городе Симбирске (ныне Ульяновск) в дворянской семье, глава которой успешно занимался педагогической деятельностью, являясь директором мужской гимназии и школы для девочек⁴. В семье росло пятеро детей.

Молодой Керенский окончил гимназию с золотой медалью, в 1904 г., после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета, с дипломом юриста начал свою трудовую деятельность в Петербурге помощником присяжного поверенного. Он рано на собственном опыте узнал, что такое царская тюрьма, после участия в революционных событиях 1905 г. В своих политических устремлениях Керенский симпатизировал неонародничеству и партии эсеров. Вместе с тем он после 1905 г. отходит от активной революционной деятельности и пробует себя на поприще служения освободительному движению – сначала в качестве адвоката, защищающего в суде его участников, а с конца 1912 г. в роли оппозиционного депутата IV Государственной Думы, возобновив в 1915 г. связи с эсерами.

По образному выражению С. В. Тютюкина, исследователя политической биографии Керенского, весной 1917 г. на гребне революционной волны Керенский буквально ворвался во власть и, не затрагивая основ буржуазного строя, занялся крупномасштабным экспериментом по превращению России из вчерашней «страны рабов» в свободное демократическое государство западного типа [87, с. 4–5].

Воистину феерическая карьера, которую сделал 36-летний Керенский, став в 1917 г. самым молодым премьером в истории России, а затем столь же стремительный фатальный его провал не могли не вызвать повышенного интереса к этой личности.

В частности, Г. Л. Соболев, один из ведущих петербургских историков, во вводной статье «Александр Федорович Керенский. Штрихи к политическому портрету», написанной к учебному пособию для студентов-гуманитариев под названием «Александр Керенский: любовь и ненависть революции. Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников» [81], пишет, что к своему «звездному часу» в 1917 г. Керенский пришел отнюдь не как «человек ниоткуда».

По оценке Соболева, Керенский – это расчетливый политический игрок с большими достижениями и столь же большими промахами, мастер компромиссов и сложных политических комбинаций, несомненный демократ, постепенно сползавший, однако, к недемократическим методам управления. Иначе говоря, он оказался заложником тех сложных и изменчивых ситуаций, которые с неиссякаемой фантазией режиссировала в 1917 г. сама российская действительность. При этом, по мнению Соболева, история отвела Керенскому роль руководителя, призванного навести порядок в стране, охваченной хаосом, – задача практически невыполнимая для политика-демократа, причем именно на решении ее он и споткнулся к концу своего премьерства.

На его новом правительственном посту военного и морского министра у Керенского был непочатый край работы по повышению боеспособности Вооруженных Сил и подготовке намеченного на июнь наступления на русско-германско-австрийском фронте. Следует отметить, что он не мнил себя выдающимся военным стратегом и тактиком, а взял на себя лишь решение наиболее важных кадровых вопросов и руководство политико-воспитательной работой в войсках. Что же касается планируемого на лето 1917 года наступления Русской армии, на успех которого он так надеялся, то Керенский считал, что помимо всего прочего оно поможет занять солдат их прямым делом – борьбой с врагом и отвлечет от политики, всецело охватившей Русскую армию и флот.

В этих непростых условиях, в новой для себя сфере деятельности Керенский всецело рассчитывал на помощь своего ближайшего окружения, призванного помогать ему в работе. Так, разработку планов военных операций и конкретное руководство он сначала доверил Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву, хотя тот

и не внушал ему доверия своей прошлой близостью к царю. Вопросами технического снабжения армии ведал первый товарищ министра генерал от артиллерии А. А. Маниковский. Кроме того, у Керенского были четыре помощника – полковники Г. А. Якубовский, А. А. Туманов и капитаны военно-морской службы Б. П. Дудоров и С. А. Кукель, отвечающие за состояние флота. Особым доверием Керенского пользовался начальник кабинета (канцелярии) военного министра, его шурин полковник Генерального штаба (впоследствии генерал-майор) В. Л. Барановский. Он регулярно докладывал министру о положении дел на фронтах и считался доверенным советником Керенского в военных вопросах.

Свой первый официальный министерский приказ по армии и флоту Керенский издал 5 мая 1917 г. В нем, в частности говорилось: «1) Отечество в опасности, и каждый должен отвратить ее по крайнему разумению и силе, невзирая на все тяготы. Никаких просьб об отставках лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности в эту минуту, я не допущу. 2) Самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок (15 мая). 3) Нарушившие этот приказ подвергнуты будут наказанию по всей строгости закона» [87, с.168–169].

Далее следовали новые приказы, но настоящим программным документом в деятельности нового военного министра стала подписанная им 11 мая в поезде по дороге в Киев «Декларация прав солдата». Она объявляла, что во внеслужебное время все военнослужащие могут «свободно и открыто высказывать свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды». Отменялось отдание солдатами чести офицерам, выводились из употребления некоторые принятые ранее в армейском лексиконе выражения, вроде «здравия желаем» и др., а также унижительные для чести и достоинства солдат наказания, прежде всего телесные. Подтверждалось и существование армейских и флотских матросских комитетов всех уровней. Одновременно в «Декларации...» подчеркивалось, что требования воинской дисциплины обязательны в армии и на флоте для всех, а в боевой обстановке – и это было то новое, на чем особенно настаивал Керенский, – воинские начальники могут применять к тем, кто не подчиняется их распоряжениям, все меры дисциплинарного воздействия вплоть до вооруженной силы. Подтверждалось (тоже по личному указанию Керенского) право вышестоящих командиров – только их одних – назначать и смещать офицеров. Тем самым был положен конец всяким разговорам о том, что их якобы должны выбирать сами солдаты.

В большинстве своем солдаты, еще мало затронутые революционной агитацией, в отличие от офицеров и генералов, восприняли в мае-июне «Декларацию прав...» в общем-то положительно.

Временное правительство пыталось сохранить в армии и военных священников, призывая их прославлять наступательные действия русского воинства до победного конца⁵.

Планируемое и давно обещанное союзникам наступление требовало от Керенского частых поездок в действующую армию. В мае 1917 г. он отправился в большую, двухнедельную ознакомительно-агитационную поездку по различным частям армии и флота, в том числе и фронтовым. К ней были приурочены и публикация «Декларации прав солдата», и выход приказа военного и морского министра о подготовке к наступлению 12 мая. В нем говорилось, что наступление ставит своей целью не захват новых территорий и насилие над завоеванным населением, а спасение своей ставшей наконец свободной страны от врага, и что русский солдат несет на своих штыках «мир, правду, право и справедливость». Военный министр подчеркивал, что для победы армии нужна новая, железная дисциплина, и призывал солдат и офицеров идти вперед, «к свободе, земле и воле». Министр передавал фронтовикам привет и низкий поклон от имени свободного русского народа, но предупреждал, что если они не защитят Россию, то их имена народом будут прокляты. Последнее предупреждение Керенского было вызвано тем, что после Февральской революции в 10-миллионной Русской армии дезертирство стало массовым и усилились пацифистские настроения, ведущие к полной дезорганизации на фронте. Но, несмотря на это, летом 1917 г. наступлением по всему фронту военный министр Керенский решил поправить положение в армии и одновременно поднять престиж новой власти.

Поездка Керенского на Юго-Западный фронт и знакомство с генералом А. А. Брусиловым подтолкнула его к смещению 22 мая 1917 г. недавнего ярого монархиста и противника радикального изменения порядков в Вооруженных Силах Алексеева с поста Верховного главнокомандующего. А тут еще и повод подвернулся: выступая 7 (20) мая на съезде офицеров армии и флота, Алексеев назвал «утопической фразой» лозунг «Мира без аннексий и контрибуций». Это вызвало скандал, Алексеев был снят⁶. На эту должность назначили более покладистого и интеллигентного генерала Брусилова, в котором военный и морской министр Временного правительства Керенский увидел в тот момент наи-

более приемлемого для себя Главковерха. Одновременно с Алексеевым в отставку был отправлен и командующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко, замененный А. И. Деникиным.

В канун наступления Временное правительство рассчитывало использовать в своих интересах имя популярного в армии и стране генерала. Оно надеялось, что Брусилов поддержит его политику и что его можно будет использовать в своих интересах. Так генерал Брусилов, хоть и ненадолго, всего на два месяца, был поставлен во главе русских Вооруженных Сил.

Александр Александрович Брусилов родился в Тифлисе в семье генерала 19 (31) августа 1853 г. По окончании в 1872 г. Пажеского корпуса начал службу на Кавказе в 43-м драгунском Тверском полку, где зарекомендовал себя прекрасным кавалеристом. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В чине ротмистра он по окончании Офицерской кавалерийской школы был назначен на должность помощника начальника отдела верховой езды в той же школе. Последовательно проходя должности командира эскадрона, сотни и начальника драгунского отделения школы, Брусилов стал известен не только в России, но и за границей как выдающийся знаток кавалерийской езды и спорта. Бывший тогда начальником кавалерийской школы Сухомлинов указывал на него как на единственного достойного своего заместителя. В 1902 г. состоялось назначение Брусилова начальником школы. В 1906 г. он был назначен начальником 2-й кавалерийской дивизии, а через три года – командиром 14-го армейского корпуса. 1912–1913 гг. он был помощником командующего войсками Варшавского военного округа (генерала Скалона) и затем получил 12-й корпус. С началом Великой войны командовал 8-й армией, с марта 1916 г. стал командующим Юго-Западным фронтом, войска которого осуществили блестящую операцию на австро-германском фронте – Брусиловский прорыв. Тщательная ее подготовка и успешное руководство войсками во время нее выдвинули Брусилова в число лучших военачальников Первой мировой войны.

Брусилов ко дню назначения на должность Главковерха был очень популярен. Его знал буквально каждый русский, но отношение к нему было разное. Генеральный штаб его почти не выносит, как и он сам не выносит это архаическое учреждение, уж очень он не похож на кабинетного стратега, автора довольно скучных диспозиций и канцеляриста. «Берейтор» – презрительно называли его в Ставке, поскольку четверть века его жизни и карьеры была связана с Офицерской кавалерийской

школой, в которой Брусилов прошел путь от слушателя до начальника и от ротмистра до генерала. Войска любили своего генерала, потому что видели в нем живую душу и способного вождя, может, и лишённого заметного стратегического таланта, но зато отлично ориентирующегося в обстановке и умеющего ставить войскам выполнимые задачи. Бывало у него трудно, но войска всегда видели, что, отмахав в ночь полный переход, они действительно шли недаром, их не нагонял казак с приказом вернуться.

Карьера Брусилова не совсем типичная: большую часть ее он учил офицерскую элиту кавалерийскому искусству, а не служил в далеких гарнизонах. Он не прошел обычную школу эскадронного и полкового командира, не обучался тактике в Академии Генштаба. Вроде бы и практик, однако очень узкой специализации – кавалерийской. Эту узость и отсутствие академической подготовки расценивали в высших военных кругах как его недостаток. Вместе с тем Брусилов был лишен зашоренности и догматизма, которые зачастую присущи как генералам-теоретикам, так и гарнизонным офицерам. Возможно, поэтому в голове Брусилова возникла и созрела мысль о совершенно нетрадиционной тактике наступления, которая вначале не была воспринята его сослуживцами, а потом оказалась победоносной.

Характер у Брусилова был непростой. По воспоминаниям современников, он был очень прям и суров в оценках, часто обижал коллег резкими отзывами и суждениями. Был педантичен и требовал от других предельной точности и конкретности. Мягкость и деликатность к его достоинствам не относились, во всяком случае, в том, что касалось службы. Брусилов не стеснялся докладывать о просчетах своих прямых командиров вышестоящему начальству, за что был не раз обвинен в интриганстве и карьеризме. С начальством, в особенности из монаршей семьи, был учтив, по мнению некоторых, даже подобострастен.

Брусилов принял Февральскую революцию если не восторженно, то, во всяком случае, с большим оптимизмом. С его точки зрения, перемены должны были содействовать скорейшему победоносному завершению войны, о политике же он особенно не задумывался, считая, как он пишет в своих мемуарах, что этот вопрос можно отложить [57].

Вступая на пост Верховного главнокомандующего, Брусилов все еще продолжал верить в победу в этой войне, но, на наш взгляд, уже не так, как прежде. В первом своем приказе он призывал войска сплотиться вокруг красного стяга с девизом «Свобода, равенство и братство» и ри-

нуться на врага. «Я смело, без колебания, принимаю на себя этот тяжелый пост служения народу для выполнения поставленной народом цели: довести нашего врага (как видите, не разгромить или уничтожить. – *Авт.*) до согласия заключить мир, почетный для нас и справедливый для всех» [75, с. 263].

Ставка под руководством Брусилова приступила к завершающей стадии подготовки летнего наступления 1917 г., сроки которого были определены: для Юго-Западного фронта – 10 (23) июня и пять дней спустя – для остальных фронтов. Однако после поездки Главковерха по фронтам, показавшей недостаточную готовность войск к предстоящей грандиозной боевой операции, было принято решение о переносе наступления еще на несколько дней.

16 июня 1917 г. Керенский отдал приказ о переводе русских войск в наступление, в котором говорилось: «Воины, Отечество в опасности! Свободе и революции грозит гибель. Время настало, и армия должна выполнить свой долг. Верховный главнокомандующий ваш, обвеянный победами вождь, признает, что каждый день дальнейшего промедления только усиливает врага и что лишь немедленным и решительным ударом мы можем разрушить его планы. Поэтому, в полном сознании великой ответственности перед Отечеством, я от имени свободного народа и его Временного правительства призываю армии, укрепленные силой и духом революции, перейти в наступление. Пусть все народы знают, что не по слабости говорим мы о мире. Пусть знают, что свобода увеличила нашу мощь. Офицеры и солдаты! Знайте, что вся Россия благословляет вас на ратный подвиг во имя свободы, во имя светлого будущего Родины, во имя прочного и честного мира. Приказываю Вам: “Вперед”» [16].

Наступление началось 18 июня, отчего получило название Июньское наступление. Основной удар был нанесен войсками Юго-Западного фронта под командованием генерала А. Е. Гутора в Галиции. Вначале русским способствовал успех, и в частности на участке наступления 8-й армии под командованием генерала Л. Г. Корнилова, переведенного на фронт по его просьбе в мае 1917 г. Она прорвала вражеские укрепления и продвинулась вперед на 50 км, захватив города Галич и Калуш. Но поскольку наступление было слабо подготовлено, к тому же не было единоначалия: солдаты обсуждали и ставили под сомнение приказы командиров – начатое наступление захлебнулось. Напор войск Юго-Западного фронта под влиянием антивоенной пропаганды и усиливавшегося сопротивления австро-германских войск быстро сник.

В начале июля австро-германское командование перебросило в Галицию 16 новых дивизий и нанесло мощный контрудар. Войска Юго-Западного фронта потерпели поражение и, понеся большие потери, были отброшены далеко на восток от своих исходных рубежей. И следует отметить, что это было уже не организованное отступление воинских формирований Русской армии, а паническое бегство вышедшей из повиновения деморализованной массы одетых в военную форму людей, на которых уже не действовали ни уговоры, ни убеждения, – они отвечали угрозами, а иногда и расстрелами. На протяжении сотни верст в тыл тянулись вереницы беглецов с ружьями и без них – здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходили целые части. Положение требовало самых серьезных мер.

Чтобы остановить паническое, беспорядочное бегство своих войск, сопровождавшееся насилием и грабежами, Корнилов самочинно приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя их трупы с соответствующими надписями на дорогах и в различных видных местах. Были сформированы ударные батальоны из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирами, насильниками и грабителями. Корнилов запретил также в прифронтовой полосе всякие митинги, требуя разгонять их силой оружия. И хотя рвение Корнилова не поддержали тогда командующие других армий, оно было по достоинству оценено начальством. Его твердые, но при этом не экстремистские взгляды понравились некоторым комиссарам Временного правительства. Они увидели в Корнилове достойного кандидата на роль возможного военного диктатора России и решили, несмотря на провал наступления, всячески его продвигать по служебной лестнице⁷.

Наряду с Юго-Западным фронтом наступательные действия в июне начал на Румынском фронте генерал Щербачев и на Северном – генерал Клембовский. Наступление в Румынии, под Морештами, развивалось успешно, но было остановлено по приказу Керенского в связи с поражением в Галиции. Наступление же Северного фронта у Якобштадта полностью провалилось. Значительную роль в провале наступления сыграли политические события, оказавшие разлагающее действие на войска. Это было последнее наступление Русской армии в Первую мировую войну.

Июньское наступление дорого обошлось Русской армии. Общая численность ее потерь убитыми, ранеными и попавшими в плен за вре-

мя июньско-июльских боев превысила 150 тыс. человек. Линия фронта стабилизировалась только к середине июля [48, кн. 1, с. 211].

Одной из главнейших причин провала Июньского наступления явилось разложение русских войск, и это заставило Временное правительство и Верховное главнокомандование перейти к политике жестких мер. В дополнение к принятым со стороны Временного правительства мерам по наведению порядка в войсках Верховный главнокомандующий генерал А. А. Брусилов 12 июля издал приказ № 613, направленный на борьбу с революционным движением в армии. В частности, он гласил: «События на фронте требуют незамедлительного принятия самых решительных мер для спасения армии от внутреннего развала и для поднятия ее боеспособности» [69, с. 200].

Приказом Верховный главнокомандующий категорически запрещал комитетам вмешиваться в оперативно-боевую деятельность командного состава, запрещал митинги и общие собрания войсковых частей во время подготовки и проведения боевых операций, обсуждение приказов и распоряжений. Запрещалась всякая агитация каких бы то ни было политических партий, направленная против порядка и распоряжений властей. Лиц, призывающих к неповиновению начальству и невыполнению его распоряжений, предписывалось немедленно арестовывать и предавать суду как изменников.

От всех начальников требовалось приложить максимум усилий для поднятия должного авторитета командира. Подчиненным и комитетам предписывалось оказывать им в этом поддержку и содействие. Приказы начальников, касающиеся укрепления позиций и ведения занятий, требовалось рассматривать как боевые и не допускать их обсуждения в комитетах. Начальников, неспособных управлять войсками, предписывалось удалять, а виновных в ослаблении воинской дисциплины и бездеятельных – предавать суду, заменяя их решительными, мужественными, с сильной волей и не боящимися брать на себя ответственность [69, с. 303]. Однако, как показали дальнейшие события, приказ Верховного главнокомандующего остался не более чем декларацией.

С учетом складывающейся обстановки 15 июля Керенский, Терещенко и Савинков отправились в Ставку на встречу с командной верхушкой Вооруженных Сил, чтобы обсудить положение на фронте, которое оставалось по-прежнему достаточно сложным⁸.

Еще до начала совещания с утра 16 июля Керенский находился в крайне раздраженном состоянии, обидевшись на Брусилова, который

произвольно расширил состав участников совещания и вдобавок не встретил его, как положено, на вокзале и явился с докладом только по дополнительному требованию премьера. По воспоминаниям Брусилова, Керенский рвал и метал, говоря, что генералы «разбаловались» и их надо подтянуть и что Брусилов его не желает знать. А «прежних» глав правительства встречали, часами простаивая на вокзалах в любую погоду, и т. д. Из-за этого открытие совещания задержалось на целый час, а потом разговор затянулся до полуночи [6, с. 244–245].

Не повествуя подробно об этом совещании, остановимся лишь на некоторых выступлениях его участников. По предложению Керенского Главверх доложил присутствующим о состоянии фронта, подчеркнув, что дисциплина в войсках упала настолько сильно, что невозможно заставить войска ни обучаться, ни работать по укреплению позиций и плацдармов, ни воевать. Теперь надо сутки и более, чтобы уговорить части идти выручать товарищей. Дошло до того, что во время последних боев войска торговались, митинговали целыми сутками и иногда выносили решения не идти на помощь соседним частям. В результате – полная неудача. Да уж, действительно, никакое изобилие технических средств, никакие стратегические способности военачальников не могут привести к успеху войска, не желающие воевать.

В ходе совещания Керенский услышал много для себя неприятного, но особенно поразила его большая, тщательно продуманная речь Деникина, с которым были солидарны и другие генералы. Командующий Юго-Западным фронтом, сменивший на этом посту Корнилова, направил свой главный удар прямо на премьера, сказав, что не нужно видеть причину разложения армии в одном только большевизме. Разрушили армию те, кто недавно принял деструктивные законы, регулирующие ее жизнь (намек на «Декларацию прав солдат»), не зная, что нужно для нормального существования Вооруженных Сил. Эти люди, продолжал Деникин, унизили русских офицеров, третируя их как своих слуг. «Вы бросили старые царские знамена, оваянные славой былых побед, в грязь, – закончил Деникин, обращаясь к Керенскому, – но вы должны их теперь поднять, если у вас есть разум, и дать нам, генералам, возможность вести под ними наши войска вперед, к новым победам над врагом».

Деникин предложил вернуть в армию единоначалие; оградить ее от политики; постепенно упразднить солдатские комитеты и институт комиссаров Временного правительства; создать отборные карательные

части для борьбы с дезертирами и паникерами; ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыловых частей и гражданских лиц, совершающих такие преступления, за которые таким образом наказывают на фронте.

Деникина в своей телеграмме участникам совещания поддержал и Корнилов, отсутствовавший на этом мероприятии по причине шедших на его фронте боев. Вместе с тем о дальнейшей судьбе армейских комитетов и института комиссаров Временного правительства на фронтах Корнилов высказался осторожнее Деникина: он предложил сохранить комитеты, ограничив их полномочия решением только чисто хозяйственных и внутриармейских вопросов, и правительственных комиссаров в войсках, что импонировало военному министру. А в общем никаких конкретных решений на этом совещании принято не было. И, как отметил С. В. Тютюкин в своей книге «Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.)» [87], Керенский не понравился генералитету, а генералитет – Керенскому. В выигрыше остались только Б. В. Савинков и Л. Г. Корнилов. Последний приглянулся премьеру сравнительной умеренностью своих взглядов, что дало возможность Савинкову на обратном пути из Могилева в Петроград успешно «обработать» Керенского в пользу его назначения Главкомверхом, поскольку тот мог бы соединить твердость в наведении в армии порядка с признанием завоеваний Февральской революции и стремлением как-то примирить солдат с офицерами. В результате 19 июля родился указ Керенского о назначении генерал-лейтенанта Л. Г. Корнилова Верховным главнокомандующим вместо так разозлившего военного министра 16 июля в Ставке Брусилова. В 11 часов утра 19 июля Брусилов получил телеграмму: «Временное правительство постановило назначить вас в распоряжение Временного правительства. Верховным главнокомандующим назначен генерал Корнилов. Вам надлежит, не ожидая прибытия генерала Корнилова, сдать временное командование наштаверху. О времени выезда прошу телеграфировать. Министр-председатель, военный и морской министр Керенский» [6, с. 276].

Телеграмма чрезвычайно поразила Брусилова приказом спешно покинуть Ставку, вопреки обычаю передачи преемнику на столь важном посту дел и сведений о фронте. В Петроград он ответил, что уезжает, но просит разрешения выехать в Москву, где жила семья брата и где у Брусилова была квартира. Вечером 19-го с тяжелыми думами о том, что станет с Россией и Русской армией, он покинул Ставку⁹.

20 июля Временное правительство издало приказ об аресте лидеров большевистской партии. Ленин и Зиновьев укрылись в Разливе. Троцкий, Каменев, Коллонтай и другие были задержаны. В этот же день подал в отставку глава Временного правительства князь Г. Е. Львов, а вместе с ним второй кабинет правительства. Третий кабинет сформировал уже социалист А. Ф. Керенский. Это был паритетный кабинет, с равным представительством либеральных и социалистических демократов. Керенский сосредоточил в своих руках власть министра-председателя и военного министра. Ленин эти события оценил как конец двоевластия.

Пост Верховного главнокомандующего Русской армией занял генерал Л. Г. Корнилов. Правительственным комиссаром, или, как тогда говорили, комиссарверхом при Ставке стал М. М. Филоненко. Управляющим Военным министерством был назначен Б. В. Савинков¹⁰.

А тем временем поражения лета 1917 г. усилили кризис власти, обострили и без того сложную внутривластную ситуацию в стране. Жизнь в России продолжала расстраиваться, на фронте наступила полная дезорганизация, в Ставке уже не могли скрывать того, что Россия стоит перед какой-то неслыханной катастрофой.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РУССКОЙ АРМИЕЙ Л. Г. КОРНИЛОВ И ПРИНИМАЕМЫЕ ИМ МЕРЫ ПО СПАСЕНИЮ АРМИИ И ГОСУДАРСТВА

Ко времени назначения на должность Верховного главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанту Лавру Георгиевичу Корнилову было уже 47 лет. Родом из Усть-Каменогорска (ныне Семипалатинская обл., Казахстан), он был сыном отставного казачьего офицера, продолжившего после отставки гражданскую чиновничью службу. Корнилов учился в Омском кадетском корпусе, окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и Академию Генерального штаба с серебряной медалью. Затем показал себя хорошим военным разведчиком (Персия, Индия), служил в Ташкенте, Петербурге, Царстве Польском, Китае (русский военный агент) и на Дальнем Востоке.

Корнилов успешно участвовал в Русско-японской войне, а с началом Первой мировой войны назначен командовать дивизией, неизменно проявляя, однако, не только личное мужество и инициативу, но и излишнюю горячность и не всегда оправданное стремление к самостоятельности, что стоило его солдатам немалых ненужных потерь, а самому генералу – длительного австрийского плена (1915–1916 гг.). Кстати, в неприятельском плену на тот период оказалось 60 русских генералов. Уникальный для военного такого чина побег сделал Корнилова героем, и Николай II назначил его сначала командиром корпуса, а 2 марта 1917 г., как раз перед своим отречением от престола, – командующим Петроградским военным округом для «спасения столицы от анархии и террора». Инициатор этого карьерного роста генерала председатель Думы монархист М. В. Родзянко, видимо, рассчитывал на помощь Корнилова в реставрации власти Романовых, однако, оказалось, что новый военный

хозяин столицы принял революцию достаточно сочувственно. Но он не мог смириться с начавшимся весной 1917 г. бурным процессом демократизации армии, что неминуемо, по его мнению, вело к ее разложению. Отношение Корнилова к династии Романовых проявилось, в частности, в том, что 8 марта он лично осуществлял арест императрицы Александры Федоровны в Царском Селе.

Со своего поста Корнилов после событий 20 апреля 1917 г. ушел добровольно, поскольку Исполком Петросовета решил впредь контролировать все его распоряжения как командующего округом, с чем генерал смириться не хотел. В мае он был назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта [89, с. 7–93].

24 июля Корнилов обосновался в Ставке Верховного главнокомандующего в апартаментах, которые когда-то занимал министр двора граф Фредерикс. Здесь же в губернаторском доме поселились его жена Таисия Владимировна и сын Юрий. Позднее к ним присоединилась и дочь Корнилова Наталья. В городе они показывались очень редко.

С Корниловым в Могилев приехали и его адъютанты – капитан А. П. Корнилов и поручик В. И. Долинский, а также позднее поручик Текинского полка Резак-Бек Хаджиев, которого Корнилов называл Хан. Адъютантская часть находилась в ведении генерала для поручений. Эту должность при Корнилове со второй половины июля занимал полковник В. В. Голицын, который, по воспоминаниям современников, оказывал сильное влияние на Главковоерха.

Большинство сотрудников Ставки достались Корнилову от его предшественников. Наиболее заметной фигурой из них являлся начальник Штаба генерал-лейтенант А. С. Лукомский. Это был выдающийся организатор. Накануне войны он занимал пост начальника мобилизационного отдела Главного управления Генштаба. Сложное дело проведения всеобщей мобилизации было в немалой мере заслугой Лукомского. За несколько месяцев до революции он стал генерал-квартирмейстером Ставки. С назначением Алексея Верховным главнокомандующим Лукомский должен был автоматически стать начальником Штаба, но тогдашний военный министр Гучков предпочел ему генерала А. И. Деникина, Лукомский ушел на должность командира 1-го армейского корпуса и вернулся в Ставку лишь при Брусилове.

Поскольку Корнилов ранее по службе с Лукомским не сталкивался, в первый же день их встречи между ними состоялся серьезный разговор. На предложение Корнилова продолжить службу в занимаемой должно-

сти Лукомский заявил, что готов остаться на своем посту при условии полного доверия к нему. На что и было получено согласие Корнилова.

По своему характеру Александр Сергеевич Лукомский был противоположность Корнилову. Он за долгие годы пребывания на штабных должностях получил навык закулисных интриг, был очень осторожен в политических высказываниях и не позволил бы себе, как Корнилов, радикальных формулировок в отношении существующей власти, что, скорее всего, диктовалось не политическими симпатиями, а осторожностью. Лукомский сознательно избегал сближения с кем-либо и потому оставался одним из немногих старших начальников, кто занимал ответственный пост еще в царской армии. В будущем, несмотря на совместную работу, отношения между Лукомским и Корниловым в общем-то не сложились.

Первым генерал-квартирмейстером Ставки являлся генерал-майор И. П. Романовский¹¹. Корнилова связывала с ним совместная служба в Туркестане. В мае 1917 г., когда Корнилов был назначен командующим 8-й армией, Романовский был у него начальником штаба. И хотя вместе они прослужили всего лишь больше месяца, Корнилов не прочь был поработать с ним здесь, в Могилеве, в новом качестве.

Сослуживцы Романовского вспоминали, что к нему надо было приходиться не только с хорошо обоснованным докладом, но и приносить с собой груды материалов и книг Свода законов и военных распоряжений. Генерал-квартирмейстер Романовский, в меру тучный для своего сорокалетнего возраста, медлительный в движениях, производил на окружающих впечатление человека флегматичного и равнодушного ко всему. На самом деле он был очень эмоционален и особенно остро реагировал на развал армии и страны.

Следует отметить, что в лице Лукомского и Романовского корниловская Ставка получила штабных работников высокой квалификации.

Вторым генерал-квартирмейстером Ставки был генерал-майор Ю. Н. Плющевский-Плющик¹², служивший в свое время вместе с Лукомским в мобилизационном отделе Генштаба. Хорошо знавшие его сослуживцы полагали, что Плющевский не обладал должными качествами, часто не имел своего мнения и у него не хватало мужества защитить свои взгляды, даже когда он придерживался другого мнения. Уже в ходе совместной работы Корнилов дважды ставил вопрос о замене Плющевского, но оба раза Лукомскому удавалось его отстоять. Впоследствии,

однако, Корнилов оценил его умение работать с бумагами, быстро и четко выполнять порученные задания [89, с. 152–153].

День Корнилова в Ставке начинался рано. В полвосьмого утра он был уже у себя в кабинете. После двух часов работы он обычно спускался в сад и гулял там около получаса. Такая же прогулка повторялась ближе к вечеру. Иногда рано утром, когда на улице еще не было людей, Главнокомандующий в сопровождении небольшой свиты выезжал на загородную прогулку, отдавая предпочтение верховой езде.

Ежедневно с одиннадцати до полпервого и вечером с шести до семи Корнилов принимал доклад начальника Штаба и генерал-квартирмейстера. Как правило, он больше слушал, нежели говорил сам, при этом на собеседника не смотрел, а рисовал какие-то картинки на лежавшем перед ним листке.

В час дня Верховный садился завтракать, в семь вечера наступало время обеда. Завтрак, как правило, длился не более получаса. За стол Корнилов обычно садился один, редко с кем-нибудь из самых близких сотрудников. Зато на обеде всегда кто-то присутствовал. Это могли быть высокопоставленные визитеры из Петрограда, приехавшие в Ставку генералы с фронта, иностранные военные агенты. Перед обедом Корнилов мог выпить рюмку водки, но не более. О делах за обедом не говорили, беседовали на отвлеченные темы.

Ко времени назначения Корнилова Верховным главнокомандующим ситуация на фронте начала стабилизироваться. Германско-австрийские войска, испытывавшие острую нехватку резервов, остановили успешно развивавшееся наступление. Россия потеряла все свои завоевания в австрийской Галиции, но в создавшейся ситуации это можно было считать очень скромной платой. Временное затишье на фронтах позволило Корнилову более внимательно сосредоточиться на задуманной им программе оздоровления армии, которая под воздействием большевистских агитаторов продолжала разлагаться. Не лучшее положение было и в стране, постепенно и неуклонно скатывающейся к анархии.

Корнилов полагал, что единственной силой, способной стабилизировать ситуацию в стране, является армия. Он разработал план, в соответствии с которым для овладения ситуацией предполагалось сочетать силы действующей армии, тыловых воинских частей и армии железнодорожников при жесткой дисциплине. В «Военном разделе» план предусматривал восстановление в полной мере дисциплинарной власти начальников, резкое ограничение полномочий комиссаров и войсковых

комитетов, введение смертной казни в тылу. В «Гражданском разделе» предлагалось объявить военное положение на железных дорогах, предприятиях, работающих на оборону, и шахтах, запретить митинги и забастовки, а также вмешательство рабочих в хозяйственную жизнь. Эти меры, как предлагал генерал, должны были быть проведены с «железной решимостью и последовательностью» [76, с. 308].

30 июля в Ставке состоялось совещание, на котором присутствовал министр путей сообщения П. П. Юренев, министр продовольствия А. В. Пешехонов и их помощники. Главное командование на совещании представляли Корнилов, его начальник Штаба генерал А. С. Лукомский и некоторые другие старшие офицеры. В прозвучавших докладах была выявлена удручающая картина полного развала железнодорожного транспорта. Подводя итог обсуждению, Корнилов сказал, что России нужно иметь три армии: армию в окопах, армию в тылу, работающую на нужды фронта, и армию железнодорожную. Что же касается вопросов о мерах оздоровления тыла, то, по его мнению, в тылу должна быть установлена такая же жесточайшая дисциплина, которую он стремится установить на фронте. Эти предложения легли в основу докладной записки Корнилова, представленной им Временному правительству [88, с. 266].

Однако эта записка была составлена не совсем удачно и прежде всего потому, что порождала подозрение в намерении составителей вернуть страну к старым порядкам.

3 августа Корнилов взял записку с собой в Петроград для доклада на заседании правительству. По прибытии утром в Петроград, поскольку заседание было назначено на четыре часа пополудни, он отправился на встречу с Керенским. Беседа была явно недружелюбной. Керенский сказал, что со времени назначения Корнилова Главверхом все его обращения к правительству звучат как настоящие ультиматумы. Корнилов ответил, что дело не в нем, а в обстановке, требующей немедленных жестких мер.

После этой встречи Корнилов направился в особняк военного министра Б. В. Савинкова, который уже ознакомился с запиской, представленной ему его помощником Филоненко, и попросил пока воздержаться от ее оглашения, поскольку аналогичные меры готовятся в военном министерстве. Корнилов согласился и передал текст привезенной записки Савинкову.

В результате доклад Корнилова на заседании правительства включал в себя чисто военные вопросы, характеризующие обстановку на фронтах, численность армий, состояние артиллерии, снабжение и др. Корнилов высказал предположение, что следующий удар немцы нанесут в районе Риги.

Керенский в ходе выступления попросил Корнилова воздержаться от оглашения секретных сведений, которые могут стать достоянием противника от некоторых министров-социалистов, заподозренных в контактах с ними. Для Корнилова это было настоящим шоком, поскольку выходило, что правительство, которому он подчинялся и готов был сохранять верность, включает в себя агентов врага.

В ту же ночь Корнилов отбыл в Ставку. А буквально на следующий день после его отъезда в «Известиях» Петроградского совета появились обширные отрывки из привезенной им записки для правительства, вполне сознательно «доработанные» Савинковым и Филоненко. Теперь в ней шла речь уже о создании спецлагерей для подлежащих расформированию «ненадежных» воинских частей; запрещении забастовок и митингов на железных дорогах, оборонных предприятиях и шахтах; отправке на фронт рабочих, не выполняющих установленные им нормы выработки и др. В противном случае нарушителей ожидал фронт [47, с. 50–51]. Левые усмотрели в этом установление военной диктатуры и сразу же подняли шумиху в прессе, обвинив Корнилова в контрреволюции.

10 августа Корнилов вновь прибыл в Петроград для утверждения записки в правительстве. Его сопровождал личный конвой, состоящий из эскадрона текинцев с пулеметами. Корнилов опасался возможного ареста или покушения на свою жизнь.

Поскольку военнослужащие Текинского полка сыграют в дальнейшем немаловажную роль в судьбе Корнилова, представляется необходимым сказать несколько слов об этом вооруженном формировании.

Еще до мировой войны в составе Русской армии существовал Туркменский конный дивизион. В июле 1914 г. он был развернут в четырехэскадронный Туркменский конный полк, который с марта 1916 г. был переименован в Текинский. Рядовой состав полка формировался из туркмен Закаспийской области, причем исключительно добровольцев, поскольку коренное население края призыву в армию не подлежало. Офицеры полка большей частью были русскими. Полку была присвоена особая форма: малиновые шаровары с серебряным галуном, желто-малиновый халат («гармыз-дон»), высокие черные папахи («тел-пек») из

бараньей шкуры. Личным оружием всадника являлся клыч (кривая сабля) в украшенных серебром ножнах. Эти джигиты своим видом, дисциплиной и оригинальностью костюма всегда привлекали внимание окружающих [89, с. 272–273].

Для Корнилова, никогда не забывавшего годы своей службы в Туркестане, текинцы были особенно близки. Он полагал, что всадники, многие из которых плохо понимали по-русски, уже этим застрахованы от влияния революционной агитации. Сам он беседовал с ними по-туркменски, и текинцы действительно были безоговорочно преданны своему «бояру», как они величали Корнилова, поскольку видели в нем почти земляка в этой чужой для них стране.

По приезду в Петроград Корнилов сразу же направился к Керенскому. При личной беседе Керенский заявил, что в большинстве своем с предложениями, изложенными в записке, которую уже подписали Корнилов, Савинков и Филоненко, он согласен, однако некоторые вопросы поставлены слишком резко и поэтому требуют дополнительной проработки и времени, чтобы превратить этот законопроект в закон. В не лучшем расположении духа Корнилов убыл в Могилев.

По образному выражению Г. З. Иоффе, Керенский колебался, «...как бы не качнуть политический маятник слишком вправо раньше времени. Ведь он неоднократно клялся и божился, что не допустит условий, при которых “демократия должна была бы отойти в сторону”» [37, с. 95].

Уклончивость Керенского от подписания записки объясняется, вероятно, и тем, что через несколько дней должно было состояться Государственное совещание, на котором он рассчитывал на всероссийскую поддержку. Как видится, Керенский вначале хотел укрепить свое собственное положение у власти, а затем дать ход предложенным Корниловым мерам по оздоровлению обстановки в стране и армии.

Однако действительность оказалась совершенно иной. Уже после многословного, помпезного выступления Керенского с призывами ко всеобщему соглашению на Государственном совещании в Москве, которое открылось 12 августа, всем стало ясно, что принять конкретные меры, способные остановить революционный порыв масс и стабилизировать обстановку в стране, ни ему, ни Временному правительству не под силу. Взоры присутствующих были обращены к Корнилову. Перед лицом выходящей из-под контроля революционной стихии, нарастающего экономического развала, угрозы территориального разделения России на Верховного главнокомандующего возлагали надежды как

сторонники восстановления самодержавия, так и либеральные приверженцы конституционной монархии, и сторонники демократической республики с парламентом и президентом¹³.

Корнилов прибыл в Москву 13 августа, на Александровском (ныне Белорусском) вокзале ему устроили восторженную встречу. В его поезде состоялся ряд конфиденциальных встреч с генералом М. В. Алексеевым, лидером кадетов П. М. Милюковым, лидером монархистов В. М. Пуришкевичем, промышленником и финансистом А. И. Путиловым и др.

На заседании 14 августа в своей речи Корнилов сказал, что основной причиной «развала» армии, да и всей страны он считает «законодательные меры», проведенные после «переворота» (т. е. после Февральской революции). Корнилов явно указывал на неизбежные новые поражения, прежде всего на побережье Рижского залива, где возможная сдача Риги могла открыть немцам путь на Петроград. Угрожая падением Риги, он давал ясно понять: нужно провести его программу в жизнь – и Рига, Петроград, а с ними Россия будут «спасены». Далее он кратко изложил содержание своей записки – меры необходимые, по его мнению, для спасения армии и страны, подчеркнув, что «разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть». И, заканчивая свою речь, Корнилов заявил: «Времени терять нельзя... нельзя терять ни одной минуты. Нужна решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

Выступавший после Корнилова атаман Донского войска генерал А. М. Каледин потребовал удаления политики из армии, упразднения Советов и комитетов, кроме разве что самых низовых, которые должны быть превращены в хозяйственно-бытовые органы. Он однозначно высказал сомнение в способности существующей власти претворить эти меры в жизнь. Их, как он сказал, могла осуществить только «твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми интересами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы...» [37, с. 99].

Государственное совещание, задуманное Керенским как мера сплочения и единения вокруг правительства, напротив, обнаружило углубляющийся общественный раскол, падение престижа Керенского и рост влияния Корнилова.

Между тем положение на фронте вновь осложнилось. 19 августа немцы начали наступление в районе Риги. В этот день в Петрограде

была получена новая телеграмма из Ставки. В ней Корнилов сообщал о поступивших к нему сведениях о готовящемся немецком десанте на островах Моонзундского архипелага и побережье Финляндии. В связи с этим он выдвигал план объединения сил Северного фронта, Балтийского флота, столичного гарнизона и частей, расквартированных в Финляндии, в Особую армию с подчинением ее непосредственно Верховному главнокомандованию.

К тому же 18 августа казаки А. М. Крымова, направленные по приказу Корнилова «на всякий случай» к Петрограду, уже были у Пскова и Великих Лук, а «Дикая дивизия» сосредоточилась в районе станции Дно. С учетом сложившейся ситуации и предвидения дальнейшего хода событий 22 августа Корнилов шлет Керенскому телеграмму следующего содержания: «Мой долг предупредить и заявить, что я не вижу спасения страны вне немедленного осуществления мероприятий, указанных в докладе моем Временному правительству (имеется в виду 3 и 10 августа. – *Авт.*), и что каждый день промедления в его осуществлении равносителен новому гвоздю, вбиваемому в гроб, усиленно приготавливаемый для погребения нашей несчастной Родины» [87, с. 237]. Однако Керенский и на этот раз предпочел отмолчаться.

А тем временем после Государственного совещания Корнилов и Союз офицеров активизировали свою деятельность. В частности, Деникин вспоминал, что в 20-х числах августа к нему в Бердичев приехал офицер с личным письмом от Корнилова. Он сообщил, что «в конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков», генерал Крымов подавит его, и заодно в столице будет объявлено военное положение и опубликованы законы, вытекающие из корниловской программы. Корнилов просил Деникина откомандировать в Ставку несколько десятков офицеров – официально для изучения бомбометного и минометного дела, а фактически – для отправки в Петроград, в офицерский отряд. Как пишет Деникин, распоряжение об отправке офицеров он отдал, но осуществить его до 27 августа вряд ли успели [27, т. 1, с. 549–550].

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КОРНИЛОВА И КЕРЕНСКОГО

После сдачи Риги немецким войскам деятельность Корнилова приобрела явные черты подготовки к военному перевороту.

Предполагалось введение в России новой формы правления. Верховная власть должна была перейти к Совету народной обороны в составе: председатель – Л. Г. Корнилов, товарищ председателя – А. Ф. Керенский, члены – генерал М. В. Алексеев, адмирал А. В. Колчак, Б. В. Савинков и М. М. Филоненко (представители Временного правительства при Ставке, эсеры). При Совете создавалось правительство, в составе которого предполагалось иметь представителей различных политических сил – от монархистов до социалистов, но без большевиков. Первоначально предполагалось изменить систему мирным путем, с обеспечением хотя бы видимости легитимности. Велись переговоры с Керенским, чтобы обеспечить его участие в Совете и принять постановление Временного правительства о передаче власти.

Предполагалось, что такие изменения вызовут выступления большевиков. Для их подавления и стягивались войска к Петрограду. Уже упоминавшемуся выше генералу Крымову было приказано, как только произойдет выступление большевиков, немедленно занять столицу, обезоружить гарнизон и разогнать Совет рабочих и солдатских депутатов. Далее следовало введение в Петрограде, Петроградской губернии, Кронштадте, Финляндии осадного положения, создание военно-полевых судов. Запрещение митингов, собраний, забастовок, выхода газет без предварительной цензуры; введение комендантского часа. Виновные в нарушении этих правил подлежали расстрелу на месте. В помощь Крымову должны были подойти части действующей армии.

Корнилов 26 августа потребовал объявить Петроград на военном положении, передать всю военную и гражданскую власть Верховному главнокомандующему; правительство в полном составе, не исключая министра-председателя, должно уйти в отставку, передав органы власти во временное управление товарищам министров до образования кабинета Главковерхом.

Министры-кадеты в знак солидарности с Корниловым подали в отставку.

Однако Керенский, узнав о действиях генерала Корнилова, решил покончить с ним раз и навсегда. Поэтому, не предпринимая теперь никаких попыток к выяснению отношений с Корниловым, премьер немедленно объявил его изменником, отстранил от должности с получением для себя от правительства чрезвычайных полномочий для борьбы с бывшим Главковерхом. Временное правительство было против этого. Но министр-председатель единолично распустил кабинет, отстранил Корнилова от должности и сам себя назначил Верховным главнокомандующим.

Ночью 27 августа в Могилев ушла телеграмма с приказом Корнилову немедленно сдать должность генералу Лукомскому и прибыть в Петроград. Лукомский сразу же от должности Главковерха отказался. Керенский тотчас же предложил ее командующему Северным фронтом генералу В. Н. Клембовскому и объявил Петроград на военном положении, призвав население к сохранению порядка, а всех чинов армии и флота – к исполнению своего долга по защите Отечества от нависшей угрозы.

Корнилов же приказу Керенского не подчинился и утром 28 августа передал по радио заявление, в котором обвинил Временное правительство в том, что оно «убивает армию и потрясает страну изнутри», что находится «в полном согласии с планами германского генерального штаба». Он призвал «всех русских людей к спасению Родины».

Следует отметить, что отказ Корнилова от подчинения Временному правительству поддерживался всеми командующими фронтами – Деникиным, Щербаковым, Вановским. Да и зарубежные представители в Ставке также желали Корнилову успехов в борьбе с правительством [61, с. 160–161].

Свою позицию о происходящем Корнилов выразил в приказе, отданном в ночь с 27 на 28 августа: «Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо,

кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ – путем победы над врагом, до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни» [76, с. 316]. Одновременно было обнародовано обращение к железнодорожникам с требованием безусловного выполнения распоряжений Корнилова о перевозке войск в Петроград и угрозами о беспощадных карах в случае нарушения приказа.

Как видим, в устремлениях Корнилова и намека не было на воссоздание монархии, хотя в советской историографии его зачастую изображали как реакционного монархиста, что, конечно, не соответствует действительности. Корнилов всего лишь твердой рукой пытался реорганизовать армию и довести страну до победы и Учредительного собрания.

На случай прибытия правительственных войск для силового захвата Ставки Корнилов 28 августа приказал объявить Могилев и десятиверстную зону вокруг него на осадном положении. Листовки с приказом, подписанные Корниловым и комендантом Могилева полковником С. Н. Квашниным-Самариным, были расклеены по всему городу. В силу этого приказа Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов должен был прекратить свою деятельность, однако члены Совета работу не свернули.

Гарнизон Могилева, состоявший из трехбатальонного Корниловского ударного полка (командир – капитан Неженцев), пяти сотен Текинского конного полка (командир – полковник Кюгельхен) и Георгиевского батальона (командир – полковник Тимановский) был приведен в боевую готовность. На следующий день в Могилев для подкрепления прибыли пять рот из состава Польского корпуса.

Генералом прилагались усилия, чтобы привлечь к выступлению других военачальников. 28 августа была направлена телеграмма на Дон в Новочеркасск с предложением донскому атаману А. М. Каледину открыто поддержать Корнилова. Специального курьера на автомашине направили в Киев. Он вез приказ Корнилова генералу А. М. Драгомирову, предписывающий ему взять власть в городе в свои руки. Однако курьер по дороге был арестован. Главнокомандующему Западным фронтом генералу П. С. Балуюеву было приказано занять конными частями Оршу и Витебск, чтобы блокировать возможную переброску верных Временному правительству войск с фронта к столице. Кроме того, Корниловым было обнародовано обращение к железнодорожникам

с требованием неукоснительного выполнения его распоряжений о перевозке войск в Петроград и угрозами расправ в противном случае.

Все эти телеграммы, обращения и приказы Корнилова дали Керенскому и Временному правительству полное основание публично квалифицировать его действия как восстание против «законной» власти и «измену родине».

В телеграмме 28 августа Корнилов заявил, что изменники – «в Петрограде, где за немецкие деньги, при преступном попустительстве власти, продавалась и продается Россия». Корнилов еще раз грозно предупредил, что за всякое неподчинение себе будет «карать беспощадно» [37, с. 129, 130, 286].

Попытка военного переворота и установления диктатуры вызвала взрыв массового недовольства в среде различных слоев населения. В Петрограде развернулось широкое движение в защиту демократии. Опасность установления диктатуры военных заставила социалистов на время забыть разногласия. Меньшевики и эсеры работали плечом к плечу с большевиками, организуя оборону столицы от корниловских войск. Военная сила, вставшая на защиту демократии – отряды Красной гвардии, которые пополнились тысячами рабочих, революционные части гарнизона, балтийские моряки. Началось массовое создание Красной гвардии по всей стране. Попытка военного переворота, предпринятая Корниловым, дала моральное оправдание деятельности большевиков по созданию вооруженных боевых отрядов – революцию надо защищать. Повсюду открыто организовывалось массовое вооружение рабочих. В Петрограде тысячи рабочих вступили в ряды Красной гвардии. То же происходило и в других промышленных центрах. Отряды создавались не только в городах, но и в некоторых селах – из бедноты. Красная гвардия стала действовать открыто.

Под Петроградом строились заграждения. Железнодорожники разбирали пути, отказывались перевозить войска к Петрограду и Москве, другим крупным городам. План введения в Петроград верных Корнилову войск и объявление столицы на военном положении реализовать не удалось. Генерал Крымов, осознав провал, застрелился (или его застрелили, что доподлинно неизвестно). Ставка Верховного главнокомандования была отрезана от фронтов и изолирована. Исполком Юго-Западного фронта 29 августа арестовал генерала Деникина, а армейские комитеты всех армий – своих командиров.

Антон Иванович Деникин (1872–1947) – потомственный русский военный. В 1899 г. успешно закончил Академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-японской войне, а затем занимал ряд штабных и командных должностей в различных частях и соединениях. В период Первой мировой войны генерал Деникин командовал 4-й стрелковой бригадой, получившей неофициальное наименование Железной, а с сентября 1916 г. – корпусом. После Февральской революции был начальником Штаба Верховного главнокомандующего Алексеева, летом командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов¹⁴.

Свой окончательный успех в борьбе с Корниловым Керенский связывал с назначением уже известного нам генерала Алексеева на пост Верховного главнокомандующего. Сначала генерал ответил на просьбу премьера отказом. Но утром 30 августа Керенский лично приехал к Алексееву. Сначала тот разразился 15-минутной громовой речью, обвинив главу правительства в попустительстве развалу армии фронта и всей страны в целом. Бледный как полотно, премьер стоически выдержал этот гневный монолог и тихо сказал то единственное, чем можно было пронять Алексеева: «А все-таки Россию спасти надо». На что после недолгого молчания генерал ответил: «Я в вашем распоряжении».

Тем не менее генерал Алексейев, хотя и отдал себя в распоряжение Керенского, все же не согласился занять пост Верховного главнокомандующего и стал лишь начальником его Штаба вместо А. С. Лукомского. Так что пост Главковерха вынужден был занять сам Керенский, подписавший в тот же день, 30 августа, свой первый приказ в этой новой должности. Он гласил: «Безумная попытка военного мятежа бывшего верховного главнокомандующего и ничтожной кучки генералов закончилась полной неудачей, и виновные в мятеже предаются военно-революционному суду».

Бескровная ликвидация мятежа доказала великий разум русского народа, его армии и флота, в лице генералов, адмиралов, офицеров, солдат и матросов, оставшихся верными перед лицом грозного врага своему долгу перед родиной и законному ее Правительству.

Вступая в верховное командование всеми вооруженными силами государства Российского, я заявляю о своем полном доверии всем чинам армии и флота..., вынесшим на своих плечах тяжкие испытания последних дней.

Полугодовой опыт свободной жизни не мог не убедить каждого, что всякие крайние неразумные требования, неисполнимые в данную

минуту, откуда бы таковые требования ни исходили, приводят лишь к потрясениям государства.

Пусть помнит каждый, кто бы он ни был – генерал или солдат, что малейшее неподчинение власти будет впредь беспощадно караться.

Довольно играть судьбой Государства! ...Все наши помыслы и силы должны быть устремлены, прежде всего, на защиту родины от врага внешнего, стремящегося поработить ее.

Министр-председатель, Верховный
главнокомандующий А. Керенский» [87, с. 246–247].

30 августа последовали приказы об отстранении от должностей с преданием суду генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова.

О ликвидации выступления военных было официально объявлено 31 августа 1917 г. В этот же день была создана Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию дела Корнилова и его сторонников под председательством главного военно-морского прокурора И. С. Шабловского. При этом Керенский не скрывал, что хотел бы поскорее закрыть корниловскую эпопею вынесением смертных приговоров, которые он мог бы потом смягчить или отменить.

Поручив Алексееву ликвидацию последствий выступления Корнилова, Керенский настаивал на его скорейшем отъезде в Могилев для ареста бывшего Главковерха и его сторонников. Однако Алексей сам не очень-то симпатизировал премьеру и не уважал его, а Корнилова, наоборот, считал не предателем и мятежником, а одним из лучших и самых честных русских генералов. Поэтому он хотел сначала связаться с Корниловым по телефону и выяснить его планы, а потом обязательно узнать, что же случилось с войсками Крымова, который явно не выполнил поставленной ему задачи по взятию Петрограда.

В итоге в Ставку Алексей выехал только вечером 31 августа, когда Корнилов сообщил ему, что готов без сопротивления оставить пост Главковерха, а о Крымове стало известно, что он застрелился.

По мнению Деникина, Корниловское выступление было – если не заранее, то уже в первые его дни – обречено на провал. Во-первых, сам Корнилов слишком долго надеялся, что ему удастся убедить Керенского в необходимости союза с армейской верхушкой для обуздания революционной, «совдеповской» вольницы. Эти надежды, истоки которых нужно искать и в «неполитическом» складе ума и характера

генерала, парализовали его волю и ограничивали сферу поиска союзников в задуманной им попытке давления на Временное правительство. Да и в дни самого «мятежа» Корнилов слишком быстро опустил руки и смирился со своей изоляцией в могилевской Ставке. Деникин считал, что появление Корнилова с двумя надежными полками решило бы участь Петрограда. Но это, добавлял он, вряд ли было выполнимо технически, поскольку нужно было обеспечить продвижение эшелонов с этими частями от Могилева к Петрограду – на расстояние в 650 верст.

Во-вторых, Корнилов, имея все основания не верить стремлению высшего командного состава Вооруженных Сил, даже не стремился придать своему выступлению общеармейский характер, ограничивая сферу его подготовки одним Юго-Западным фронтом. В итоге ему не хватило ни единомышленников, ни времени для настоящей подготовки «мятежа».

В-третьих, Корнилов не получил реальной поддержки ни от союзников России по Антанте, казалось бы, крайне заинтересованных в его победе над Керенским и в активном продолжении борьбы на русско-германском фронте, ни – и это еще важнее – от русской общественности, которая, по выражению Деникина, «внезапно и бесследно сгинула». Деникин не жалеет красок, чтобы показать полную безнравственность поведения Керенского в сложившейся ситуации и провокационную сущность позиции премьера 26 августа, фактически подтолкнувшего Корнилова к выступлению. Победу Керенского над Корниловым Деникин считал преддверием победы большевиков над Временным правительством в октябре, ибо Керенский своим поведением по отношению к Корнилову и «корниловцам» оттолкнул от себя и либеральные элементы российского общества, и офицерство, так что возглавляемый им Кабинет министров в сентябре-октябре лишь регистрировал тот распад, который переживало государство, будучи не в силах его предотвратить [27, т. 2, с. 52–53, 60, 62, 63, 82–83].

Многим позже тех событий, на исходе своих лет Керенский, подводя итоги своей деятельности на посту премьер-министра революционной России, осознал, что недооценил Корнилова. Керенский привык к тому, что рядом с ним нет человека, равного ему по масштабу. Тем более он не ожидал найти такового среди генералитета. Генералы и адмиралы послушно принимали любые распоряжения правительства и его главы. Но Корнилов был не просто генералом. Он стремительно превращался в политическую фигуру. Пост Верховного главнокомандующего ставил

его вровень с премьером, а учитывая, что Россия была воюющей страной, в чем-то даже и выше. Может быть, другой на его месте и смог бы оставаться в рамках «технического назначения», но не Корнилов, он уже мечтал о большем.

«При всем обилии мнений по этому вопросу, – пишет С. В. Тютюкин в книге “Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.)”, – характере, результатах и последствиях выступления Корнилова против Временного правительства в конце августа 1917 года, автор настоящей работы считает, что антиправительственный заговор в военной среде, несомненно, имел место, но организован он был очень неумело, по-дилетантски. Присваивать ему имя Корнилова можно лишь с натяжкой и в настоящий мятеж он не вылился. Победили в этих событиях демократические силы, а не Керенский, и это, по существу, предрешило его падение в октябре 1917 года».

Керенский же, используя ситуацию, создал новое правительство – «Деловой кабинет», или Директорию, во главе которой он встал сам, создал так называемый «предпарламент» и провозгласил Россию демократической республикой. В то же время в Петрограде большевики также не «дремали в шапку» и усилили свои позиции. Они с легкой руки бывшего присяжного поверенного захватили власть в Советах. Лев Троцкий в качестве председателя возглавил Петроградский совет. Кроме того, позицию большевиков усилило наличие вооруженных отрядов – Красной гвардии из рабочих.

В итоге личная победа Керенского над «корниловцами» уже таила в себе зародыши близкой гибели «керенщины» как дискредитировавшей себя модели демократической власти. Последняя должна была уступить место либо другой демократической модели (но уже без Керенского), причем ненадолго, либо большевистской диктатуре, что и произошло в действительности [87].

АРЕСТ МЯТЕЖНЫХ ОФИЦЕРОВ, ИХ ПОБЕГ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

Вечером 1 сентября Корнилов был взят под стражу. Вместе с ним также были арестованы начальник штаба генерал А. С. Лукомский, 1-й генерал-квартирмейстер И. П. Романовский, 2-й генерал-квартирмейстер Ю. Н. Плющевский-Плющик, а также товарищ министра путей сообщений генерал В. Н. Кисляков, начальник политического отдела полковник В. К. Сахаров, заведующий типографией Ставки капитан А. П. Брагин. Фактически в полном составе был арестован и Главный комитет Союза офицеров.

Вначале они находились под домашним арестом, а затем, в ночь со 2 на 3 сентября, тайно были переведены в гостиницу «Метрополь», где комендант Ставки лично по списку принимал прибывших и размещал их по номерам. Располагались они с комфортом в отдельных номерах, и лишь младшие офицеры, и то с их желания, были расселены по двое. Питание арестованных осуществлялось через ресторан офицерского собрания.

Наружная охрана гостиницы возлагалась на Георгиевский батальон, который, кстати, по отношению к арестованным был настроен достаточно враждебно, а внутренняя – на Текинский полк, что служило залогом безопасности находившихся под стражей. Следует сказать, что в момент ареста Корнилова текинцы выступили в его защиту, и только приказание самого Корнилова не препятствовать его аресту прекратило кровопролитие. Текинцы настояли, чтобы все внутренние караулы были предоставлены им, причем у дверей генерала денно и нощно стояли два текинца с обнаженными клычами и подозрительно осматривали каждого входящего к генералу, а потом напряженно вслушивались, не раздастся ли призыв генерала о помощи.

Для ведения следствия по делу о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и соучастниках его для расследования 2 сентября в Могилев прибыли члены Чрезвычайной комиссии, учрежденной постановлением Временного правительства от 29 августа 1917 г. Возглавлял комиссию главный военно-морской прокурор И. С. Шабловский, членами комиссии являлись военные юристы полковники Н. П. Украинцев и Р. Р. Раупах, а также следователь по особо важным делам Н. А. Колоколов.

Вслед за комиссией 5 сентября на несколько дней выехал в Ставку премьер, а по совместительству еще и Верховный главнокомандующий Керенский с сопровождающими лицами. Сама попытка переворота, переход на сторону Корнилова командующего Юго-Западным фронтом Деникина, откровенное сочувствие корниловцам Каледина и Алексеева, отказ Лукомского и Клембовского занять место Главковерха, прокорниловская позиция командующих Западным и Румынским фронтами генералов Балужева и Щербачева – все эти факты составляли для Керенского тревожную цепочку. К тому же накопилось и много общих проблем, которые следовало решать.

По приезде в Могилев новый Верховный потребовал от Алексеева избавить Ставку от прокорниловски настроенных офицеров, но тот категорически отказался это сделать и подал в отставку. В своем рапорте на имя Верховного главнокомандующего Керенского Алексеев откровенно написал, что сочувствует идее Корнилова воссоздать в России сильную и эффективную власть. Свою миссию по ликвидации конфликта между правительством и Ставкой генерал считал выполненной и не хотел больше насиловать свою совесть выполнением тех задач, осуществление которых, по его мнению, могло принести стране только вред. «Искренно любя свою родину и глубоко скорбя о ней душой, он был ей и своему любимому военному делу беззаветно предан, что и доказал, положив начало добровольческому движению против большевиков, коему посвятил свои последние силы и отдал свою жизнь» [8, с. 167–168].

Перед отставкой Алексеев успел-таки настоять на назначении своим преемником начальника штаба Западного фронта генерала Н. Н. Духонина.

Родился Николай Николаевич Духонин 1 декабря 1876 г. в Смоленской губернии. Военное образование получил во Владимирском Киевском кадетском корпусе, в 3-м Александровском училище и Николаевской академии Генерального штаба. До января 1915 г. служил в шта-

бах, затем возглавил 165-й пехотный Луцкий полк и на всех занимаемых должностях проявил себя с положительной стороны. Был одним из 60 кавалеров ордена Святого Георгия 3-й степени. С 22 декабря 1915 г. был помощником генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта генерала Дитерихса. 25 мая 1916 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта. В июне–августе 1917 г. – начальник штаба Юго-Западного фронта. 4 августа 1917 г. был переведен в Минск на аналогичную должность в штаб Западного фронта. 9 сентября 1917 г. после ликвидации корниловского мятежа, при Верховном главнокомандующем А. Ф. Керенском стал начальником Штаба Ставки.

Вот как о своем начштаба впоследствии отзывался Керенский: «Духонин был широкомыслящий, откровенный и честный человек, далекий от политических дрызг и махинаций. В отличие от некоторых, более пожилых офицеров, он не занимался сетованиями и брюзжанием в адрес “новой системы” и отнюдь не идеализировал старую армию. Он не испытывал ужаса перед солдатскими комитетами и правительственными комиссарами, понимая их необходимость. Более того, ежедневные сводки о положении на фронте, которые он сам составлял в Ставке, носили взвешенный характер и отражали реальное положение вещей, и он никогда не стремился живописать действующую армию в виде шайки безответственных подонков. В нем не было ничего от старого военного чинуши или солдафона. Он принадлежал к тем молодым офицерам, которые переняли “искусство побеждать” у Суворова и Петра Великого, а это, наряду со многим другим, значило, что в своих подчиненных они видели не роботов, а прежде всего людей» [4, с. 314].

Следует сказать, что Николай Николаевич Духонин по долгу службы не только хорошо владел фронтовой обстановкой и особенностями деятельности Ставки, но и как сочувствующий Корнилову мог встать при необходимости на его защиту и защиту его сторонников, находящихся под арестом, поскольку необходимость в этом могла возникнуть в любой момент. Тем более что революционно настроенная общественность, подогреваемая левой прессой, открыто призывала к расправе над мятежниками.

В связи с возможной угрозой жизни арестованных в Ставке было принято решение о переводе их из Могилева в небольшой городок Быхов, что и было осуществлено в ночь с 11 на 12 сентября. На автомобилях арестованных доставили к поезду, стоявшему в целях конспирации не у пассажирской, а у товарной платформы, и в комфортабельных ва-

гонах доставили к месту назначения. Вместе с арестованными туда ушел и Текинский полк, кроме одного эскадрона, который остался в Могилеве.

В Быхове, что в сорока верстах ниже по течению Днепра от Могилева, проживало белорусское, русское, польское и еврейское население. В основном в городе преобладали деревянные строения, среди которых выделялось каменное в два этажа здание бывшего монастыря бенедиктинцев с фруктовым садом, отданное в более поздние времена под женскую гимназию. В комнаты этого старинного здания с толстыми стенами и сводчатыми потолками по двое или по трое поселили корниловских мятежников. Отдельно размещались лишь Корнилов и Лукомский.

Здесь же, в быховскую тюрьму из Витебска перевели председателя Главного комитета Союза офицеров Л. Н. Новосильцева и бывшего члена Государственного совета А. А. Римского-Корсакова, который вскоре был отпущен.

28 сентября в Быхов доставили членов «бердичевской группы» мятежников во главе с генералом Деникиным. Об этом он впоследствии в мемуарах писал: «Покружили по грязным улицам еврейского уездного города и остановились перед старинным зданием женской гимназии. Раскрылась железная калитка, и мы попали в объятия друзей, знакомых, незнакомых – быховских заключенных, которые с тревогой за нашу судьбу ждали нашего прибытия.

Явился к Верховному.

– Очень сердитесь на меня за то, что я вас так подвел? – говорил, обнимая меня, Корнилов.

– Полноте, Лавр Георгиевич, в таком деле личные невзгоды ни при чем.

Мы уплотнили население Быховской тюрьмы; я и Марков расположились в комнате генерала Романовского. Все пережитое казалось уже только скверным сном» [4, с. 303].

На начало октября в Быховской тюрьме находилось 10 генералов: генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов, генерал от кавалерии И. Г. Эрдели, генерал-лейтенанты А. И. Деникин, А. С. Лукомский, Е. Ф. Эльснер, Г. М. Ванновский, генерал-майоры И. П. Романовский, В. Н. Кисляков, С. Л. Марков, М. И. Орлов. Здесь же под стражей содержались 3 подполковника, 3 капитана, 1 есаул, 1 штабс-капитан, 1 поручик, 2 прапорщика, 1 военный чиновник, 1 журналист и 1 член Государственной Думы.

Как и в Могилеве, охрана арестованных осуществлялась Георгиевским батальоном и Текинским конным полком. Шесть постов георгиев-

евцев располагались по периметру стены, окружавшей здание тюрьмы. Внутри, в вестибюле и на площадке второго этажа, стояли караульные-текинцы, посты часовых были расположены и по концам коридора.

Режим содержания в быховской тюрьме мало чем отличался от условий пребывания под арестом в Могилеве. Как пишет А. И. Ушаков в книге «Лавр Корнилов»: «Утром между восемью и девятью часами подавался кофе или чай. С одиннадцати до часу дня полагалась прогулка. В час дня – обед, затем вновь прогулка и прием посетителей и в восемь вечера ужин. В десять часов было предписано гасить свет в комнатах.

Завтракали, обедали и ужинали арестованные в общей столовой на первом этаже. Лишь Корнилову подавали еду прямо в комнату. Гуляли обитатели дома во внутреннем дворе, примыкавшем к костелу. Другим излюбленным местом прогулки был старый сад. Здесь стояли скамейки, и можно было сесть с книгой или газетой, благо погода стояла удивительно хорошая».

Арестованным было разрешено встречаться с родными, а с разрешения коменданта тюрьмы – и с иными лицами. Однако ни политиков, ни старших офицеров, ранее сочувствовавших корниловскому выступлению, среди посетителей зафиксировано не было. «Несколько раз в здание тюрьмы, – пишет А. И. Ушаков, – пытались проникнуть корреспонденты столичных газет. Журналист Филатов из “Раннего утра”, назвавшись другом полковника Пронина, беспрепятственно проник в сад. Его спутница, некая Рихтер, сумела пробраться в само здание и бесцеремонно ввалилась в комнату Корнилова, когда тот спал. Когда ее попытались увести, она убежала и спряталась. С огромным трудом настырных журналистов выдворили вон. Этот инцидент привел к смещению коменданта тюрьмы полковника Григорьева, замененного на этом посту полковником Эргардом» [89, с. 240–241].

Корнилов держался в стороне от других арестованных, в большинстве своем находился в своей комнате и что-то писал, а на прогулках общался, как правило, с другими генералами, обсуждая события. По воспоминаниям Деникина, Корнилов без помех общался со Ставкой, Советом Союза казачьих войск, командиром 1-го польского корпуса генералом И. Ф. Довбор-Мусницким и даже с Калединым по вопросам борьбы с революционным движением.

Следует отметить, что находящаяся в Петрограде Чрезвычайная следственная комиссия под председательством главного военно-морского прокурора И. С. Шабловского даже не рассматривала арестованных

генералов как преступников. 9 ноября член этой комиссии полковник Украинцев в ответ на запрос о порядке удовлетворения арестованных денежным содержанием послал дежурному генералу Ставки записку, в которой разъяснял: «Чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная для расследования настоящего дела, не является комиссией следственной, а поэтому и лица, деятельность коих ею обсуждается, не могут почитаться ни обвиняемыми, ни подследственными. Лишение свободы этих лиц комиссией на основании специального полномочия, предоставленного комиссии, не является мерой пресечения, а особой мерой политического характера. Принимая во внимание, что всякое ограничение прав того или иного лица должно быть прямо обосновано в законе и что такого закона в отношении лиц, прикосновенных к данному делу и поставленных Временным правительством фактом учреждения особой комиссией в особое же положение, нет, я полагаю, что ограничение их в удовлетворении содержанием представляется неправильным» [66, с. 101; 84].

А между тем эта учрежденная постановлением Временного правительства от 29 августа 1917 г. комиссия официально именовалась так: «Чрезвычайная комиссия для расследования дела о бывшем верховном главнокомандующем генерале Корнилове и соучастниках его». В указах же Временного правительства, изданных 29 августа, персонально о каждом арестованном говорилось, что они отчисляются от должности и предаются суду за мятеж.

Никаких изменений в положении арестованных не произошло и после Октябрьской революции. Советское правительство в лице своего чрезвычайного органа – Петроградского ВРК сразу же после победы революции постановило доставить Корнилова и его сообщников в Петроград для заключения в Петропавловскую крепость и предания революционному суду [65, с. 142]. Но Могилевский Совет и Общеармейский комитет при Ставке, находившиеся во власти меньшевиков и эсеров, не выполнили этого постановления.

В конечном счете, несмотря на щадящие условия содержания узников, жизнь в быховской тюрьме не предвещала ничего хорошего, их будущее оставалось неопределенным. Первоначально против Корнилова и его сподвижников было выдвинуто обвинение в государственной измене по ст. 108 Уголовного уложения, за что предусматривалась смертная казнь. Затем комиссия переквалифицировала обвинение на ст. 100, о бунте против верховной власти, санкция которой предусматривала на-

казание от бессрочной каторги до смертной казни. Как видим, перспективы для арестованных военных вырисовывались мрачные. Но судьба распорядилась иначе, суд не состоялся.

После Октябрьской революции и прихода к власти большевиков юридический статус быховских узников оказался вконец запутанным. Они обвинялись в мятеже против правительства, которое само к тому времени прекратило существование. Казалось, теперь не оставалось никаких формальных препятствий, мешавших бегству. Тем не менее Корнилов не предпринимал никаких активных шагов, чтобы покинуть Быхов.

Это объяснялось многими причинами. Первые дни и даже недели все были убеждены, что большевики долго не продержатся. Раз так, то не имело смысла торопить события. Еще более серьезной причиной было опасение того, что известия о бегстве Корнилова могут привести к падению фронта. Деникин писал:

«Падение фронта!

Этот фатум тяготел над волей и мыслью всех военачальников с самого начала революции. Он давал оправдание слабым и связывал руки сильным. Он заставлял говорить, возмущаться или соглашаться там, где нужно было действовать решительно и беспощадно. (...) Даже когда разум говорил, что фронт уже кончен, чувство ждало чуда, и никто не мог и не хотел взять на свои плечи огромную историческую ответственность – дать толчок к его падению – быть может последний» [27, т. 1, с. 142–143].

А что же Ставка? Вот она как раз больше всего заботилась, чтобы спасти, сохранить своих контрреволюционных сподвижников. Еще 29 октября Духонин в докладе Керенскому выражал тревогу относительно безопасности арестованных. В Ставке размышляли о переводе арестованных из Быхова в удаленный от железной дороги городок Чериков. Духонин называл побудительную причину этого намерения – опасность самосуда со стороны проходящих через Быхов воинских эшелонов. Но, как показали события, этот замысел спасения Корнилова и его сообщников уступил место другому. Уже после Октябрьской революции, видя, что дни контрреволюционной Ставки сочтены, Духонин и другие единомышленники Корнилова решили освободить арестованных, понимая, что после вступления в Могилев революционных войск Ставка уже не сможет спасти корниловцев от неминуемой расправы.

Во второй половине ноября, воспользовавшись царившей в стране и в армии неразберихой и приказом Духонина об освобождении арестованных офицеров, Корнилов и другие генералы беспрепятственно покинули Быхов.

20 ноября в Могилев вступили отряды революционных войск во главе с назначенным Советским правительством Верховным главнокомандующим Н. В. Крыленко. В тот же день в Ставке была получена спешная телеграмма из Быхова: начальник гарнизона генерал-майор Г. В. Остапович доносил, что в минувшую ночь Корнилов бежал из места заключения вместе с охранявшим арестованных Текинским конным полком, а несколько раньше, утром 19 ноября, бежали все генералы, освобожденные якобы по распоряжению из Петрограда.

Вот как об этом пишет в мемуарах А. И. Деникин: «...Утром 19-го в тюрьму явился полковник Генерального штаба Кусонский (начальник отдела в управлении генерал-квартирмейстера Ставки. – *Авт.*) и доложил генералу Корнилову:

– Через четыре часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов.

Генерал Корнилов пригласил коменданта, подполковника Текинского полка Эргардта, и сказал ему:

– Немедленно освободите генералов. Текинцам изготавиться к выступлению к 12 часам ночи. Я иду с полком...» [27].

«Поздно вечером 19 ноября комендант Быховской тюрьмы сообщил георгиевскому караулу о полученном распоряжении освободить генерала Корнилова, который уезжает на Дон...

(...)

В полночь караул был выстроен, вышел генерал, простился с солдатами, поблагодарил своих “тюремщиков” за исправное несение службы, выдал в награду 2 тысячи рублей. (...)

В час ночи сонный Быхов был разбужен топотом коней. Текинский полк во главе с генералом Корниловым шел к мосту и, перейдя Днепр, скрылся в ночной тьме» [72].

Но мемуары Деникина вряд ли воспроизводят истинную картину описываемых событий, поскольку Деникин не был очевидцем бегства Корнилова, так как покинул место заключения раньше него.

Обратимся к архивным документам того времени. Новый начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал М. Д. Бонч-Бру-

евич распорядился произвести тщательное дознание об этом случае с выездом на место происшествия в Быхов. Для расследования обстоятельств побега была создана специальная комиссия, в состав которой вошли член ВРК при Ставке А. Г. Сацукевич, представители Могилевского ВРК Кудрявцев и Колосов, заведующий военно-судебной частью Ставки подполковник Толмачев и чиновник для поручений управления помощника начальника Штаба Главковерха Кобецкий. Ими 23 ноября было проведено дознание, протоколы которого находятся на хранении в Центральном государственном военно-историческом архиве России.

Так, из показаний ефрейтора 3-й роты Георгиевского батальона Е. Н. Лугового следует: «К 18 ноября в гимназии под арестом находилось 8 человек заключенных: генералы Корнилов, Деникин, Марков, Лукомский, Романовский, подполковники Брагин, капитан Роженко и бывший член Государственной думы Аладьин. Охрана была разделена на внутреннюю и внешнюю. Внутреннюю охрану и поверку всякого рода пропусков и документов производил караул от Текинского конного полка, а охрана наружная была поручена караулу от нас, георгиевцев. Для внешней охраны постоянно находилось в Быхове команда георгиевцев из 75 человек под начальством прапорщика Гришина. Команда эта ежедневно наряжала караул из пяти внешних постов часовых при караульном унтер-офицере (он же разводящий) с подчинением караульному офицеру от Текинского конного полка. Несение службы с самого начала было обставлено так, что нас, георгиевцев, ни во что не посвящали, арестованных мы не принимали, их не контролировали и не освобождали – все это было возложено на текинцев, которым мы не вполне доверяли и которые к нам относились враждебно. О ненадежности охраны георгиевцы заявляли в Могилевский исполнительный комитет и делегации от Юго-Западного фронта и просили передать всю охрану арестованных или только нам, георгиевцам, или же освободить нас от такой службы. На наши заявления мы ответа не получили, и дело охраны оставалось по-прежнему.

18 ноября в 7 часов были освобождены Аладьин, Брагин и Роженко. При их освобождении (...) присутствовал комендант Быхова подполковник Эргардт. Освобожденные с вещами отправились на вокзал, их провожал прапорщик Гришин, и они отъехали на поезде на Киев. Ничего подозрительного в освобождении этих арестованных заметить нельзя было: все делалось обычно, как освобождались раньше заключенные в гимназии.

19 ноября утром, часов в 10, освободили Деникина, Маркова, Лукомского и Романовского. Прапорщик Гришин объяснил караулу, что генералы освобождены по бумагам Чрезвычайной следственной комиссии. Бумаг этих нам никто не предъявлял. Так как при освобождении опять-таки присутствовал комендант, и мы не имели права требовать и проверять бумаги. Куда направились от коменданта освобожденные, никто из нашей команды не видел и до сих пор не знает» [93;66, с. 98].

В этом месте целесообразно прервать показания ефрейтора Лугового и обратиться к воспоминаниям Деникина о том, свидетелем чему он был и чего Луговой знать не мог: «На квартире коменданта, – пишет Деникин, – мы переоделись и резко изменили свой внешний облик. Лукомский стал великолепным “немецким колонистом”, Марков – типичным солдатом, неподражаемо имитировавшим “сознательного товарища”. Только Романовский ограничился одной переменной генеральских погон на прапорщичьи». Далее Деникин сообщал, что освобожденные из-под стражи генералы решили добраться до Новочеркасска разными путями и получили в штабе 1-й польской дивизии фальшивые документы. Он свидетельствовал, что начальник дивизии генерал Г. В. Остапович имел распоряжение командира корпуса И. Ф. Довбор-Мусницкого оказать содействие беглецам и «препятствовать всяким насилиям советских войск» [27]. Деникин выехал из Быхова поездом в половине одиннадцатого вечера 19 ноября, когда Корнилов еще оставался в помещении гимназии.

«Таким образом, – продолжает ефрейтор Луговой, – в заключении оставался один генерал Корнилов, который в этот день совершил обычную прогулку и вел себя совершенно так, как во все предыдущие дни заключения. С освобождением всех заключенных, кроме Корнилова, сама собой приходит мысль, что и Корнилов будет освобожден Чрезвычайной следственной комиссией. Действительно, ночью, в первом часу на 20 ноября в наше караульное помещение вошел прапорщик Гришин и сказал, что Корнилов освобождается по предписанию Чрезвычайной следственной комиссии, и приказал снять часовых. Корнилова освободил комендант, который вместе с караульным начальником и прапорщиком Гришиным провожали Корнилова из здания гимназии. Гришин был без шапки, в одной гимнастерке и никаких подозрений не вызывал. Гришину мы очень доверяли и на него надеялись, так как он произведен из наших же солдат и всегда жил с нами в большой дружбе.

Как выяснилось к утру, Корнилов у моста через Днепр сел на своего собственного коня и вместе с комендантом, прапорщиком Гришиным, всеми офицерами и текинцами уехал по черниговскому шоссе на юг. Побег обнаружился спустя час или два, когда не вернулся прапорщик Гришин и наш патруль не нашел в городе никого из текинцев. Было дано знать по линии железной дороги и в Могилевский Совет, но перехватить Корнилова оказалось невозможным. Главная вина в побеге Корнилова и других заключается в полном содействии им коменданта, всех текинцев и нашего прапорщика Гришина. Как устанавливается сейчас, что если бы мы догадались в последнюю минуту задержать их, то была спешена сотня текинцев, и она силой оружия все-таки освободила бы Корнилова...» [94; 66, с. 98–99].

В ночь бегства Корнилова старший унтер-офицер 3-й роты Георгиевского батальона П. В. Чистяков был караульным унтер-офицером и разводящим. Он показал: «Ночью, в первом часу на 20 ноября, в караульное помещение вошел прапорщик Гришин и объявил, что Корнилов освобождается. Я... спросил: кто разрешил освободить Корнилова? Гришин ответил, что по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии и что никаких сомнений в этом не может быть, так как Гришин сам просматривал бумаги и все они действительны и верны, за что он ручается головой, и приказал снять часовых. Часовые были сняты и вошли в караульное помещение. Генерал Корнилов спустился с верхнего этажа, одетый в обычную форму. Проходя возле нашего помещения, он сказал: “Прощайте, георгиевцы, я уезжаю”. Корнилова сопровождали офицеры. Наш прапорщик Гришин был без шапки и в одной гимнастерке. Вслед за Корниловым вышли текинцы в полном оружии. Отъезд текинцев подозрительным для нас не мог быть, так как они считались личной охраной Корнилова, который к ним был очень близок и часто разговаривал с ними. Подозрительным показалось только долгое отсутствие прапорщика Гришина, который сказал, что проводит Корнилова и вернется. Прошел час, а Гришин не возвращался. Караул начал волноваться. Я послал патруль из четырех человек по гостиницам отыскать Гришина. Его не нашли. Только теперь обнаружилось, что Гришин нас подвел: Корнилов со всеми текинцами бежал...» [94; 66, с. 99].

В показаниях ефрейтора 3-й роты Георгиевского батальона И. А. Бордынюка описывается, как прапорщик Гришин за несколько часов до побега Корнилова выяснял возможную реакцию караула на

освобождение Корнилова и заодно подготавливал солдат к спокойному реагированию на такой факт. Бордынюк пояснил, что 19 ноября около 7 часов вечера в беседе с георгиевцами в караульном помещении Гришин спрашивал, каково будет их отношение, если Чрезвычайная следственная комиссия освободит генерала Корнилова. Солдаты ответили, что надо хорошо проверять бумаги. Гришин уверил их, что в этом нечего сомневаться, так как бумаги он всегда просматривает и за правильность их отвечает головой. Караульные поверили Гришину. «У нас, – показал Бордынюк, – не возникло никаких сомнений, тем более что главную охрану Корнилова несли текинцы и за правильность освобождения отвечал комендант. Только теперь мы поняли, что комендант, все офицеры Текинского полка, сами текинцы, наш прапорщик Гришин... держали сторону Корнилова и других содержавшихся с ними преступников» [94; 66, с. 99].

Рассказанное ефрейтором Бордынюком подтверждается показаниями подпрапорщика той же роты С. П. Петренко. А что делалось в ту ночь в Текинском конном полку, нам доносят показания фельдшера 1-го эскадрона текинцев А. В. Храпова: «В час ночи с 19 на 20 ноября, – говорится в его показаниях, – в 1-м эскадроне офицеры по тревоге подняли всадников и обоз и приказали немедленно строиться без указания, куда следовать. Все обозные русские отказались выходить и не хотели запрягать. Нас заставили запрягать и следовать под обнаженными шашками. Эскадрон собрался, и поручик Капков повел его по Банной улице к мосту. При въезде в улицу эскадрон спешился, и всадники взяли направление к гимназии, где содержался Корнилов. В это время 2-й и 3-й эскадроны ожидали в конном строю около днепровского моста. Через четверть часа у моста появился всадник около собственной лошади Корнилова, сел на нее, и тогда эскадроны начали вытягиваться через мост. Впереди пошел 2-й эскадрон, за ним 1-й, во главе второго следовал всадник, севший на корниловского коня. За 1-м эскадроном следовал 3-й эскадрон и пулеметная команда. Я ехал на коне в хвосте 1-го эскадрона. Настроение мое было тревожно. Я не сомневался, что Корнилов совершал побег. Отделиться от полка не было возможности. Пройдя не более четверти версты от моста, меня догнал член полкового комитета старший унтер-офицер Ходжинапес Джумиев. Я спросил его, по какому случаю произошла тревога, и куда идем. Он мне сказал открыто по-туркменски, что бояр Корнилов убежал. Я решил в ближайшем лесу скрыться и дать

знать о побеге Корнилова. Действительно, в лесу мне удалось отделиться от полка и, выйдя на дорогу, я наткнулся на автомобиль, шедший из Георгиевского батальона... Я сообщил о побеге Корнилова пассажирам автомобиля и поехал вслед за ними в Быхов» [94; 66, с. 99].

Получив сообщение о побеге быховских узников, свою реакцию Военно-революционный комитет при Ставке выразил в датированной 24 ноября 1917 г. телеграмме всем Советам и войсковым комитетам о принятии мер к аресту Корнилова, в которой в частности говорится:

«Фронтовым, армейским, корпусным, дивизионным комитетам, всем Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

24 ноября. Изменник и предатель революции ген. Корнилов, бежал на юг из Быхова в сопровождении 400 текинцев, отправился на юг по направлению Клинцы, Новозыбков, Сураж. По дороге он силой заставил идти с ним 40 солдат-пулеметчиков. Отряд Корнилова насильно забирает от крестьян фураж и хлеб. Жители против Корнилова. Военно-революционный комитет при Ставке требует, чтобы все военно-революционные комитеты, Советы приняли срочно меры для ареста Корнилова и передачи его революционному народному суду. О всех продвижениях и о месте нахождения Корнилова просим телеграфно сообщить Военно-революционному комитету при Ставке.

Председатель Ревкома Ставки Боярский.
Секретарь Зобков» [62, с. 80].

О побеге Корнилова из быховской тюрьмы было доложено в Петроград. В донесении говорилось, что по прямому проводу из Могилева получено сообщение о побеге из быховской тюрьмы генерала Корнилова. Вместе с ним бежали главнокомандующий Юго-западным фронтом генерал Деникин, начальник штаба генерал Марков, генерал-квартирмейстер Орлов и другие лица, содержащиеся в тюрьме. Выйдя из тюрьмы, генерал принял командование над четырьмя сотнями текинцев, перешедших на его сторону, и распорядился об освобождении всех остальных заключенных и затем в полном боевом порядке, во главе отряда, двинулся по шоссе на юг. Слух о том, что генерал Корнилов был осво-

божден по ордеру главного военно-морского прокурора Шабловского, категорически опровергается Чрезвычайной комиссией по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках. Местонахождение Корнилова пока еще не обнаружено.

А Корнилов тем временем, преследуемый революционными войсками, с конным отрядом походным порядком двигался из Быхова в направлении на Мглин и далее на Дон. И, как указывают в своих донесениях представители обеих противоборствующих сторон, в бою 27–28 ноября под Унечей потерпел поражение и с поля боя бежал в Новочеркасск. Здесь он с генералом Алексеевым возглавил белогвардейскую Добровольческую армию¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Временное правительство не отменило этот приказ Петроградского совета, что придало ему законодательную силу. Сам А. Ф. Керенский очень отстаивал приказ, считая его одним из главных достижений Февральской революции.

2. На тот момент американская армия насчитывала лишь 190 тыс. человек, меньше, чем у Болгарии или Румынии. Полки и дивизии, которым предстояло воевать, только начали формироваться. 18 мая в стране ввели всеобщую воинскую повинность. Призыву подлежали мужчины от 21 до 30 лет. Президент Вильсон обещал, что к весне следующего года на Западном фронте будет около 1 млн американских солдат. У США был мощный экономический потенциал. Так, если войну они начинали, имея 55 самолетов, то закачивали ее, имея уже 17 тыс. самолетов – больше, чем у всех воюющих стран.

3. 4 мая 1917 г. замечательно еще и тем, через две с половиной недели после Ленина в Петроград из США прибыл Лев Троцкий. Если за Лениным, по некоторым сведениям, стоял немецкий Генеральный штаб, то за Троцким стоял некий Яков Шифф – американский банкир и лидер сионистской организации. Впрочем, и немцев через Парвуса на цели русской революции финансировали американские банкиры.

4. Следует отметить, что Керенский родился в один день с Ульяновым (Лениным) в том же городе, в учительской семье, только на 11 лет позже.

5. Институт военного духовенства в армии и флоте был упразднен Приказом № 39 Народного комиссариата по военным делам 16 января 1918 г.

6. После смещения с должности Алексеев был назначен военным советником, участвовал в аресте мятежного генерала Корнилова, отправив его под охрану верных солдат, чем спас от расправы. После Октябрьской революции бежал в Новочеркасск и 2 ноября приступил к созданию Алексеевской организации из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, студентов, кадетов и др. 25 декабря формирование получило наименование Добровольческой армии, Алексеев стал ее руководителем, а Корнилов – командующим. В воззвании от 27 де-

кабря 1917 г. Добровольческая армия обязалась стоять на страже гражданской свободы, «в условиях которой хозяин земли русской, ее народ, выявит через посредство свободного избранного Учредительного собрания державную волю свою». После гибели Корнилова 13 апреля 1918 г. при штурме Екатеринодара Алексеев – руководитель «Особого совещания» (правительства территории, на которую распространялась власть Добровольческой армии), а Деникин – командующий. В августе 1918 г. на встрече в Екатеринодаре с представителями «фронта Учредительного собрания» Поволжья Алексеев заявил, что лозунг Учредительного собрания изжит и народ тоскует по монархии. Алексеев умер 8 октября 1918 г. от воспаления легких и был торжественно похоронен в усыпальнице Екатеринодарского войскового собора. В начале 1920 г. во время отступления Белой армии вдова генерала, Анна Николаевна, настояла на переносе праха генерала в Сербию. Он захоронен на Новом кладбище в Белграде, на его могиле установлен скромный памятник.

7. Следует сказать, что некоторое время спустя, 12 июля 1917 г. Керенский подписал постановление о введении на время войны смертной казни – расстрела за измену Родине, бегство с поля сражения, уклонение от участия в бою и переход на сторону неприятеля. На флоте смертная казнь за подобные преступления была введена 31 июля. Одновременно на фронте для вынесения таких смертных приговоров создавались революционно-полевые суды из офицеров и солдат на паритетных началах. Однако на практике смертная казнь тогда не получила применения, поскольку это было чревато открытыми солдатскими бунтами.

8. Недаром бывший Верховный главнокомандующий генерал Алексеев сравнил это совещание с консилиумом врачей у постели тяжелобольного человека.

9. В Москве Брусилов и встретил Октябрьскую революцию. В ходе уличных боев между юнкерами и красногвардейцами один из снарядов угодил в дом Брусилова и тяжело ранил его в ногу в нескольких местах, после чего он лечился долгих 8 месяцев. Вот уж удивительно: ни турецкий ятаган, ни немецкая пуля не достали генерала Брусилова, а пострадал он от снаряда, выпущенного своими же артиллеристами. Далее жизнь Брусилова была связана с Красной Армией. Он читал лекции в Академии РККА и вел теоретические занятия в кавалерийской школе. В 1923 г. 70-летний Брусилов был назначен инспектором кавалерии РККА, но уже через год попросил отпустить его на лечение в Чехословакию, где и провел последние годы жизни. Умер Алексей Алексеевич в 1926 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве со всеми воинскими почестями.

10. Как показала жизнь, все эти три назначения оказались неудачными.

11. Романовский Иван Павлович, из дворян, родился в 16.04.1877 в Луганске. Окончил Московский кадетский корпус в 1894 г., Константиновское артиллерийское училище в 1897 г., Николаевскую Академию Генерального штаба –

в 1902 г. Офицер Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. После революции активный участник Белого движения. Эвакуировался в Константинополь, где был убит 5.04.1920.

12. Плющевский-Плющик Юрий Николаевич родился в 1877 г., окончил Александровский кадетский корпус в 1895 г., Константиновское военное училище – в 1898 г., Николаевскую академию Генерального штаба – в 1905 г. Офицер Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, состоял в прикомандировании к Лейб-гвардии Семеновскому полку. После революции активный участник Белого движения. Эмигрировал в марте 1920 г. с генералом Деникиным в Сербию, затем во Францию. Умер 9.02.1926 в Париже.

13. После назначения генерала Корнилова патриотические, умеренно настроенные круги русского общества, потерявшие уже было надежду на спасение России, воспряли духом. Круги эти состояли из деятелей Союзов Земств и Городов, из членов умеренно-либеральных буржуазных партий и из разных представителей культурно-просветительных объединений. В то время как революционный центр, возглавляемый Временным правительством и Советами солдатских и рабочих депутатов, находился в Петрограде, деятели вышеупомянутых патриотических объединений, союзов и партий сосредоточились в Москве.

14. В 1919 г. Деникин стал одним из основателей Белого движения. С апреля 1920 г. находился в эмиграции, перебивав во многих странах Европы и в США. С 1920 г. работал над капитальным пятитомным мемуарным и аналитическим трудом «Очерки Русской Смуты», переизданным в постсоветской России. Перезахоронен в Москве в 2005 г.

15. Во время штурма Екатеринодара Корнилов шальным снарядом был убит. Сложил голову в этой войне и генерал Марков. Ближайшие сподвижники Корнилова генералы Деникин и Лукомский, пройдя кровавый путь Гражданской войны, оказались в эмиграции, где спокойно доживали свой век, работая над мемуарами. Генерал Романовский погиб в эмиграции от руки своего же офицера-белогвардейца.

Глава 4

СТАВКА
РУССКОЙ АРМИИ
ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РУССКОЙ АРМИЕЙ Н. Н. ДУХОНИН

Ко времени назначения генерала Н. Н. Духонина начальником Штаба Верховного главнокомандующего Ставка состояла из 16-ти управлений и 3-х канцелярий, в которых было задействовано до 250 генералов, офицеров и чиновников. Военным комиссаром Временного правительства при Ставке являлся В. Б. Станкевич, генерал-квартирмейстером Штаба Главковерха был назначен генерал М. К. Дитерихс¹.

Михаил Константинович Дитерихс родился 5(17).04.1874 г. в С.-Петербурге в семье генерала. В 1894 г. окончил Пажеский корпус и в звании подпоручика был направлен в Туркестанский военный округ для прохождения службы делопроизводителем Конно-Горской батареи. В 1899 г. закончил Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на различных должностях в войсках. Участник Русско-японской войны (1904–1905), за боевые заслуги досрочно произведен в подполковники. Далее служил на различных штабных должностях. С началом Первой мировой войны получил должность начальника оперативного отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, также находился и на других должностях. В мае 1916 г. был назначен начальником 2-й Особой пехотной бригады, вместе с которой в августе того же года прибыл в Грецию на Салоникский фронт. В июле 1917 г. отозван в Россию и в сентябре того же года назначен генерал-квартирмейстером Ставки. В том же году произведен в генерал-лейтенанты.

Ставка по-прежнему находилась в Могилеве.

«С революцией город мало изменился, разве что стал еще грязнее и скучнее, – запишет много лет спустя участник тех событий М. Д. Бонч-Бруевич. – Приехав в Могилев, я не сразу покинул поло-

женный мне по чину вагон и предпочел выслать “на разведку” своего адъютанта, лихого и услужливого поручика. Вскоре адъютант вернулся и доложил, что на путях стоят салон-вагоны прежнего начальника штаба Ставки генерала Алексеева и нового – генерала Духонина, но сами они находятся в городе.

...Я отправился в штаб верховного главнокомандующего. Он, как и прежде, помещался в губернаторском доме. Внешний вид Ставки несколько не изменился за время моего отсутствия. Но внутри знакомого дома все показалось мне каким-то слинявшим и выцветшим. У находившегося в подъезде полевого жандарма не было и намека на былую выправку. Увидев меня, он и не думал спросить пропуск, и, никем не остановленный, я быстро прошел в кабинет начальника штаба Ставки. Духонин был у себя, и мы радостно поздоровались.

(...)

Пользуясь старой нашей близостью, я без обиняков спросил Духонина:

– Что вам за охота была, Николай Николаевич, принимать должность начальника штаба Ставки при таком верховном, как Керенский?

– Ничего не поделаешь, на этом настаивал Михаил Васильевич, – признался Духонин.

– При чем тут Алексеев? – не выдержал я. – Вопрос слишком серьезен для того, чтобы решать его только в зависимости от желания кого бы то ни было...

– Что вы, что вы! – запротестовал Духонин и тоненьким своим голосом начал доказывать, что воля Алексеева в данном случае должна являться законом; время ответственное – это верно; но именно потому, что мы переживаем исторические дни, нельзя руководствоваться личными отношениями. Сам Михаил Васильевич готов принести себя в жертву интересам армии и потому согласился на назначение начальником штаба Ставки; не дай он согласия, Ставку после провалов Корнилова разнесли бы, – известно ведь, какой из Керенского “верховный”. Наконец, назначение Алексеева начальником штаба к Керенскому спасло Лавра Георгиевича и остальных участников корниловского заговора, – теперь они, слава богу, в Быхове и вне опасности...

– Но Михаил Васильевич не мог остаться в Могилеве, – продолжал Духонин. – Как-никак он был ближайшим помощником отрекшегося государя, и этого ему простить не могут. Поэтому-то он и решил подать в отставку и уехать к себе в Смоленск. А уж заменить его некому, кроме

меня... – с неумной самонадеянностью закончил Духонин и через пенсне испытующе поглядел на меня» [5, с. 172–174].

Генерал Духонин был совсем еще молодой для своей должности, ему только исполнилось сорок лет. По воспоминаниям современников, он умел произвести впечатление, всегда был подтянутый и даже щеголеватый, носил франтовато закрученные усы, пенсне без оправы, аксельбанты на кителе, свидетельствующие о причислении к Генеральному штабу, и белый Георгиевский крест на груди. Нередко бывает, что за блестящей внешностью скрывается личность пустая и обедненная талантами. О Духонине этого сказать было нельзя – деловой штабист и человек храбрый, о чем свидетельствовали ордена Святого Георгия IV и III степеней и Святого Владимира III степени с мечами. К тому же Духонин на редкость отличался честностью и прямоотой и, что характерно, не имел, каких бы то ни было диктаторских амбиций.

«Из всех главковерхов я знал Духонина лучше всех, – пишет о нем военный корреспондент «Русских Ведомостей» Н. Каржановский. – Еще в Бердичеве, а потом в Каменец-Подольске (он был там главковерхом, т. е. генерал квартирмейстером штаба юго-западного фронта) я проводил в его кабинете целые часы (летом и осенью) 1916 года и зимой – до самой революции.

Скромный и не любящий шумихи, он настоял на том, чтобы даваемые им сведения я печатал, как переданные мне “из источника, безусловно, осведомленного”. Этим источником и был сам Духонин.

Личную свою храбрость он доказал на деле. Командуя полком, он участвовал в походе на Карпаты. Он входил в число отрядов, которым Николай Николаевич поручил “атаковать”, с голыми почти-что руками, Краков (Краков непреступная крепость!).

Кракова Духонин не видел, но свой полк вел храбро и довел до одного из фортов. Почти весь полк лег там костями во славу августейшего главковерха, а сам Духонин был тяжело ранен и получил Георгия.

Во время Брусиловского наступления блестяще развернулись военные таланты Духонина. Всю оперативную часть наступления он вынес, можно сказать, на своих плечах.

На этом посту главковерха ему приходилось “творить”. Надо было спасать и хранить то, что можно спасти и сохранить. Это и делал Духонин...

Не разбивавшийся в политических вопросах, он не повторил ошибок Корнилова или Алексеева и не ринулся в тонкости политических

комбинаций и “ситуаций”. Войсковой властью в то время был “общееармейский комитет”... Духонин без спору признал этот комитет как бы своим кабинетом, а себя – его министр-премьером» [44].

Эту характеристику дополняет А. Дикгоф-Деренталь, который в своих воспоминаниях говорит следующее: «Генерал Духонин – красивый, блестящий, эlegantный “баловень фортуны и чинов” – был человек безусловной, испытанной личной храбрости и доблестного самоотвержения... Но в незнакомых ему вопросах общественных и политических отношений он совершенно терялся и робел, не имея никогда мужества принять какое-нибудь определенное решение...

Незадолго до большевистского восстания образовавшийся при Ставке общеармейский комитет послал как-то Керенскому “очередную бумажку”, начинающуюся словами:

– Мы требуем...

Керенский вернул ее обратно с пометкой:

– Общеармейский комитет не имеет права “требовать” у своего главнокомандующего... Он может только “обращаться с просьбой”...

История эта сделалась достоянием печати. Генерал Духонин был вне себя.

– Разве можно рассказывать о таких вещах журналистам?..

Но (...) время шло, никакого землетрясения по случаю оскорбления демократического величества не произошло – и, успокоившись, генерал Духонин уже сам своим размашистым почерком синим карандашом делал отметки на “требующих” телеграммах:

– Требовать не имею права!..» [42, с. 9–11].

Возможно, эти характеристики его современников и не лишены доли идеализации Духонина, поскольку писались после его убийства, в связи с чем его имя стало священным в контрреволюционных кругах, но все же основные черты, характеризующие генерала, ясны. Это был корректный и готовый рисковать собой человек, лишенный широкого кругозора, далекий от политики и, несмотря на личную храбрость, не способный на смелые политические шаги и самостоятельную политическую роль, поскольку всю жизнь он привык быть на вторых ролях. Возглавляя Ставку и политически слушаясь общеармейского комитета, он, по выражению Г. Лелевича, «превратился в игрушку контрреволюции и оказался на дороге рабочего восстания. Трагическая гибель его была предрешена» [42].

Оказавшись в новом для себя качестве, Духонин старался прислушиваться к советам со всех сторон и очень быстро запутался. Главным центром интриг в эти дни стала гостиница «Франция», где квартировали разного рода заговорщики – от начальника гарнизона Могилева генерала М. Д. Бонч-Бруевича, брата известного большевика, являвшегося в ту пору комендантом Смольного, через которого он находился в постоянном контакте с новыми властями Петрограда, до верховного комиссара В. Б. Станкевича, назначенного на пост одним из последних распоряжений Керенского и приехавшего в Ставку уже после захвата большевиками власти. В этой же гостинице проживали и офицеры, разделявшие взгляды Корнилова, поддерживавшие с ним связь через его бывшего адъютанта Хана Хаджиева, ежедневно навещавшегося к быховским узникам и выполнявшего их поручения.

А тем временем обстановка на фронте становилась все хуже и хуже. Солдаты бежали с позиций, бросая оружие. Они радовались поражениям, надеясь, что это заставит скорее окончить войну. Участились случаи неповиновения начальству, и целые дивизии отказывались воевать.

В Ставке началось смятение, и когда генерал Духонин приказал особому отделу дать сводку о настроении и боеспособности армии для вручения военным представителям, ехавшим во Францию, то на 15 октября 1917 г., канун большевистской революции, ему были представлены сведения, по ознакомлении с которыми генерала охватил ужас. Армии уже фактически не было, а существовала бесформенная неуправляемая вооруженная толпа, не способная не только к военным операциям, но даже к организованному отступлению. К сожалению, хоть как-то выправить сложившееся безнадежное положение на фронтах и Духонину было уже не под силу. А два дня спустя и командование Русской армии встало перед выбором: что делать? К какому лагерю примкнуть, чтобы не быть сметенным восставшим народом, стремившимся к миру во что бы то ни стало. В Петрограде произошла Октябрьская революция, к власти пришли большевики.

Уже на следующий день после взятия власти в свои руки большевики издали «Декрет о мире», где призывали все воюющие страны к немедленному заключению мира без всяких аннексий и контрибуций. Но это была лишь декларация, всем было понятно, что мира на этих условиях не будет, а большевистскому правительству без сильной армии нелегко будет заключить с Германией сепаратный мир.

Большевики, как и Временное правительство, заверили население России, что берут власть до Учредительного собрания, созыв которого

намечался на 5 января (по ст. стилю) 1918 г. Однако выборы в Учредительное собрание, проходившие в ноябре 1917 г., показали, что авторитета у них среди населения страны нет. Они набрали лишь 25 % голосов, меньшевики и эсеры – 62 %, остальные партии – 13 % [14, с. 52].

До созыва Учредительного собрания большевики всячески укрепляли свою власть. 7 декабря 1917 г. Совнарком образовал свой карающий орган защиты революции – Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) во главе с Ф. Э. Дзержинским. В это же время был принят Декрет о судах. Первые декреты – о мире и земле – были дополнены декретами о ликвидации сословий, об отделении церкви от государства и школы от церкви и др. Всю свою законодательную деятельность большевики объединили в «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложили на обсуждение открывшемуся в Петрограде Учредительному собранию. Последнее одобрило национализацию помещичьих земель, призвало к заключению мирного договора, провозгласило Россию демократической республикой, тем самым ликвидировав монархию. Однако отказалось рассматривать «Декларацию...», наделявшую Советы рабочих и солдатских депутатов государственной властью. В ответ 6 января ВЦИК принял Декрет о роспуске Учредительного собрания, и большевики силой разогнали его. Над Россией замаячило пламя гражданской войны.

Большевицкая революция никого в Могилеве не поразила, хотя многие даже и обрадовались. Мало кто из обывателей слышал до революции о В. И. Ленине и знал программу большевицкой партии. Считали, что если Временное правительство продержалось всего девять месяцев, то большевицкая власть просуществует не больше месяца. А потом все станет как прежде, наступит тихая, мирная жизнь, и революционная вспышка будет сниться только в кошмарных снах. Но все обернулось иначе.

Первым из органов Ставки, откликнувшимся на октябрьские события, был Особый армейский комитет при Ставке. Еще 26 октября этот комитет принял следующую резолюцию: «Обсудив полученные из Петрограда сведения о выступлении большевиков с целью захвата власти, Особый Армейский Комитет при ставке верховного главнокомандующего признает это выступление, направленное против Учредительного Собрания, губительным для родины и завоеваний революции и считает, что временное правительство не должно останавливаться перед применением крайних мер к подавлению мятежа.

Со своей стороны, особый комитет призывает всех чинов, объединяемых им частей, управлений и учреждений ставки энергично стать, если потребуется, на защиту временного правительства против мятежников, сохраняя верность принесенной присяге. Только единением всех может быть отвращена, как в дни Корниловского выступления, новая надвигающаяся грозная опасность» [51].

Не менее решительную позицию занял и Общеармейский комитет, председателем которого 25 октября был избран штабс-капитан С. В. Перекрестов. 31 октября была опубликована следующая телеграмма Общеармейского комитета, обращенная к Всероссийскому исполнительному Комитету железнодорожников: «Мы, представители Обще-армейского Комитета при Ставке, без колебаний, выступили против попытки большевиков силой навязать стране свою волю. На силу мы ответим силой. Войска, руководимые сознанием своей правоты, идут на Петроград. Все меры, предпринимаемые Ставкой, проводятся под нашим контролем. Мы не хотим крови. В тот момент, когда большевики сложат оружие, – когда они подчинятся решению полномочного органа демократии – Всероссийского Комитета спасения родины и революции, – мы отзовем войска. Ни одна капля крови не прольется даром. Если же справа будет попытка использовать это восстание в целях контрреволюции, мы – всей своей мощью станем против нее. Мы просим вашего доверия, не препятствуйте движению войск, идущих по нашему указанию. Мы приглашаем в наш руководящий орган вашего представителя, для совместной работы в этот тяжелый момент» [12].

В полном согласии с высказанной позицией прозвучал голос и генерала Духонина. Так, в телеграмме, опубликованной в «Могилевской жизни» от 31 октября 1917 г. говорится: «От армии и флота мы требуем немедленно прекращения насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти и безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии временному правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного Собрания, хозяина земли русской. Действующая армия силой поддержит это требование. Духонин, Вырубов, Врид Ковалевский, Перекрестов» [52]. Следует сказать, что Духонин был в то время начальником Штаба Верховного главнокомандующего, Вырубов – помощником Керенского по политической части, Ковалевский – исполняющим должность комиссара Временного правительства при Ставке, а Перекрестов – председателем Общеармейского комитета.

Не менее ярко характеризует позицию генерала Духонина телеграмма, посланная в ответ на предложение по организации карательных антибольшевистских экспедиций со стороны ближайшего друга генерала Каледина – казачьего генерала Богаевского. В частности, в ней говорится: «Новочеркасск, войсковому наказному атаману, копия всем главнокомандующим фронтами, всем комиссарам, всем армейским комитетам, во все штабы округов, всем атаманам казачьих войск, во все газеты, в Петроградское телеграфное агентство. Телеграмму товарища нашего генерала Богаевского направил главкомверху, находящемуся при войсках, но по обстоятельствам времени, возможно, телеграмма его скоро не достигнет. Меры к восстановлению в Петрограде порядка и временного правительства принимаются и проводятся в жизнь.

Готовность казачества стать на страже государственного спасения для нас всех является поддержкой в эти трудные минуты и залогом победы всех сознательных граждан.

[Поз]вольте заверить вас, что мы все в тесном сотрудничестве с комиссарами и войсковыми комитетами прилагаем все усилия, чтобы оградить армию от растлевающего влияния. До последнего предела будем бороться за восстановление в данное время временного правительства, совета республики, а с ними порядка в стране и своевременного созыва Учредительного Собрания.

Нач. Штаба верховн. Главком. Духонин».

Однако явная неудача военного похода Керенского–Краснова на Петроград и поражение юнкерского восстания несколько отрезвили военную верхушку, и заставили от ультимативно-капитулятивных требований перейти к соглашательству, а затем и примирению с большевистским октябрем, конечно, на определенных условиях. Но к этому времени назрел конфликт генерала Духонина с Советским правительством. Но обо всем по порядку.

Когда выяснилось, что поход Керенского на Петроград закончился неудачей, а сам Керенский скрылся, генерал Духонин издал следующий приказ: «Сегодня, 1-го ноября войсками генерала Краснова, собранными под Гатчиной, было заключено с гарнизоном Петрограда перемирие, дабы остановить кровопролитие гражданской войны. По донесению генерала Краснова, Верховный Главнокомандующий Керенский оставил отряд, и место его пребывания в настоящее время не установлено. Вследствие сего, на основании положения о Полевом Управлении войск, я вступил во временное исполнение должности Верховного Глав-

нокомандующего и приказал остановить дальнейшую отправку войск на Петроград. В настоящее время между различными политическими партиями происходят переговоры, для формирования Временного Правительства. В ожидании разрешения кризиса, призываю войска фронта спокойно исполнять на позициях свой долг перед родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще более углубиться в пределы родной земли.

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего Духонин» [13].

В эти дни генерал хотя и отошел от своей непримиримой позиции по отношению к большевистской власти, но толком не знал, что ему делать. Эта неопределенность внушила советскому правительству надежду на то, что с Духониным удастся сработаться. В связи с этим военный комиссар Н. В. Крыленко вместе с Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным взяли на себя переговоры с Верховным главнокомандующим, которому было послано следующее сообщение:

Совет Народных Комиссаров взял, по поручению Всероссийского Съезда Рабочих и Солдатских Депутатов в свои руки власть, вместе с обязательством предложить всем воюющим народам и их правительствам немедленное перемирие на всех фронтах и немедленное открытие переговоров в целях заключения мира на демократических основах. Сейчас, когда Советская власть утвердилась во всех важнейших пунктах страны, Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. Соответственное извещение послано Народным Комиссаром по иностранным делам всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде. Вам, гражданин верховный главнокомандующий, Совет Народных Комиссаров поручает, во исполнение решения Всероссийского Съезда Советов Раб. и Солд. Деп. тотчас же, по получении настоящего извещения, обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров. Возлагая на вас ведение этих предварительных переговоров, Совет Народных Комиссаров приказывает вам: 1) непрерывно докладывать Совету по прямому проводу о ходе ваших переговоров с представителями неприятельских армий: 2) подписать акт перемирия только с предварительного согласия Совета Народных Комиссаров.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Комиссар по Иностранным Дела́м Л. Троцкий.

Комиссар по Военным Дела́м Крыленко.

Скрепил Секретарь Н. Горбунов.

Мы надеемся, что ответ Духонина пойдет по линии политики Советского правительства. Но каков бы ни был этот ответ, он не может отклонить политику Совета с пути мира.

В типографиях Петрограда печатается декрет о мире на всех языках и в первую голову – на немецком. Мы распространяем его в огромном количестве» [42, с. 43–44].

Таким образом, 8 ноября в руководящих советских кругах существовала надежда, «что ответ Духонина пойдет по линии политики Советского правительства».

На рассвете 9 ноября между Петроградом и Ставкой произошел следующий разговор по прямому проводу:

«– Здесь у аппарата верховный главнокомандующий?

– Дитерихс.

– Будьте любезны, попросите исп. об. главковерха. Если генерал Духонин не несет этих обязанностей, то благоволите попросить лицо, которое его в настоящее время заменяет. Насколько нам известно, генерал Духонин своих обязанностей не слагал еще.

Ставка отвечает: – Исп. д. главковерха ген. Духонин поджидал вас до часу ночи, теперь спит. Аппарат не действовал, а затем был занят Ставкой с генкварским проводом.

– Если можете, то скажите, получена ли вами радиотелеграмма Совета Народных Комиссаров, посланная в 4 часа, и что сделано во исполнение предписания Совета Народных Комиссаров.

Ставка отвечает: – Была получена телеграмма государственной важности без № и без даты, почему генерал Духонин запросил генерала Маниковского о необходимых гарантиях, подтверждающих подлинность телеграммы.

– Что же ответил на этот запрос Маниковский, и в котором часу был послан этот запрос и каким образом: по радио, по телефону или телеграфу.

Ставка отвечает: – Ответа еще не получено и час тому назад послана просьба ускорить ответ.

– Прошу точно указать, в котором часу и каким именно способом послан первый запрос. Нельзя ли поскорее.

Ставка отвечает: – Телеграмма была послана генералу Маниковскому по аппарату и по радио, в котором часу, сейчас скажут. Телеграмма передана в 19 час. 50 мин.

– Почему одновременно не был послан запрос мне, как Народному Комиссару по военным делам, так как главковерху было известно из личного разговора со мной, что генерал Маниковский только лицо, на обязанности которого лежит преемственность технической работы снабжения и продовольствия, в то время как политическое руководство деятельностью военного министерства и ответственность за таковую лежит на мне.

Ставка отвечает: – По этому поводу ничего не могу ответить.

– Мы категорически заявляем, что ответственность за промедление в столь важном государственном деле возлагаем всецело на генерала Духонина и безусловно требуем: во-первых, немедленной посылки парламентариев, во-вторых, личной явки генерала Духонина к проводу завтра ровно в 11 час. утра. Если промедление приведет к голоду, развалу или поражению, или анархическим бунтам, то вся вина ляжет на вас, о чем будет сообщено солдатам.

Ставка отвечает: – Об этом я доложу генералу Духонину.

– Когда доложите? Сейчас. Тогда ждем Духонина.

Ставка отвечает: – Сейчас разбужу. У аппарата вр. исп. об. главковерха ген. Духонин.

– Народные комиссары у аппарата, ждем вашего ответа.

– Убедившись из поданной сейчас мне ленты разговора с вами генкварверха, что телеграмма мне была послана вами прежде, чем принять решение по существу телеграммы за подписью Народных Комиссаров – Ульянова-Ленина, Троцкого и Крыленко, мне совершенно необходимо иметь следующие фактические сведения: 1) имеет ли Совет Народных Комиссаров какой-либо ответ на свое обращение к воюющим государствам с декретом о мире; 2) как предполагалось поступить с румынской армией, входящей в состав нашего фронта; 3) предполагается ли входить в переговоры о сепаратном перемирии и с кем, только ли с немцами, или с турками, или переговоры будут вестись нами за общее перемирие.

– Текст посланной вами телеграммы совершенно точен и ясен, в нем говорится о немедленном начале переговоров о перемирии со всеми воюющими державами, и мы решительно, отвергая право замедлить это государственной важности дело какими-бы то ни было предваритель-

ными вопросами, настаиваем на немедленной посылке парламентариев и извещении нас каждый час о ходе переговоров.

Ставка отвечает: – Вопросы мои чисто технического характера, без разрешения которых невозможно ведение переговоров.

– Вы не можете не понимать, что при переговорах возникает много технических, вернее, детальных вопросов, на которые мы вам дадим ответ по мере того, как эти вопросы будут возникать или ставиться неприятелем, поэтому еще раз и ультимативно требуем немедленного и безоговорочного приступа к формальным переговорам о перемирии между всеми воюющими странами, как союзными, так и находящимися с ними во враждебных действиях, благоволите дать точный ответ.

– Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее возможны они для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность, для достижения результатов. Я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира.

– Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить нами данное предписание.

– Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством. Духонин.

– Именем правительства Российской Республики по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неисполнение предписаний правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армии. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко.

Подписали: Ленин, Сталин, Крыленко».

Далее незамедлительно от Совета Народных Комиссаров за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров В. Ульянова (Ленина) и Народного Комиссара по военным делам и верховного главнокомандующего Н. Крыленко последовало следующее обращение:

«Всем!

Всем полковым, дивизионным, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам Революционной армии и матросам Революционного флота.

7-го ноября ночью Совет Народных Комиссаров послал радиотелеграмму главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях.

Эта радиотелеграмма была получена Ставкой 8-го ноября, в 5 часов 5 минут утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать Совету Народных Комиссаров ход переговоров и подписать акт перемирия только после утверждения его Советом Народных Комиссаров. Одновременно такое предложение заключить перемирие было формально передано всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде.

Не получив от Духонина ответа до вечера 8-го ноября, Совет Народных Комиссаров уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах промедления.

Переговоры велись от 2-х до 4 с половиной часов утра 9-го ноября. Духонин делал многочисленные попытки уклониться от объяснений своего поведения и от дачи точного ответа на предписание правительства, но когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем правительства Российской Республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Вместе с тем Духонину было предписано продолжать вести дело, пока не прибудет новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие дел от Духонина. Новым главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко.

Солдаты, дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидаемого их суда. Вы сохраните строжайший, революционный и военный порядок.

Пусть стоящие на позициях выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге пе-

реговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках. Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит» [42, с. 46–49].

В свою очередь, отказавшись подчиниться приказу Совета Народных комиссаров, генерал Духонин 9 ноября направил всем главнокомандующим армиями фронтов телеграмму, в которой объяснял свой отказ выполнить указания советского правительства о немедленном вступлении в мирные переговоры с неприятелем и объявлял решение не оставлять свой пост главковерха. Главнокомандующие армиями Кавказского фронта генерал М. А. Пржевальский, Юго-Западного фронта генерал Н. Г. Володченко и Румынского фронта генерал Д. Г. Щербачев поддержали его. В частности, во время переговоров по прямому проводу с помощником главнокомандующего румынского фронта генералом Щербачевым от 13 ноября Духонин заявил следующее: «Ставка продолжает держаться взгляда, изложенного мною в телеграмме 9 ноября. Буду бороться против насильников до образования правительственной власти, признанной всей страной... Мы выполним долг до конца, и история воздаст каждому по делам его...» [11].

Что же касается находящихся при Ставке представителей союзных армий, то еще 10 ноября начальники военных миссий направили «самый энергичный протест пред российским Верховным командованием против всяких нарушений условий договора от 23 августа (5 сентября) 1914 г. держав Согласия... не заключать отдельно друг от друга ни перемирия, ни приостановки военных действий». Протест заканчивался угрозой, что «всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собой самые тяжелые последствия» [30, с. 25–33].

Это заявление вызвало решительный протест со стороны советского правительства, в нем указывалось, что «обращение союзных представителей с дипломатической нотой к генералу, отставленному за неподчинение распоряжению правительства» означает «недопустимое вмешательство во внутреннюю жизнь страны с целью вызвать гражданскую войну...» [42, с. 60 (прил.)].

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РУССКОЙ АРМИЕЙ Н. В. КРЫЛЕНКО, ЗАХВАТ СТАВКИ РЕВОЛЮЦИОННЫМИ ВОЙСКАМИ

Пока генерал Духонин развивал «мятежную» деятельность, в Петрограде 10 ноября состоялось заседание ВЦИК о позиции Ставки в проведении переговоров о перемирии и о смещении с должности Главковерха Духонина за отказ выполнить приказ Совета Народных Комиссаров.

Днем позже, 11 ноября В. И. Ленин провел совещание военных работников, на котором дал указание отъезжающим на фронт Н. В. Крыленко и А. А. Иоффе относительно ведения переговоров о перемирии с командованием германских войск. На том же совещании был обсужден вопрос в отношении Ставки и намечен план ее захвата революционными войсками. Сразу после совещания Крыленко с отрядом революционных матросов и солдат численностью 59 человек убыл на Северный фронт в Двинск для ведения переговоров с немцами о перемирии.

13 ноября к немецкому командованию отправились парламентареры. Командование германских войск дало согласие вступить в переговоры с большевистским Народным комиссаром по военным делам и главковерхом Крыленко. В тот же день Крыленко из Двинска отправил в Могилев телеграмму следующего содержания: «Сегодня высланы мною парламентареры с предложением, начать переговоры о перемирии на всех фронтах. В случае согласия немцев, последует перерыв для предложения еще раз союзникам присоединиться к предложению перемирия. Все организации рабочих, солдат и крестьян призываю к поддержке дела борьбы за мир. Армейскомы должны взять всю власть в армиях в свои руки, принудить к подчинению себе командный состав и предоставляю им право отстранения от должности и ареста. Все распоряжения Духо-

нина ни передаче, ни исполнению не подлежат. Дело снабжения продовольствием не должно прерываться ни одной минуты. Общеармейский комитет распускаю впредь до новых выборов. Прошу Могилевский совет рабочих и солдатских депутатов и губернский совет крестьянских депутатов принять все меры к отстранению от должности Духонина без насилия. Принять дела временно поручаю ген. Дитерихсу. Командармов всех армий и фронтов прошу иметь в виду, что я не допущу никакого противодействия.

Народный комиссар по военным делам и главковерх Крыленко» [11].

Верховный главнокомандующий прапорщик Николай Васильевич Крыленко являлся профессиональным революционером. Он родился 2 мая 1885 г. в селе Бехтеево Смоленской губернии. Особую, решающую роль в становлении личности Крыленко, в формировании его взглядов сыграли революционная деятельность отца – Василия Абрамовича и свободолюбивые взгляды матери Ольги Александровны. Он принадлежал к той интеллигенции России, которая не хотела мириться с самодержавием. Окончив в 1903 г. гимназию, Николай Крыленко приехал в Петербург и поступил на историко-филологический факультет университета. Здесь он становится активным участником студенческого движения и вступает в ряды большевиков. Уже с декабря 1904 г. Крыленко становится пропагандистом Петербургского комитета РСДРП. В годы первой русской революции Крыленко – один из лидеров революционно настроенной молодежи, активный участник петербургской большевистской «военки», возглавлявшей вооруженную борьбу питерского пролетариата против самодержавия. Позднее Крыленко выполнял ответственные поручения В. И. Ленина по организации связи с Россией. С момента основания ленинской «Правды» в 1912 г. Крыленко – один из активных ее сотрудников, по заданию Ленина помогает в работе членам большевистской фракции IV Государственной думы, а в 1915 г. – участник Бернской конференции. Его талант революционера-организатора, пропагандиста, агитатора, военного деятеля особенно раскрылся в 1917 г. Он входит в состав Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), активно участвует в историческом заседании Центрального Комитета 16 октября 1916 г., является членом ВРК. После Октябрьской революции Крыленко вошел в состав первого Советского правительства в качестве наркома по военным делам.

А пока Крыленко с сотоварищами вели мирные переговоры в Двинске, руководство Ставки оценивало обстановку и прорабатывало возможные пути развития событий. Так, В. Б. Станкевич в своих воспоминаниях пишет: «Положение в стратегическом смысле казалось вполне надежным. Лежащий в стороне от больших путей к фронту, спокойный Могилев представлял собой как бы островок среди взволнованного народного моря. Около Витебска стоял 35-й корпус, один из самых надежных... Между Оршей и Могилевом стояла наиболее надежная во всей армии Первая Финляндская дивизия... Казалось, что добраться было нелегко. Кроме того, казалось, что большевики после избрания Двинска базой мирных переговоров, оставят Ставку в стороне» [84, с. 149].

На защиту подступов к Могилеву по приказу Ставки в район Невель – Великие Луки – Витебск – Орша стягивались части 17-го и 22-го армейских корпусов. Значительные силы были сосредоточены и в самом Могилеве: 1-й Сибирский казачий полк, ударный полк под командованием подполковника Манакина и три ударных батальона с Западного фронта. Наличие таких сил вселяло определенную надежду на отражение возможного нападения.

15 ноября переговорная делегация во главе с Крыленко возвратилась в Петроград. Здесь на заседании объединенного Совета рабочих и крестьянских депутатов было решено нанести последний удар по Ставке. Был разработан план ее захвата путем наступления с двух направлений – с севера, из района Орши, и с юга, из района Жлобина. Для этого из революционных войск Петрограда: моряков-балтийцев, солдат Лейб-гвардии Литовского запасного полка и рабочих-красногвардейцев, частей 3-й армии и гарнизонов Орши и Витебска – был сформирован Северный отряд под командованием Р. И. Берзина. Второй отряд – Южный, под командованием члена ВРК 2-й армии Е. И. Лисякова, был сформирован из частей 2-й армии и близлежащих гарнизонов. Этому отряду предстояло двигаться на Бобруйск, Жлобин в обход Могилева с юга. Руководство действиями революционных войск возлагалось на Крыленко, который уже находился в Орше.

А пока шли военные приготовления противостоящих сторон к захвату и обороне Могилева, в Ставке в течение 17 и 18 ноября шли непрерывные совещания ее руководства, представителей Общеармейского и Особого комитетов, управлений Штаба и так называемых ударных частей (ударников), прибывших на защиту Ставки.

В ходе острых дебатов определились четыре возможных варианта действий. Первый: Общеармейский комитет предложил объявить Ставку оперативно-техническим органом, нейтральным и устранить ее от политической деятельности. В случае же попытки захвата Ставки революционными войсками защищать ее всеми возможными и доступными средствами, даже активным выступлением вооруженной силы.

Одновременно комитет предложил направить к Н. В. Крыленко своих представителей для переговоров с целью не допустить дальнейшего движения на Могилев революционных войск.

Сторонники второго варианта считали, что в целях сохранения аппарата Ставки ее следует передислоцировать в надежное место. Предлагался Румынский фронт – Яссы или Юго-Западный – Киев, где разложение армии было меньшим. На этом варианте настаивал Щербачев при активной поддержке «быховских узников» во главе с Корниловым.

Третий: оставить Ставку в Могилеве и защищать ее до последней возможности. Этот вариант отстаивали Станкевич, Дитерихс, отдельные чины Ставки и особенно ударники.

Четвертый: многие чины Ставки, в том числе начальник Могилевского гарнизона генерал М. Д. Бонч-Бруевич и старший среди начальников управлений Ставки полевой инспектор инженерной части генерал К. И. Величко считали, что следует подчиниться советской власти и не препятствовать прибытию в Могилев революционных войск во главе с Крыленко. При этом они выдвигали следующий довод: если Ставка подчинилась Временному правительству, которое насильно захватило власть у царя, то нет никаких оснований не подчиняться власти большевиков, которые пользуясь поддержкой широких народных масс в стране и армии, тем же путем захватили власть у Временного правительства [39].

В субботу, 18 ноября произошло последнее совещание чинов Ставки. Вот что о нем сообщала газета «Могилевская жизнь» от 20 ноября 1917 г.:

«18-го ноября чины штаба Ставки в помещении дежурного генерала обсуждали острый и чрезвычайно важный вопрос, как быть, – защищаться от нападения большевиков или нет? Вопрос подавлял всех присутствующих и ясного разрешения не получил. Были приглашены ген. Духонин, комиссарверх Станкевич и представители обще-армейского комитета. Присутствовали также представители вновь прибывших в защиту Ставки ударных частей.

Ген. Духонин заявил, что по полевому положению об управл. войсковыми частями, сдать командование он может только лицу уполномоченному.

Из прений, где высказались деловые технические работники Ставки, выяснилось серьезное положение чинов высшего армейского органа.

Полковник Грейм в простой ясной речи доказал, что Ставка – это сердце всей армии, и если сердце начинает борьбу, – тело гибнет. Ставка ни в коем случае, не может бороться и не потому, что она бессильна, а потому, что если она только начнет борьбу, катастрофа на фронте не минуема. Армия не может быть оставлена ни на один час и связь ее со ставкой не может быть прекращена, и если только таковая оборвется – то ничто не спасет ее от гибели и, погибая, она погребет под собою и Россию. Мы должны, во что бы то ни стало, остаться на местах, и продолжать работу. Это мнение всех членов штаба главковерха имеет значительный перевес. Резолюция будет вынесена в этом духе» [50].

Эта неполная и, видимо, написанная до конца заседания заметка дополняется ярким рассказом А. Дикгофа-Деренталя:

«Днем 18-го ноября состоялось общее собрание. Среди напряженной тишины нескольких сот присутствующих на нем солдат и офицеров генерал Духонин произнес свою благородную, но – увы! – на совершенно ложном основании построенную речь... – “Прежде всего, – заявил он, – необходимо спасти аппарат Ставки, как оперативно-технического органа, и спасти честь России от умаления, которым грозит заключение сепаратного мира и нарушение союзных договоров... Ныне получены сведения о возможности конструирования власти, которая будет пользоваться доверием большинства населения... Есть надежда спасти армию... И, наконец, имеется правда, неофициальное заявление членов итальянской миссии о том, что их правительство, дружески относящееся к освобожденной России, освобождает ее от союзных обязательств, если она не станет снабжать хлебом Германию и задержит у себя военнопленных... Остальные миссии послали запрос об инструкциях своим правительствам. Это неожиданное обстоятельство освобождает его, Духонина, а также всецело находившиеся с ним в согласии демократические организации от необходимости отстаивать свои прежние позиции и дает возможность компромиссного решения... Со своей стороны, он готов уступить свой пост правомочному преемнику и идти на все, что может ожидать его, ибо прежде всего для него – благо России!..”

Эта речь была встречена восторженными, долго не смолкавшими овациями, и все, что говорилось после нее, не имело смысла, ибо вопрос был, в сущности уже решен: для чего лезть на рожон и во имя чего, раз сами союзники наши нас одобряют и нам разрешают?

В тот же вечер к Духонину явились генералы Бартер, Лавери и Ромей – шефы английской, французской и итальянской миссий, с официальным заявлением, что никаких подобных “разрешений” они от своих правительств не получали, и что все происшедшее основано на каком-то странном и совершенно непонятном недоразумении. По всей вероятности, генерал Духонин принял в частном разговоре переданное ему известие об указании итальянским правительством своим агентам в России прекратить их постоянные протесты по поводу русских внутренних дел за “неофициальное освобождение” и т. д. Как бы то ни было – фатальная ошибка была сделана. Последствия ее были неисчислимы...

На собрании говорил также верховный комиссар Станкевич, который теперь, наоборот, призывал к защите ставки, во что бы то ни стало. По его словам, помимо чисто военного оперативно-технического значения, ставка была важна, как единственный обще-русский центр, покамест признаваемый всеми автономными областями, на которые раскололась Россия. Если ставка перейдет в руки большевиков – эти автономные области оторвутся от России окончательно...

Решено было окончательно отказаться от всякого вооруженного сопротивления и думать об одном – спасти технический аппарат ставки!..» [42, с. 77–79].

Не удалось попытки представителей Общеармейского комитета, направленных к Н. В. Крыленко, найти с ним компромиссное решение.

Когда выяснилось, что оборона Ставки – дело безнадежное, была сделана попытка осуществить перевод Ставки в Киев. Были поданы автомобили, на них погрузили дела Ставки. Но тут об этом узнали солдаты Георгиевского батальона, автомобили были ими задержаны, чемоданы и дела выброшены на площадь, и отъезд предотвращен. Солдаты Георгиевского батальона заявили, что никого из Могилева не выпустят. Как писала газета «Могилевская жизнь» 20 ноября 1917 г.: «Начальник штаба генерал Духонин по независящим от него обстоятельствам не мог выехать из Могилева» [50].

Но так ли это? Состоявший в то время начальником морского управления Ставки адмирал А. Д. Бубнов в мемуарах об этих событиях пишет: «Было сначала решено немедленно переехать на автомобилях в Киев,

и генерал Духонин, который все время колебался, какое решение принять, приказал срочно готовиться к переезду. Дела генерал-квартирмейстерства начали уже погружать на грузовые автомобили и жечь то, что нельзя было увезти, как вдруг генерал Духонин отменил свое приказание и решил остаться в Могилеве» [8, с. 360]. Как видим, сам принял решение остаться, а не, как сообщалось в газете, «по независящим от него обстоятельствам».

Здесь усматривается, возможно, следующая причина. При намерении покинуть Могилев Духонин беспрепятственно мог бы уйти, под защитой верных ему воинских частей – тех же ударников, или выехать с представителями союзных держав, да и просто тайно скрыться, как это сделали многие штабные офицеры, не желая попасть в руки большевиков из опасения за свою жизнь. «Но в том-то и дело, – пишет В. В. Бондаренко, – что такой вариант развития событий для Духонина был неприемлем. Даже не признавая новое правительство, формально не подчиняясь ему, он попросту не мог оставить свой ответственный пост “просто так” сбежать, бросив Ставку на произвол судьбы. Ведь война еще продолжалась, и надо было любой ценой сохранить центр управления военной силой. Возможно, он рассчитывал как-то договориться с Крыленко (все-таки – прапорщик, офицер...). А возможно, внутренне уже смирился со своей гибелью и решил принести себя в жертву новому режиму, ценой своей жизни спасти сотни других – жизни ударников, жителей Могилева, да тех же самых крыленковцев – пусть одурманенных большевизмом, но русских, своих...» [4, с. 317–318]. Вполне допустим и такой вариант развития событий.

Не видя дальнейшего смысла оставаться в Ставке, выехали из Могилева в Киев представители союзных держав. Покинули Ставку и члены Общеармейского комитета, неделю назад пославшие Крыленко телеграмму с предложением воздержаться от попытки проникнуть во главе вооруженного отряда в Ставку. Начали покидать Могилев и верные Ставке воинские части. Ушел в Быхов Текинский конный полк. В Жлобин походным маршем отправился 4-й Сибирский казачий полк. Отъезжали из Могилева и ударные части. Относительно 35-го армейского корпуса и 1-й Финляндской дивизии, на защиту которых рассчитывала Ставка, то они при первом же соприкосновении с революционными войсками перешли на их сторону.

Незаметно один за другим, надо сказать, не без трудностей, скрывались из Могилева штабные генералы, меньшевики и эсеры. В частности, адмирал А. Д. Бубнов пишет: «Считая, что после решения о подчинении

большевистской власти, принятого на совещании начальников управлений Штаба, настало время покинуть Ставку, я приготовился к отъезду и пошел проститься с генералом Духониным. У него я застал его супругу, милейшую Наталию Владимировну, с которой он в последний раз прощался, отправляя ее в ту же ночь в Киев, чтобы не подвергать ее опасностям, угрожавшим Ставке.

Когда я вернулся около полуночи от генерала Духонина в свое опустевшее управление, эшелоны Крыленко были уже в Орше и утром должны были прибыть в Могилев.

Вызвав по телефону шофера моего автомобиля, который находился в гараже Ставки, я приказал ему взять с собой запасный бак бензина и подать автомобиль к управлению, намереваясь уехать на нем в Киев, и далее действовать, смотря по обстоятельствам.

Вскоре автомобиль подъехал и шофер поднялся ко мне в управление; он мне сказал, что запасного бака ему не дали и что только что поступило в гараж запрещение совета солдатских депутатов шоферам выезжать со мной за пределы Ставки. Поняв, в чем дело, я сказал шоферу, чтобы он отвез меня на железнодорожную станцию, намереваясь сесть в первый проходящий на юг поезд. Но шофер мне на это ответил, что на станции и на мостах через Днепр выставлены сторожевые посты, которые меня не пропустят. Спросив его, относится ли это запрещение только ко мне, я узнал, что оно распространяется так же на генерал-квартирмейстера генерала Дитерихса и на полковника Ткачева, начальника воздухоплавательного управления; оба они были решительные противники подчинения Ставки большевистской власти.

Решив уйти из Ставки пешком, я отпустил своего шофера, поблагодарив его за верную и преданную службу.

Впоследствии я узнал, что генерал Дитерихс и полковник Ткачев, предупрежденные во время своими людьми, благополучно скрылись из Ставки: полковник Ткачев, у которого автомобиль был не в гараже Ставки, а при его квартире, сел на него и со стоверстной скоростью пролетел мимо сторожевого поста на мосту, а генерал Дитерихс ушел во французскую военную миссию, где его переодели в форму французского солдата, и он выехал в составе этой миссии, когда она покинула Ставку, после захвата ее большевиками.

Сам же я, переодевшись в штатское, оставшееся при мне после моей командировки в Румынию, вышел перед рассветом по никем не охраняемой тропинке за город в поле и окольными путями пришел в село Княжево, где стоял штаб Астраханской казачьей бригады» [8, с. 362–364].

А в это время эшелоны Крыленко были уже на подходе к Могилеву. Используя создавшееся положение, немногочисленные революционные силы Могилева с приближением к городу большевистских войск стали действовать более решительно. В ночь с 18 на 19 ноября на заседании Могилевского исполнительного Совета рабочих и солдатских депутатов в городе была провозглашена советская власть и создан Военно-революционный комитет, в состав которого вошли представители исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, местного гарнизона и 3-й армии Западного фронта. Одновременно Военно-революционный комитет предпринял шаги к созданию своего аппарата власти и установлению контроля над всей деятельностью Ставки посредством назначения своих комиссаров. С этого времени вся власть в городе и контроль над Ставкой перешли в руки Военно-революционного комитета, состоящего из представителей исполкома Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей Могилевского гарнизона и представителей армии.

Меньшевистско-эсеровский Общеармейский комитет объявлялся распущенным. Так, в приказе № 7 Могилевского военно-революционного комитета от 19 ноября 1917 г. по этому поводу говорится:

«1. Во исполнение приказа Правительства Народных Комиссаров, волею октябрьской революции поставленных, Могилевский Военно-Революционный комитет, состоящий из представителей Исполнительного Комитета Могилевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и представителей Военно-Революционного Комитета Западного фронта и армий, объявляет себя высшей властью в городе Могилеве и окрестностях и берет на себя контроль над деятельностью ставки.

2. Все распоряжения Военно-Революционного Комитета подлежат немедленному и безусловному исполнению.

3. Всякий, не признающий и не исполняющий приказов и распоряжений Правительства Народных Комиссаров и Военно-Революционного Комитета, подлежат немедленному аресту и отстранению от занимаемой должности и лишению содержания.

4. Лица, противодействующие власти Народных Комиссаров и Военно-Революционного Комитета, будут немедленно арестовываться и предаваться Военно-Революционному Суду».

Далее последовал приказ № 8 относительно руководителей Ставки и некоторых других лиц свергнутого коалиционно-буржуазного правительства:

«1. Могилевский Военно-Революционный Комитет признает единственным законным и народным, выдвинутым самой революцией, Верховным Главнокомандующим Русской армии, комиссара ныне существующего правительства прапорщика Крыленко.

2. Бывшего Верховного Главнокомандующего генерала Духонина Военно-Революционный Комитет отныне не признает, как уже отстраненного от занимаемой должности и объявляет состоящим под домашним арестом с исполнением служебных обязанностей.

3. Комиссар низвергнутого коалиционно-буржуазного правительства Станкевич отстраняется от занимаемой им должности, как комиссар несуществующего Правительства, – лишается получаемого им содержания и объявляется состоящим под домашним арестом.

4. Помощник Начальника штаба ставки по политическим делам Вырубов объявляется состоящим под домашним арестом.

5. Во исполнение приказа Правительства Народных Комиссаров, обще-армейский комитет объявляется распущенным и содержащимся под домашним арестом. Временно функции обще-армейского комитета берет на себя Военно-Революционный комитет и для принятия дел его – посылает своего комиссара.

Для образования Военно-Революционного обще-армейского комитета, Военно-Революционный Комитет гор. Могилева созывает к 26-му сего месяца представителей от всех дивизий, избранных на основании равного, прямого, тайного и всеобщего голосования.

6. Для контроля над всей деятельностью Ставки, Могилевский Военно-Революционный Комитет назначает своих Комиссаров, без скрепы которых не один приказ не исполняется.

7. Для наблюдения над автомобильными гаражами Военно-Революционный Комитет назначает своих Комиссаров, без разрешения коих ни один автомобиль не может быть использован.

Военно-Революционный Комитет» [42, с. 85–87].

Утром 20 ноября последний эшелон ударников отошел из Могилева на Жлобин, а через три часа в город вошли первые отряды революционных войск. Вечером в Ставку прибыл Крыленко и отдал приказ о вступлении в должность Верховного главнокомандующего армиями и флотом Российской республики. В воззвании к солдатам и матросам он писал: «Окруженная со всех сторон Ставка сдалась без боя. Последнее препятствие миру пало» [15, с. 215].

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТАВКА
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
РУССКОЙ АРМИЕЙ Н. В. КРЫЛЕНКО.
УБИЙСТВО Н. Н. ДУХОНИНА**

По воспоминаниям современников, в понедельник утром, часов около одиннадцати 20 ноября с вокзала по направлению к Ставке последовал первый отряд революционных войск. Через час по улицам шли ряды матросов. В черных папахах, широких темных шинелях, с винтовками за плечами, они казались воплощенной мощью. Затем прошуршали шинами по могилевским улицам автомобили, оцетиненные штыками. Так в Могилев пришел вооруженный отряд с представителями советской власти, сразу же приступившими к исполнению своих обязанностей, и все почувствовали, что период разглагольствований закончился, наступил период действий.

После этого вся жизнь в городе на время замерла. Все увидели, что пришла страшная сила и что прежней жизни уже не будет, на пороге стояла новая эпоха, с развевающимся на фронте Могилевской ратуши серпасто-молоткастым кумачовым стягом.

В первом номере газеты «Революционная ставка», вышедшем 26 ноября 1917 г., было напечатано следующее официальное сообщение:

«В 10 часов утра 20 ноября верховный главнокомандующий Крыленко со своим личным штабом вступил в Могилев. В помещении Военно-Революционного Комитета тов. Крыленко был встречен “Марсельезой” хора трубачей Георгиевского батальона и делегациями. После обмена приветствиями “Главковерх” отправился в ставку, чины которой были подвергнуты накануне домашнему аресту, после того, как получены были известия, что ставка окружена тесным кольцом революцион-

ных войск. В момент взятия ставки вооруженный конфликт еще не был вполне исчерпан. Накануне ночью генерал Корнилов, осведомленный, что авангарды революционных войск охватывают Могилев с юга, бежал из Быхова с четырьмя охранявшими его эскадронами текинцев, ушедших на конях в южном направлении. Батальоны, выехавшие с оружием в руках на юг, встретили бронированный поезд революционного отряда, отрезавшего путь отступления бегущим из ставки с юга. Так как полотно железной дороги было взорвано ударниками (имеются в виду так называемые ударные отряды буржуазного правительства, пытавшиеся организовать вооруженную защиту Ставки от большевиков и покинувшие Могилев 19 ноября. – *Авт.*) в двух местах, поезд едва не оказался в окружении и вел с утра бой. Эшелоны, прибывшие из Петрограда, были отправлены ему на поддержку. По прибытии в ставку Главковерх в сопровождении вр. исп. об. начальника штаба поручика Шнеур отправился в квартирмейстерскую часть для фактического вступления в должность и восстановления нормальной работы в ставке. В это время разыгралось прискорбное событие, омрачившее торжество победы демократии: со станции было получено известие, что возбужденная толпа окружила вагон Главковерха, куда был приведен для обеспечения личной безопасности генерал Духонин, и где его охранял надежный караул матросов “Авроры”, и потребовала его выдачи. Немедленно главнокомандующий Крыленко с чинами своего штаба выехал на вокзал, решительно прорвался в окружаемый вагон и произвел горячую речь против самосудов. Убежденная доводами толпа разошлась. Но через полчаса вновь возбужденная группа матросов и солдат собралась около вагона, и скоро многотысячная толпа, возбужденная известием о побеге Корнилова и других контр-революционеров, стала осаждать вагон. Защищавшие своею грудью генерала Духонина, с риском жизни, Крыленко и чины его личного штаба, генерал Одинцов и матросы “Авроры” были сняты, обезоружены, оттеснены, генерал Духонин вытасчен разъяренной толпой и убит. Вечером чины штаба, арестованные домашним арестом в гостинице “Бристоль”, были освобождены и вернулись к исполнению своих обязанностей. Усиленные патрули Георгиевского батальона и матросы охраняют город. На должность начальника штаба верховного главнокомандующего назначен генерал Бонч-Бруевич², сторонник нового демократического строя и мира. Исп. об. начальника штаба верховного главнокомандующего в предшествующие занятию ставки дни, поручик Шнеур временно сохранил обязанности начальника полевого

штаба до ликвидации операции по взятию ставки. Немедленно были посланы телеграммы о восстановлении нормального пассажирского движения по всем линиям, развертывалась сложная операция окружения на протяжении двухсот верст в поперечнике. Все эшелоны, спешившие в Могилев с различных сторон, были приостановлены и возвращаются. К утру 21 ноября в Могилев прибыли эшелоны гвардии Литовского полка и броневики для охранения города и ставки. Полки Петроградского гарнизона, составлявшие ударную группу, возвращаются в Петроград, за исключением отряда матросов, двинутых в Быхов. Из уездов Могилевской губернии поступают жалобы крестьян на легионеров, которые бесчинствуют, избивают крестьян белорусов. В крупных поместьях большие запасы хлеба не выпускаются на рынок, в то же время как ставка и западный фронт испытывают продовольственные затруднения. Продовольственные затруднения легко могут быть устранены энергичными мерами, но для этого необходимо затронуть интересы польских помещиков. Политические действия, а не слова уже дали результаты. Начальники отделов ставки и весь ее состав был представлен новому Главковерху! Они единодушно обещали работать на пользу армии. Конфликт надо считать исчерпанным, всякие дальнейшие междоусобия в армии устраненными: делегаты казаков при ставке высказали новому Главковерху свои пожелания и встретили внимательное отношение к голосу трудового казачества.

Иностранные офицеры, покинувшие ставку в ночь ее нападения и ожидавшие разрешения конфликта в пяти верстах, после победы демократии уехали по направлению к Киеву; делегации части со всех фронтов прибывают непрерывно. Дополнительно Главковерхом получены следующие телеграммы: Режицкий Сов. Раб., Солд. и Крест. депутатов шлет вам свой горячий привет и искреннюю благодарность за то, что вы смело встали во главе восставшего народа и не дрогнув ведете его вперед в царство социализма. Да здравствует народная власть! Смело идите вперед, разрушая старые устои общества, а народ сам создаст новый строй, новое царство, царство социализма. Тов. Председателя поручик Фролов, секретарь М. Захарко».

В тот же день, 20 ноября Крыленко издал следующий приказ:

«Именем революции ко всем солдатам революционной армии и флота.

Товарищи! Сего числа я вступил в Могилев во главе революционных войск. Окруженная со всех сторон ставка сдалась без боя. Послед-

нее препятствие к делу мира пало. Не могу умолчать о печальном акте самосуда над бывшим Главковерхом ген. Духониным, – народная ненависть слишком накалилась; несмотря на все попытки спасти его, он был вырван из вагона на станции Могилев и убит. Причиной этому послужило, накануне падения ставки, бегство ген. Корнилова.

Товарищи! Я не могу допустить пятен на знамени революции, с самым строгим осуждением следует отнестись к подобным актам; будьте достойны завоеванной свободы, не пятняйте власти народа. Революционный народ грозен в борьбе, но должен быть мягок после победы.

Товарищи! С падением ставки борьба за мир получает новую силу. Во имя революции и свободы я зову вас к революционной сплоченности.

Да здравствует власть Советов Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Главковерх Крыленко» [67].

В дополнение к официальному сообщению об убийстве генерала Духонина приведем некоторые его подробности. Так, в своих воспоминаниях, опубликованных в «Известиях Гомельского Губкома» № 15, уполномоченный ДТПУ Западных железных дорог Евгений Прокопец пишет:

«Во дни, предшествовавшие вступлению Советских отрядов в Могилев, Могилевцы бегали справляться о новостях на вокзал.

С такой же целью пришел я на вокзал под вечер 20 ноября (по старому стилю) 1917 года – в день вступления в город войск тов. Крыленко.

Когда я вышел на перрон, мне сразу бросился в глаза поезд, состоящий из классных вагонов. Перед ним волновалась толпа, залившая перрон.

В толпе, то тут, то там, мелькали бурые папахи матросов. Говорили, что в одном из вагонов находится арестованный генерал Духонин. Раздавались угрожающие возгласы, требующие немедленного расстрела пленника. После одного такого восклицания группа матросов зарядила винтовки и подступила к вагону, в котором помещался Духонин. Однако, стоявший у вагона матросский же караул не пустил их в вагон.

Я обошел поезд и подошел к вагону с другой стороны. Здесь тоже волновалась громадная толпа. Обращало на себя внимание почти полное отсутствие так называемой “чистой публики”. Толпу составляли крестьяне, матросы, солдаты, все прибывшие с воинской платформы. И тут раздались восклицания, требующие расстрела Духонина. При

этом ссылались на только что полученное известие о побеге Корнилова из Быхова. Товарищи, командовавшие караулом вагона, просили толпу ничего не предпринимать до приезда тов. Крыленко и мичмана Павлова.

Вскоре на площадке вагона, над ступеньками появился молодой бритый человек, в форме морского офицера – мичман Павлов. Он произнес несколько слов, пытаясь успокоить толпу. Далее на той же площадке, появился тов. Крыленко, произнесший речь. Он говорил медленно, отчеканивая каждое слово и удивительно популярно, удивительно просто, понятно каждого. Он говорил, что Духонина надо отвести для суда в Петроград, что самосуд будет носить характер простого убийства, пятнающего честь Советской власти, что к Духонину они ворвутся только через его труп.

Толпа потребовала, чтоб ей показали Духонина. И вот рядом с тов. Крыленко появилась фигура с взъерошенными волосами, красным мясистым лицом и черными усами. Плачущим голосом генерал Духонин (это был он) начал:

“Дорогие товарищи!”

Но буря криков, шум, свист и хохот толпы не дали ему продолжать. Тогда он снова исчез в вагоне. Ушел и тов. Крыленко.

Толпа начала расходиться.

Неожиданно на площадке, где только, что стоял Духонин, появился высокий, здоровенный матрос в огромной бурой папахе и обратился к толпе с речью: “Товарищи, говорил он, мы дали бежать Корнилову, мы выпустили его из своих рук. Не выпустим, по крайней мере, Духонина”.

Не дослушав его, я перешел на перрон по другую сторону поезда.

Вдруг в толпе молнией пронеслась весть, что Духонин убит. Толпа хлынула на другую сторону поезда, откуда я только что ушел. Началась страшная давка.

Матросы из охраны поезда стали разгонять толпу, и когда она поредела, я увидел перед вагоном какую-то окровавленную массу. Это был труп Духонина. Его моментально чем-то накрыли. Послали в приемный покой за носилками и отнесли туда генерала.

Очевидцы рассказывали, что после разжигающей страсти речи матроса, толпа снова потребовала Духонина; его вывели, с него сорвали погоны, и тот же высокий матрос ударом немецкого штыка сбросил его в толпу, которая с каким-то стихийным неопределенным криком растерзала бывшего главнокомандующего.

Я слышал, как находившийся тут же крестьянин заметил: “Так ему и нужно собаке! Его и хоронить не надо. Его в помойную яму нужно спустить”.

Я всматривался в лица окружающих. И не знаю, быть может, мне это только казалось, но определенно заметил в глазах присутствовавших какой-то особенный страшный блеск. Это не был дикий блеск слепой животной кровожадности. Скорее это был суровый огонь фанатизма и классовой ненависти» [36].

Другие же очевидцы описываемых событий свидетельствовали, что: «...толпа красноармейцев подняла на штыки генерала Духонина. Его изуродованный труп распяли в товарном вагоне, прибив руки гвоздями. В рот вложили окурок, и вся чернь ходила смотреть на поруганное тело генерала, плюя ему в лицо и осыпая страшными ругательствами» [3, с. 134].

Поживились и мародеры – с тела стащили сапоги, вытащили часы с бумажником и сняли верхнюю одежду.

В таком виде нашла его жена, которая, узнав об убийстве мужа, приехала на вокзал.

На следующий день гроб с телом Духонина был поездом в товарном вагоне доставлен в Киев, где генерал и был похоронен на Лукьяновском кладбище.

Таковы обстоятельства трагической кончины Духонина, обыкновенного армейского генерала, не обладавшего никаким политическим багажом, кроме патриотического убеждения служения Отечеству, волей случая вознесшегося на головокружительную служебную высоту и растерзанного обезумевшей от революционной свободы толпой. Его смерть, отмеченная созданием озлобленной народной формулы, «отправить в штаб Духонина», обозначавшей то же, что и фраза «поставить к стенке», положила начало страшной междоусобной бойни, именуемой Гражданской войной.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СТАРОЙ СТАВКИ И АРМИИ, ИХ ЛИКВИДАЦИЯ, ВЫХОД РОССИИ ИЗ ВОЙНЫ

Незамедлительно после ликвидации духонинской Ставки началась работа по созданию новой, революционной Ставки. Временно, до созыва общевойсковой конференции, взамен ликвидированного Общевойскового комитета 22 ноября был образован временный Военно-революционный комитет при Ставке, в состав которого вошли представители армий Западного фронта, матросы Балтийского флота, Могилевского Совдепа и члены комиссариатов при Ставке.

Взяв власть, советское руководство стало перед необходимостью окончательного разрушения старой армии, поскольку она, с враждебным большевикам командным составом, ударными, штурмовыми и казачьими частями, являлась угрозой устанавливаемому новому государственно-политическому строю. Не имея возможности в условиях войны распустить старую армию, Совет Народных Комиссаров избрал путь ее слома полной демократизацией и демобилизацией при одновременном формировании новой армии, способной защитить социалистическую власть.

1 декабря в газете «Революционная Ставка» было опубликовано «Положение о демократизации армии», вводящее выборность командного состава, вручающее всю власть в армии выборным комитетам, упраздняющее офицерские чины, звания, ордена и погоны.

Содержание этого воистину революционного документа, превратившего прежнюю армию в неорганизованную массу вооруженного народа, неспособного защитить свое Отечество от внешнего врага, следующее:

«Осуществляя волю революционного народа о скорейшем и решительном уничтожении всех остатков прежнего неравенства в армии, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются. Армия Российской Республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии.

2) Все преимущества, связанные с прежними чинами и званиями, равно как и все наружные отличия, отменяются.

3) Все титулования отменяются.

4) Все ордена и прочие знаки отличия отменяются.

5) С уничтожением офицерского звания уничтожаются все отдельные офицерские организации.

6) Существующий в действующей армии институт вестовых уничтожается.

Примечание. Постовые остаются лишь при канцеляриях полка, комитетах и пр. войсковых организациях» [68].

11 декабря в Могилеве открылся общеармейский съезд, на котором были представлены все фронты, за исключением Румынского и Кавказского, доступ к которым был прекращен Украинской Радой и Калединым. Разобрав целый ряд важных вопросов, съезд избрал Центральный комитет действующей армии и флота (Цекодарф). Верховным главнокомандующим под гром аплодисментов был единогласно избран Н. В. Крыленко [68].

Таким образом, Ставка Русской армии превратилась в революционную Ставку, в задачи которой не входило продолжение мировой войны. Точно так же она не имела возможности руководить Гражданской войной, которой руководили специальные штабы, так как в начальный период Гражданской войны на внутренних фронтах оперировали не подчиненные Ставке фронтовые части, а особые матросские и рабочие красногвардейские отряды.

Следовательно, перед революционной Ставкой были поставлены следующие задачи:

– недопущение использования бывшей действующей армии в контрреволюционных и империалистических целях;

– проведение полной демократизации армии как необходимого условия слома старой военной организации;

– введение в организованное русло начавшейся стихийной демобилизации армии.

Сразу же после ликвидации контрреволюционной Ставки было подписано соглашение о прекращении военных действий на десять дней –

с 24 ноября по 4 декабря 1917 г. Верховный главнокомандующий немедленно издал приказ по войскам, в котором именем революции призвал свято исполнять условия заключенного соглашения и требовал, чтобы «ни одна пуля не просвистела из окопов в сторону противника».

Для выработки условий перемирия в Брест-Литовск направлялась специальная делегация. 2 декабря был заключен договор о перемирии. В этот же день Крыленко в обращении к войскам писал: «Товарищи! (...) За этим первым шагом должен последовать второй. За перемирием придет мир. Желанная мечта миллионов рабочих и крестьян, народов, населяющих Россию, близка к осуществлению...» [78, с. 90].

Однако антисоветские силы начали борьбу против советской власти. Их опорными пунктами стали казачьи области Дона, возглавляемые генералом Калединым, Кубани и Урала во главе с генералом Дутовым, а также районы Украины, где пользовалось влиянием правительство украинских националистов – Центральная рада. Фактический союз контрреволюционной Центральной рады и Каледина серьезно осложнил обстановку. Положение осложнялось и тем, что правительства США, Англии, Франции, поддерживая контрреволюционные мятежи Каледина и Дутова, отказываясь от заключения всеобщего демократического мира, практически толкали Германию на агрессию против Советской России. Германское правительство предъявило тяжелые, унижительные условия мира: к Германии должны были отойти территории Польши, Литвы, часть Латвии, Эстонии и Белоруссии. Перед республикой остро встал вопрос: или тяжелый мир с Германией и ее союзниками, или война против заведомо более сильного противника. Необходимо было выработать программу действий применительно к создавшимся условиям.

17 декабря представители фронтов и армий собрались в Петрограде на Общеармейский съезд, как потом писал Крыленко, для выяснения вопроса о способности армии к сопротивлению и для определения дальнейшей политики центральной власти в вопросе о мирных переговорах.

Сообщив о прекращении переговоров в Бресте и немецких условиях мира, В. И. Ленин составляет «Вопросы делегатам Общеармейского съезда по демобилизации армии», зачитывает их и предлагает участникам совещания письменно ответить на эти вопросы.

По воспоминаниям Крыленко, на вопрос, способна ли русская армия при ее нынешнем состоянии и настроении солдат противостоять немецкому наступлению, «общий ответ большинства был, что армия, пожалуй, будет если и не драться по всем правилам, то, во всяком случае, сопротивляться» [40].

На следующий день, 18 декабря, на обсуждении этого вопроса на Совнаркоме Верховный главнокомандующий Крыленко в своем выступлении, не скрывая правды, твердо заявил: старая армия все больше и больше утрачивает свою боеспособность. Выдерживающая четвертую зиму в окопах в ожидании мира, она не выдержит нового затягивания. Нужно принимать немецкие условия мира.

По докладу Крыленко о положении на фронте и состоянии армии Совнарком принял резолюцию, написанную Лениным. Необходимо было срочно принять меры для создания новой армии. Дело ее организации и формирования было возложено на Всероссийскую военную коллегию.

Во второй половине декабря 1917 г. необходимость создания новой армии стала особенно острой в связи с возникновением очагов вооруженной контрреволюции, а также ростом агрессивности германских войск.

В старой же армии с каждым днем усиливалось разложение. На начало ноября дезертирами числилось более 2 млн солдат. Фронты один за другим объявляли о прекращении огня: 27 ноября – Северный фронт, 4 декабря – Юго-Западный и Западный, 9 декабря – Румынский и 18 декабря – Кавказский. Находясь в Ставке, Крыленко докладывал Совнаркому: «Положение на фронте принимает безнадежный характер», ввиду чего «необходимы экстренные меры по формированию тыла». 22 декабря он сообщил правительству о катастрофическом состоянии Румынского фронта: отсутствие продовольствия, массовое дезертирство и т. д. [78, с. 94, 95].

23 декабря на экстренном совещании представителей Наркомвоенна, Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП(б) и Главного штаба Красной гвардии Петрограда было решено приступить к разработке декрета об организации новой армии на добровольных началах, из наиболее сознательной части рабочих, крестьян и солдат старой армии, что и было сделано к середине января 1918 г. 15 января Совнарком принял Декрет об организации Красной Армии. Одновременно СНК издал Декрет об учреждении при комиссариате по военным делам Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Членами коллегии были назначены Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, Н. И. Подвойский и др.

Одновременно ускоренными темпами шла демобилизация старой армии, целые подразделения которой с требованием мира самовольно

покидали фронт. Уже 10 ноября 1917 г. Советское правительство издало Декрет «О постепенном сокращении численности старой армии», начиная с немедленного увольнения в бессрочный запас солдат и граждан призыва 1899 г. Оружие при увольнении приказом Верховного главнокомандующего по армии предписывалось сдавать в полковые комитеты, на которые возлагалась ответственность за его хранение.

В декабре 1917 г. в войска поступил приказ Верховного главнокомандующего об увольнении со службы всех солдат действующей армии 1900 и 1901 гг. призыва. В частности, на Западном фронте демобилизация солдат указанных сроков призыва с последующей отправкой по домам производилась с интервалом в 10 дней. С 10 декабря предписывалось уволить и начать перевозку солдат 1900 г. призыва, с 20 ноября – солдат 1901 г. призыва. Увольняемых из тыловых учреждений предписывалось предварительно заменять солдатами строевых частей призыва 1912–1916 гг. «в таком числе, чтобы тыловые учреждения могли продолжить работу, но не стремиться доводить их состава до полного штата». Во фронтовых частях командование фронта предписывало проводить перегруппировку «с тем, чтобы в передовой линии оставить минимум сил, нужных для ее занятия и поддержания в порядке». Кроме того, путем увеличения участков фронта, занимаемых частями, рекомендовалось «вывести возможно больше в резерв для обеспечения регулярной смены частям в передовой линии» [79, с. 278–279]. С конца декабря 1917 г. по конец января 1918 г. увольнение солдат из армии продолжилось. Конечно, начавшуюся долгожданную и желанную демобилизацию солдаты армии встретили с большим воодушевлением. В этом они видели возможность покончить с лишениями окопной жизни и на законном основании вернуться к родным очагам.

К февралю 1918 г. в результате форсированной демобилизации солдат, частичного отвода полков и подразделений в глубокий тыл с целью разгрузки фронта и их последующего расформирования, а также имевшего места дезертирства старая армия практически потеряла свою боеспособность, и остановить процесс ее распада было уже невозможно.

Тем временем с 22 декабря 1917 г. в Брест-Литовске делегация большевиков во главе с Троцким вела переговоры с немецкой делегацией об условиях сепаратного мира с Германией. Советская делегация пыталась отстоять идею «мира без аннексий и контрибуций», однако Германия предъявила России ультиматум. Она потребовала подписать договор, по которому Россия теряла Польшу, Белоруссию и часть Прибалтики.

Это поставило советскую делегацию перед суровой необходимостью выбора между провозглашенными принципами и требованиями жизни. В соответствии с принципами следовало вести войну, а не заключать позорный договор. Глава делегации Лев Троцкий, как и другие большевики, мучительно пытался разрешить это противоречие. Наконец ему показалось, что он нашел выход из положения. 28 января 1918 г. (по ст. стилю) он произнес на переговорах свою знаменитую речь о мире, которая, вкратце, сводилась к известной формуле: «Мира не подписывать, войны не вести, а армию распустить».

Германские и австрийские дипломаты из этого сделали вывод, что война, следовательно, продолжается. 18 февраля (в России к тому времени ввели новый стиль, и после 31 января сразу наступило 14 февраля) австро-немецкие войска начали наступление по всему фронту. Им почти никто не противостоял: продвижению мешали только плохие дороги. Вечером 23 февраля они заняли Псков, а 1 марта – Киев и Нарву.

19 февраля советское руководство после мучительных споров в ЦК большевиков согласилось принять немецкие условия мира. Но теперь Германия выдвинула уже гораздо более тяжелые условия, потребовав большую территорию. Кроме того, Россия должна была выплатить огромную контрибуцию.

Советская Россия была вынуждена принять эти тяжелейшие условия, и 3 марта Брестский мирный договор был подписан. По нему Россия теряла Финляндию, которая становилась независимой. Польша, Прибалтика, часть Белоруссии оккупировались немецкими войсками. Украина становилась самостоятельным государством, и на ее территорию вводились германские войска. Турция получала Карскую и Батумскую области. В общей сложности от России отторгалась территория площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 млн человек, что составляло треть населения Российской империи. Кроме того, по договору Россия передавала Германии более 90 тонн золота, сумму в 6 млрд рублей.

В целом Брестский мир ознаменовал поражение и выход России из Первой мировой войны. Победа, которая стояла почти у порога, была украдена у России и Русской армии. Бывший самодержец Российской империи Николай II, когда узнал об этом, записал в своем дневнике: «Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту – заключить мир, не спрашивая у народа».

Когда весна 1918 года принесла с собой Брест-Литовскую «передышку» и создание новой Красной Армии, Ставка как выполнившая свои задачи была расформирована, уступив свое место особым органам формирования и руководства Красной Армией – Наркомвоену и Реввоенсовету Республики. Приказом Высшего военного совета № 2 от 5 марта 1918 г. должность Главковерха упразднилась. Бывший Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко был переведен на работу в органы советской юстиции, где впоследствии принимал активное участие в сталинских репрессиях 1930-х годов, выступая в качестве обвинителя на судебных процессах. В 1938 г. сам был объявлен врагом народа, арестован и расстрелян.

Следует сказать, что Ставка к моменту своего расформирования в связи с приближением фронта к Могилеву 26 февраля была перебазирована в Орел.

Первая мировая война продолжалась до осени 1918 г. 11 ноября Германия подписала Компьенское соглашение, после которого боевые действия прекратились на всех фронтах. Судьбы побежденных на мирном конгрессе в Версале решали, как и предполагалось изначально, представители Великобритании, Франции и США. Им же достались и плоды победы. Россия в работе этой конференции не участвовала. К этому времени такого государства, как Российская империя, уже не существовало.

Очевидно и бесспорно, что в поражении Русской армии в Первой мировой войне нет вины ее солдат и офицеров, достойно показавших себя на полях сражений. Вина в полной мере лежит на тех, кто в трудное для Отечества время вместо всемерной поддержки, добиваясь отречения Николая II, развалил государственное устройство страны и армию. И как результат вместо победы – Брестский унижительный мир, заключение которого еще не факт, что Русская армия проиграла эту войну. Спасенный Париж – свидетель тому, что русский солдат выиграл ее, но не для себя, а для своих западных союзников, проявив образцы обязательности, беззаветного долга и героизма на каждом из фронтов. Русская армия в окопах войны не проиграла, а посему, как бы то ни было, необходимо отдать должное ее высшему оперативно-техническому руководящему органу – Ставке Верховного главнокомандующего, деятельность которой на протяжении Великой войны проходила на белорусской земле, и большей частью в Могилеве.

В Могилев же вскоре вошли польские войска корпуса генерала Довбор-Мусницкого, в конце мая их сменили немцы. Они не были уже так страшны, как раньше, могилевскому обывателю. Они принесли унижение, но не смерть. Обыватель с беспокойством взирал на развивающиеся события и мечтал, что кто-то должен спасти Россию.

В конце июля, перед самым уходом немцев, в город пришло известие об убийстве царской семьи. Для могилевчан это была семья, которая только что жила в их городе. Каждый из них знал, много раз видел ее, и потому, когда была объявлена по ним панихида в соборе, масса народа пришла на это трагическое богослужение. А когда, по воспоминаниям очевидцев, раздались слова: «...за убиенных рабов Божиих Николая, Александры, Алексия, Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии», – все с рыданиями опустились на колени [3, с.138]. Панихида объединила всех, и все не скрывали своих слез. Могилевчане оплакивали прошлую Россию, царскую семью и себя.

Так трагически завершалась долгая эпоха династии Романовых³, а вместе с ней Русской армии и Ставки, оставивших след не только в великой русской истории, но и на праведной земле Белой Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С января 1919 г. на службе в армии А. В. Колчака. В ноябре 1922 г. эмигрировал в Китай. Кавалер российских и иностранных боевых наград. В июне 1930 г. был избран начальником Дальневосточного отдела Российского общевойскового союза. Скончался и похоронен в Шанхае.

2. Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, генерал-майор русской армии, генерал-лейтенант Советской армии (1870–1956). Из дворян. Брат Владимира Бонч-Бруевича, ближайшего соратника и личного секретаря Ленина. Окончил военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища. Выпущен подпоручиком в 12-й гренадерский Астраханский полк, затем переведен в Лейб-гвардии Литовский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1898–1908 гг. служил при штабах различных военных округов. С марта 1914-го – командир 176-го пехотного Переволоченского полка, с которым вышел на войну. В августе 1914-го стал генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, которым командовал Рузский. В сентябре 1914-го произведен в генерал-майоры. Награжден Георгиевским оружием. Рузский, став главнокомандующим Северо-Западным фронтом, устроил назначение Бонч-Бруевича генерал-квартирмейстером своего штаба. М. Д. Бонч-Бруевич стал первым генералом, перешедшим на сторону большевиков после Октябрьской революции. В 1918-м подал в отставку и занялся вопросами геодезии. Был арестован ОГПУ в 1931-м, спустя 3 года был выпущен и оправдан.

3. В 1927 г. сдали в музей свои маузеры два царевубийцы, участвовавшие в расстреле Николая II и его семьи: Петр Ермаков – в музей в Свердловске (ныне Екатеринбург) и Яков Юровский – в московский Музей революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев, А. Г. Перекрестки могилевской истории / А. Г. Агеев, Я. И. Климуть, И. А. Пушкин. – Минск : Туринфо, 2004.
2. Барановичский городской исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baranovichy.by/>
3. Белевская, М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве (1915–1918 гг.) : личные воспоминания (Вильно, 1932 г.) / Марина Белевская // Нёман. – 2012. – № 8. – С. 119–138.
4. Бондаренко, В. Западный щит Российской империи. 1915–1917: Историческая реконструкция событий. Забытая война. 1914–1918 / Вячеслав Бондаренко. – Вильнюс : Институт военного наследия, 2015.
5. Бонч-Бруевич, М. Д. Вся власть Советам / М. Д. Бонч-Бруевич. – М., 1964.
6. Брусилов, А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – М. : Воен. изд-во Нар. комиссариата обороны, 1943.
7. Бубликов, А. А. Русская революция : (её начало, арест Царя, перспективы) : Впечатления и мысли очевидца и участника / А. А. Бубликов. – Нью-Йорк, 1918.
8. Бубнов, А. В царской ставке: Воспоминания адмирала Бубнова / А. Бубнов. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955.
9. Быков, М. Мы солдаты от Бога / М. Быков. – М. : ОЛ Принт, 2016.
10. Быков, М. Белорусский Треугольник. Угол первый. Барановичи / Михаил Быков // Русский Мир.ги. – 2014. – Сентябрь. – С. 30.
11. Бюллетень общевойсковой комиссии. – 1917. – № 18.
12. Бюллетень общевойсковой комиссии. – 1917. – № 4. – С. 4–5.
13. Бюллетень общевойсковой комиссии. – 1917. – № 7.
14. Великая и забытая: Военно-исторический Православный календарь. 2014. – М. : Николин день, 2013.
15. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии : Документы и материалы : 40 лет (1917–1957) : Т. 2. Победа Социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии / Ин-т истории партии ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН БССР, Архив. упр. БССР ; сост.: В. В. Скоробогатый [и др.] ; редкол.: Т. С. Горбунов [и др.]. – Минск : Госиздат БССР, 1957.
16. Вестник Временного правительства. – 1917. – 20 июня.

17. Воейков, В. Н. С царем и без царя : воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II / В. Н. Воейков ; сост. Т. Прокопов. – М. : Изд. центр «Терра», 1995.
18. Войсковые комитеты действующей армии: Март 1917 г. – март 1918 г. : сб. документов / АН СССР, Ин-т истории СССР, Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Центральный гос. военно-исторический архив СССР ; сост. С. Н. Базанов [и др.]. – М. : Наука, 1982.
19. Волков, С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии : Опыт мартиролога : в 2 т. / С. В. Волков. – М. : ФИВ, 2012.
20. Волков, А. А. Около царской семьи / А. А. Волков. – М., 1993.
21. Волобуев О. Корнилов или Керенский? // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 12 августа. – С. 10.
22. ГАРФ. – Ф. 1779. – Оп. 2. – Д. 1. – Ч. 1. – Л. 15.
23. ГАРФ. – Ф. 5881. – Оп. 2. – Д. 826. – Л. 3–4 об.
24. ГАРФ. – Ф. 662. – Оп. 1. – Д. 212. – Л. 32–34, 90–91.
25. Гурко, В. И. Царь и царица / В. И. Гурко. – Париж : Возрождение, 1927.
26. Данилов, Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич / Ю. Н. Данилов. – М. : Жуковский ; Кучково поле, 2006.
27. Деникин, А. И. Очерки Русской Смуты : в 2 т. / А. И. Деникин. – Репринт. изд. – Париж : Я. Поволоцкий, 1921; М. : Наука, 1991.
28. Дневники императрицы Марии Федоровны : (1914–1920, 1923 годы) / сост., рук. пер. коллектива и науч. ред. Ю. В. Кудрина. – М. : Вагриус, 2005.
29. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны : в 2 т. Т. 1. (1 января – 31 июля 1917) / отв. ред. и сост. В. М. Хрусталева. – М. : ПРОЗАиК, 2012.
30. Документы внешней политики СССР : Т. 1 : 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 / Министерство иностранных дел СССР ; Комиссия по изданию дипломатических документов: А. А. Громько (председатель) [и др.]. – М. : Политиздат, 1957.
31. Дубенский, Д. Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники / Д. Н. Дубенский // Русская летопись. – Кн. 3. – Париж, 1922.
32. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии: Ноябрь–декабрь 1914 г. / сост. Д. М. Дубенский. – Пб., 1915.
33. Жильяр, П. Император Николай II и его семья / Пьер Жильяр. – Репринт. изд. – Вена : Русь, 1921; М. : Мегаполис, 1991.
34. Залесский, К. А. Первая мировая война : энциклопедия: в 2 ч. : Ч. 1. Российская империя / К. А. Залесский. – М. : ФИВ, 2014.
35. Залесский, К. А. Первая мировая война : энциклопедия : в 2 ч. Ч. 2. Русская действующая армия / К. А. Залесский. – М. : ФИВ, 2014.
36. Известия Гомельского Губкома. – 1917. – № 15.
37. Иоффе, Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов / Г. З. Иоффе ; отв. ред. В. П. Наумов. – М. : Наука, 1989. – (Серия «Страницы истории нашей Родины»).
38. Историк и современник. – Берлин, 1924. – № 5. – С. 172.
39. Кавтарадзе, А. Октябрь и ликвидация контрреволюционной Ставки / А. Кавтарадзе // Военно-исторический журнал. – 1968. – № 4. – С. 118, 119.
40. Крыленко, Н. Смерть старой армии / Н. Крыленко // Военно-исторический журнал. – 1964. – № 12. – С. 52.

41. Курлов, П. Г. Гибель Императорской России / П. Г. Курлов. – М. : Современник, 1992.
42. Лелевич, Г. Октябрь в Ставке / Г. Лелевич. – Гомель : Кооперативное изд-во «Гомельский рабочий», 1922.
43. Лемке, М. К. 250 дней в царской ставке, 1914–1915 / М. Лемке. – Минск : Харвест, 2003. – (Воспоминания. Мемуары).
44. Лемке, М. К. 250 дней в царской ставке: (26 сентября 1915 – 2 июля 1916) / М. Лемке. – Петербург : Гос. изд-во, 1920.
45. Лютко, С. Г. Комплектование русской армии в годы Первой мировой войны / С. Г. Лютко // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. / ред. кол.: В. А. Богуш (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 104–107.
46. Мальков, В. Л. Первая мировая война / В. Л. Мальков. – М. : Воениздат, 2002.
47. Мартынов, Е. И. Корнилов : (Попытка военного переворота) / Е. И. Мартынов. – Л., 1927.
48. Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1, 2 / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории [и др.]; редкол.: В. А. Золотарев [и др.]; рук. проекта О. А. Ржешевский. – М. : Наука, 2002.
49. Михалев, С. Н. Военная стратегия: подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени / С. Н. Михалев. – М. : Воениздат, 2003.
50. Могилевская жизнь. – 1917. – 20 ноября.
51. Могилевская жизнь. – 1917. – 28 октября.
52. Могилевская жизнь. – 1917. – 31 октября.
53. Могилевский портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mogilev.by/>
54. Мордвинов, А. А. Каким я знал моего Государя и каким знали его другие / А. А. Мордвинов // Отечественные архивы. – 1993. – № 3.
55. Надтачаев, В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надтачаев; редкол.: И. В. Валаханович, А. Г. Зельский; под общ. ред. И. Н. Кузнецова. – Минск : Кавалер, 2008.
56. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 299. – Оп. 13. – Д. 797. – Л. 2–2 об.
57. Олтаржевский, Г. Десять лет после славы. Жизнь и судьба генерала Брусилова / Георгий Олтаржевский // СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 11 июня. – С. 12–13.
58. Отечественные архивы. – 1993. – № 3. – С. 70.
59. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / редакция П. Е. Щеголева; вступ. статьи Л. Китаева, М. Е. Кольцова. – 2-е изд., доп. – М. : Сов. писатель, 1990.
60. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
61. Памяць : Магілёў : Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / уклад.: Б. П. Гардзееў, М. П. Хобатаў; рэдкал.: Б. П. Гардзееў [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 1998.
62. Памяць: Гіст.-дак. хроніка Быхаўскага р-на / рэд. І. П. Шамякін [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990.
63. Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. / ред. кол.: В. А. Богуш (пред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2014.

64. Первая мировая война : энциклопедический словарь : [к 100-летию начала Первой мировой войны] / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Российская ассоциация историков Первой мировой войны ; О. Е. Алпеев [и др.] ; руководитель проекта акад. А. О. Чубарьян ; отв. ред. Е. Ю. Сергеев. – М. : Весь мир, 2014.
65. Петроградский военно-революционный комитет : Документы и материалы : в 3 т. Т. 1 / редкол.: Д. А. Чугаев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1966.
66. Поликарпов, В. Позорное бегство главарей корниловщины / В. Поликарпов // Военно-исторический журнал. – 1970. – № 12. – С. 96–105.
67. Правда. – 1917. – 21 ноября.
68. Революционная Ставка. – 1917. – 1, 12, 14 декабря.
69. Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис : документы и материалы / сост. Ю. У. Томашевич ; ред. коллегия: Д. А. Чугаев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
70. Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. : Июньская демонстрация : документы и материалы / ред. коллегия: Д. А. Чугаев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
71. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918 : энциклопедия : в 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. – М., 2014.
72. Рунов, В. А. Легендарный Корнилов: «Не человек, а стихия» / Валентин Рунов. – М. : Яуза; Эксмо, 2014. – (Последние герои Империи).
73. Русская старина. – 1915. – XII.
74. СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 16 марта. – С. 16.
75. Семанов, С. Н. Брусилов / С. Н. Семанов. – М. : Мол. гвардия, 1980. – (Жизнь замечательных людей).
76. Семенникова, Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций : учеб. пособие / Л. И. Семенникова. – 4-е изд. – Брянск, 2000.
77. Сергеев-Ценский, С. Н. Брусиловский прорыв : Ч. 2. Горячее лето / С. Н. Сергеев-Ценский. – М. : ОГИЗ; Гос. изд-во худож. л-ры, 1944.
78. Симонян, М. Н. Его профессия – революция : документальный очерк о жизни и деятельности Н. В. Крыленко / М. Н. Симонян. – 2-е изд., доп. – М. : Знание, 1985.
79. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. : монография / М. М. Смольянинов ; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск : Белорусская наука, 2014.
80. Смольянинов, М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смольянинов ; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – 2-е изд. – Минск : Белорусская наука, 2008.
81. Соболев, Г. Л. Александр Керенский: любовь и ненависть революции : дневники, статьи, очерки и воспоминания современников / Г. Л. Соболев. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1993.
82. Солонец, Г. Трагедия под Барановичами / Г. Солонец // Мінская праўда. – 2014. – 22 сакавіка.
83. Спиридович, А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917) : Воспоминания. Мемуары / А. И. Спиридович. – Минск : Харвест, 2004.
84. Станкевич, В. Б. Воспоминания. 1914–1919 / В. Б. Станкевич. – Л. : Прибой, 1926.

85. Титов, И. В. ОТМА. О великих княжнах Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии Николаевнах / И. В. Титов // Дворянское собрание. – 1996. – № 4. – С. 28–45.

86. Толстой, А. Н. Хожение по мукам : трилогия / Алексей Толстой. – Минск : Мастацкая літаратура, 1975.

87. Тютюкин, С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.) / С. В. Тютюкин ; Институт российской истории РАН. – М. : РОССПЭН, 2012.

88. Успенский, Л. Записки старого петербуржца / Лев Успенский. – Л. : Лениздат, 1970.

89. Ушаков, А. И. Лавр Корнилов / Александр Ушаков, Владимир Федюк. – М. : Молодая гвардия, 2006. – (Жизнь замечательных людей).

90. Фрейлина Ее Величества: «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. – Репринт. изд. – М. : Сов. писатель, 1990.

91. Царские дети : сб. / сост. Н. К. Бонецкая. – М. : Сретенский монастырь, 2004.

92. ЦГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 832. – Л. 15 // Поликарпов, В. Позорное бегство главарей корниловщины / В. Поликарпов // Военно-исторический журнал. – 1970. – № 12. – С. 101.

93. ЦГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 3. – Д. 58. – Л. 14. Протокол дознания // Поликарпов, В. Позорное бегство главарей корниловщины / В. Поликарпов // Военно-исторический журнал. – 1970. – № 12. – С. 98.

94. ЦГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 3. – Д. 58. – Л. 15–16 // Поликарпов, В. Позорное бегство главарей корниловщины / В. Поликарпов // Военно-исторический журнал. – 1970. – № 12. – С. 98–99.

95. Шавельский, Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота / Г. И. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954.

96. Шарков, А. В. Крест Отечества: События и лица Первой мировой войны / А. В. Шарков, В. В. Грозов, Ю. А. Бествицкий. – Минск, 2014.

97. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 5. – Мінск, 1999.

98. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 6. Кн. 1. – Мінск, 2001.

**ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ
СУХОПУТНЫХ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРИОД С АВГУСТА 1914 Г. ПО МАРТ 1917 Г.**

СТАВКА

Верховные главнокомандующие:

генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (20.7.1914 – 23.8.1915, 2.3 – 11.3.1917);
император Николай II (23.8.1915 – 2.3.1917);
генерал от инфантерии М. В. Алексеев (1.4 – 21.5.1917);
генерал от кавалерии А. А. Брусилов (22.5 – 19.7.1917);
генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов (19.7 – 27.8.1917);
А. Ф. Керенский (30.8 – 3.11.1917);
генерал-лейтенант Н. Н. Духонин (3.11 – 9.11.1917);
прапорщик Н. В. Крыленко (9.11.1917 – 13.3.1918).

Начальники Штаба Верховного главнокомандующего:

генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич (19.7.1914 – 18.8.1915);
генерал от инфантерии М. В. Алексеев (18.8.1915 – 1.4.1917);
генерал от кавалерии В. И. Гурко (врио, 10.11.1916 – 17.2.1917);
генерал от инфантерии В. Н. Клембовский (11.3 – 5.4.1917);
генерал-лейтенант А. И. Деникин (5.4 – 31.5.1917);
генерал-лейтенант А. С. Лукомский (2.6 – 30.8.1917);
генерал от инфантерии М. В. Алексеев (30.8 – 9.9.1917);
генерал-лейтенант Н. Н. Духонин (10.10 – 3.11.1917);
генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич (20.11.1917 – 5.3.1918).

Генерал-квартирмейстеры Штаба Верховного главнокомандующего:

генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов (19.07.1914 – 30.08.1915);
генерал-лейтенант М. С. Пустовойтенко (30.08.1915 – 6.12.1916);
генерал-лейтенант А. С. Лукомский (6.12.1916 – 1.03.1917).

ФРОНТ

Главнокомандующие армиями Северо-Западного фронта:

генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский (19.7 – 3.9.1914);
генерал от инфантерии Н. В. Рузский (3.9.1914 – 17.3.1915);
генерал от инфантерии М. В. Алексеев (17.3.1915 – 4.8.1915).

Главнокомандующие армиями Северного фронта:

генерал от инфантерии Н. В. Рузский (18.8 – 6.12.1915; 1.8.1916 – 25.4.1917);
генерал от кавалерии П. А. Плеве (6.12.1915 – 6.2.1916);
генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин (6.2 – 22.7.1916);
генерал от кавалерии А. М. Драгомиров (29.4 – 1.6.1917);
генерал от инфантерии В. Н. Клембовский (1.6 – 29.8.1917);
генерал от инфантерии В. А. Черемисов (9.9 – 14.11.1917).

Главнокомандующие армиями Западного фронта:

генерал от инфантерии М. В. Алексеев (4.8 – 18.8.1915);
генерал от инфантерии А. Е. Эверт (23.8.1915 – 11.3.1917);
генерал от инфантерии В. В. Смирнов (11 – 31.3.1917);
генерал от кавалерии В. И. Гурко (31.3 – 22.5.1917);
генерал-лейтенант А. И. Деникин (31.5–2.8.1917);
генерал от инфантерии П. С. Балувев (2.8 – 12.11.1917).

Главнокомандующие армиями Юго-Западного фронта:

генерал от артиллерии Н. И. Иванов (19.7.1914 – 17.3.1916);
генерал от кавалерии А. А. Брусилов (17.3.1916 – 21.5.1917);
генерал-лейтенант А. Е. Гутор (22.5 – 10.7.1917);
генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов (10.7 – 18.7.1917);
генерал-лейтенант А. И. Деникин (2.8 – 29.8.1917);
генерал-лейтенант Н. Г. Володченко (9.9 – 24.11.1917).

Помощники главнокомандующего армиями Румынского фронта (главнокомандующим считался король Румынии Фердинанд I):

генерал от кавалерии В. В. Сахаров (12.12.1916 – 1.4.1917);
генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев (11.4.1917 – 25.3.1918).

Главнокомандующие Кавказским фронтом:

генерал от инфантерии Н. Н. Юденич (3.4 – 31.5.1917);
генерал от инфантерии М. А. Пржевальский (31.5 – 28.12.1917).

АРМИЯ

Командующие 1-й армией:

генерал от кавалерии П. К. фон Ренненкампф (19.7 – 18.11.1914);
генерал от кавалерии А. И. Литвинов (5.12.1914 – 2.4.1917);
генерал-лейтенант М. А. Соковнин (22.4 – 30.7.1917);
генерал-лейтенант Г. М. Ванновский (31.7 – 9.9.1917);
генерал-лейтенант В. В. фон Нотбек (9.9.1917 – ноябрь 1917).

Командующие 2-й армией:

генерал от кавалерии А. В. Самсонов (19.7 – 17.8.1914);
генерал от кавалерии С. М. Шейдеман (23.8 – 5.12.1914);
генерал от инфантерии В. В. Смирнов (5.12.1914 – 8.4.1917);
генерал-лейтенант А. А. Веселовский (8.4 – 12.7.1917);
генерал от инфантерии Н. А. Данилов (12.8 – 20.11.1917).

Командующие 3-й армией:

генерал от инфантерии Н. В. Рузский (19.7 – 3.9.1914);
генерал от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриев (3.9.1914 – 20.5.1915);
генерал от инфантерии Л. В. Леш (3.6.1915 – 3.4.1917);
генерал-лейтенант М. Ф. Квевинский (3.4 – 11.8.1917);
генерал-лейтенант Я. К. Цихович (11.8 – 9.9.1917);
генерал-лейтенант Д. П. Парский (9.9.1917 – ноябрь 1917).

Командующие 4-й армией:

генерал от инфантерии барон А. Е. Зальца (19.7 – 22.8.1914);
генерал от инфантерии А. Е. Эверт (22.8.1914 – 20.8.1915);
генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза (30.8.1915 – 21.11.1917).

Командующие 5-й армией:

генерал от кавалерии П. А. Плеве (19.7.1914 – 14.1.1915; 8.6 – 6.12.1915);
генерал от инфантерии А. Е. Чурин (14.1 – 8.6.1915);
генерал от инфантерии В. Н. Клембовский (6.12.1915 – 30.1.1916);
генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин (30.1 – 6.2.1916);
генерал от кавалерии В. И. Гурко (21.2 – 4.8.1916);
генерал от кавалерии А. М. Драгомиров (14.8.1916 – 27.4.1917);
генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов (29.4 – 9.9.1917);
генерал-лейтенант В. Г. Болдырев (9.9 – 13.11.1917).

Командующие 6-й армией:

генерал от артиллерии К. П. Фан-дер-Флит (19.7.1914 – 21.6.1915);
генерал от инфантерии Н. В. Рузский (30.6 – 18.8.1915);

генерал от инфантерии А. Е. Чурин (20.8.1915 – 20.3.1916);
генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский (20.3 – 12.12.1916).

Командующие 7-й армией:

генерал от артиллерии В. Н. Никитин (19.7.1914 – 19.10.1915);
генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев (19.10.1915 – 11.4.1917);
генерал-лейтенант Л. Н. Белькович (13.4 – 20.6.1917);
генерал-лейтенант В. И. Селивачев (26.6 – 9.9.1917);
генерал-лейтенант Я. К. Цихович (9.9 – 3.12.1917).

Командующие 8-й армией:

генерал от кавалерии А. А. Брусиллов (28.7.1914 – 17.3.1916);
генерал от кавалерии А. М. Каледин (20.3.1916 – 29.4.1917);
генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов (29.4 – 10.7.1917);
генерал-лейтенант В. А. Черемисов (11.7 – 25.7.1917);
генерал-лейтенант М. А. Соковнин (30.7 – 17.10.1917);
генерал-лейтенант Н. Л. Юнаков (18.10 – 21.12.1917).

Командующие 9-й армией:

генерал от инфантерии П. А. Лечицкий (9.8.1914 – 18.4.1917);
генерал-лейтенант Г. В. Ступин (18.4.1917 – 11.8.1917);
генерал-лейтенант В. А. Черемисов (11.8.1917 – 9.9.1917);
генерал-лейтенант А. К. Кельчевский (9.9.1917 – ноябрь 1917).

Командующие 10-й армией:

генерал-лейтенант В. Е. Флуг (22.8 – 23.9.1914);
генерал от инфантерии Ф. В. Сиверс (23.9.1914 – 25.4.1915);
генерал от инфантерии Е. А. Радкевич (25.4.1915 – октябрь 1916);
генерал от инфантерии А. А. Цуриков (10.1916 – 12.12.1916);
генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский (12.12.1916 – 2.4.1917);
генерал-лейтенант Н. М. Киселевский (9.4 – 12.7.1917);
генерал-лейтенант П. Н. Ломновский (12.7 – 9.9.1917);
генерал-майор А. А. Шихлинский (9.9 – 16.11.1917).

Командующие 11-й армией:

генерал от инфантерии А. Н. Селиванов (21.10.1914 – 5.4.1915);
генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев (5.4 – 19.10.1915);
генерал от кавалерии В. В. Сахаров (25.10.1915 – октябрь 1916);
генерал от инфантерии В. Н. Клембовский (10.1916 – 20.12.1916);
генерал от инфантерии Д. В. Баланин (20.12.1916 – 5.4.1917);
генерал-лейтенант А. Е. Гутор (15.4 – 22.5.1917);
генерал от кавалерии И. Г. Эрдели (30.5 – 9.7.1917);

генерал от инфантерии П. С. Балуев (9 – 19.7.1917);
генерал-лейтенант Ф. С. Рерберг (врио, 19.7 – 29.8.1917);
генерал-лейтенант М. Н. Промтов (9.9 – 1.12.1917).

Командующие 12-й армией:

генерал от кавалерии П. А. Плеве (14.1 – 8.6.1915);
генерал от инфантерии А. Е. Чурин (8.6 – 20.8.1915);
генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский (20.8.1915 – 20.3.1916);
генерал от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриев (20.3.1916 – 20.7.1917);
генерал-лейтенант Д. П. Парский (20.7 – 9.9.1917);
генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович (9.9 – 19.11.1917).

Командующий 13-й армией:

генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский (12.6 – 20.8.1915).

ОСОБАЯ АРМИЯ

Командующие Особой армией:

генерал от кавалерии В. И. Гурко (14.8.1916 – 31.3.1917);
генерал от инфантерии П. С. Балуев (врио, 10.11.1916 – 17.2.1917);
генерал от инфантерии П. С. Балуев (2.4.1917 – 9.7.1917);
генерал от кавалерии И. Г. Эрдели (12.7 – 29.8.1917);
генерал от инфантерии С. Ф. Стельницкий (14.9 – 20.11.1917);
генерал-лейтенант Ф. С. Рерберг (20.11 – 13.12.1917).

Командующий Добруджинской армией:

генерал от инфантерии А. М. Зайончковский (авг. – окт. 1916).

Командующий Дунайской армией:

генерал от кавалерии В. В. Сахаров (окт. – дек. 1916).

Главкомандующие Кавказской армией:

генерал от кавалерии граф И. И. Воронцов-Дашков (30.8.1914 – 23.8.1915);
генерал от инфантерии Н. Н. Юденич (24.1.1915 – 3.3.1917);
генерал от инфантерии М. А. Пржевальский (3.4 – 11.9.1917);
генерал-лейтенант И. З. Одишелидзе (2.10.1917 – 28.2.1918).

Анатолий Васильевич Шарков. Белорусский историк, юрист, писатель. Доктор исторических наук, профессор, почетный профессор Академии права и управления Минюста России, член Союза писателей Беларуси, лауреат премии Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение» (2015). Окончил Белорусский государственный институт физической культуры, Минскую высшую школу МВД СССР. С октября 1975 г. в органах внутренних дел, ныне – профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии МВД Республики Беларусь. Полковник милиции в отставке.

Один из разработчиков Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь и Научно-практического комментария к нему. Автор первого в Беларуси учебника с грифом Министерства образования Республики Беларусь – «Уголовно-исполнительное право» (1-е изд. – 2005; 2-е – 2008; 3-е – 2012).

Занимается исследованием истории Первой и Второй мировых войн, органов внутренних дел и проблемами исполнения наказаний. Автор более 200 публикаций, в том числе 15-ти монографий, 8-ми научно-популярных книг: «Июньский рассвет, нюрнбергский закат: трагедии и судьбы Второй мировой» (в соавт.; 2007; 2-е изд., доп. – 2008); «Органы внутренних дел Беларуси в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2009); «Под крестом судьбы» (2010; 2-е изд., доп. – 2014); «Крест Отечества. События и лица Первой мировой войны» (2014), «Последний приют солдата = Letzte Ruhestätte für Soldaten» (в соавт.; 2014); «Жить и помнить. Советские воинские захоронения в Европе» (в соавт.; 2015); «Милиция Беларуси: 100 лет. История и современность» (в соавт.; 2016), «Святые родники Белой Руси» (в соавт.; 2017).

Елена Ивановна Хорошевич. Журналист, переводчик. В 1984 г. окончила университет им. К. Маркса в Лейпциге, в 2008 г. – Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Лауреат премии Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение» (2015). Член Союза писателей Беларуси. Является автором многочисленных публикаций. Сотрудничает с радиостанцией «Беларусь». Автор радиопередач на русском и немецком языках в информационной сфере, в области истории и культуры. Занимается исследованием истории Первой и Второй мировых войн. Соавтор книг «Последний приют солдата = Letzte Ruhestätte für Soldaten» (2014), «Жить и помнить. Советские воинские захоронения в Европе» (2015), «Святые родники Белой Руси» (2017).

Научно-популярное издание

ШАРКОВ Анатолий Васильевич
ХОРОШЕВИЧ Елена Ивановна

СТАВКА
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОБЫТИЯХ И ЛИЦАХ

Редактор *Н. Ф. Крицкая*
Художник *А. В. Житкевич*
Компьютерная верстка *Д. С. Камейша*
Стильредакторы *О. С. Рацевич, А. В. Жабинский, Н. Ф. Крицкая*

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,80+2,60 вкл. Уч.-изд. л. 15,34+4,3 вкл.
Тираж 519 экз. Заказ .

16+

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звезда».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/8 от 02.08.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 10а, 220013, г. Минск,
Республика Беларусь.

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я.Коласа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/3 от 04.10.2013.
Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск,
Республика Беларусь.